

БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

СТИВЕН ПИНКЕР

Почему насилия в мире
стало меньше

ЛУЧШЕЕ В НАС

АНО
альпина нон-фикшн

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

Большие идеи: книги для любознательных

Стивен Пинкер

**Лучшее в нас. Почему
насилия в мире стало меньше**

«Альпина Диджитал»

2011

УДК 94(100)+159.92
ББК 63.3(0)+87.526.2

Пинкер С.

Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше /
С. Пинкер — «Альпина Диджитал», 2011 — (Большие идеи:
книги для любознательных)

ISBN 978-5-00-139386-3

Сталкиваясь с бесконечным потоком новостей о войнах, преступности и терроризме, нетрудно поверить, что мы живем в самый страшный период в истории человечества. Но Стивен Пинкер показывает в своей удивительной и захватывающей книге, что на самом деле все обстоит ровно наоборот: на протяжении тысячелетий насилие сокращается, и мы, по всей вероятности, живем в самое мирное время за всю историю существования нашего вида. В прошлом войны, рабство, детоубийство, жестокое обращение с детьми, убийства, погромы, калечащие наказания, кровопролитные столкновения и проявления геноцида были обычным делом. Но в нашей с вами действительности Пинкер показывает (в том числе с помощью сотни с лишним графиков и карт), что все эти виды насилия значительно сократились и повсеместно все больше осуждаются обществом. Как это произошло?

В этой революционной работе Пинкер исследует глубины человеческой природы и, сочетая историю с психологией, рисует удивительную картину мира, который все чаще отказывается от насилия. Автор помогает понять наши запутанные мотивы – внутренних демонов, которые склоняют нас к насилию, и добрых ангелов, указывающих противоположный путь, – а также проследить, как изменение условий жизни помогло нашим добрым ангелам взять верх. Развенчивая фаталистические мифы о том, что насилие – неотъемлемое свойство человеческой цивилизации, а время, в которое мы живем, проклято, эта смелая и задевающая за живое книга несомненно вызовет горячие споры и в кабинетах политиков и ученых, и в домах обычных читателей, поскольку она ставит под сомнение и изменяет наши взгляды на общество. Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 94(100)+159.92

ББК 63.3(0)+87.526.2

ISBN 978-5-00-139386-3

© Пинкер С., 2011

© Альпина Диджитал, 2011

Содержание

Предисловие к русскому изданию	8
Предисловие	12
Глава 1	19
Доисторический период	20
Гомеровская Греция	22
Еврейская библия	24
Римская империя и раннее христианство	29
Средневековые рыцари	34
Европа на заре нового времени	36
Честь в европе и в сша в период становления американского государства	39
Двадцатый век	41
Глава 2	48
Логика насилия	49
Насилие у предков человека	54
Виды человеческих обществ	58
Уровень насилия в государствах и догосударственных обществах	64
Цивилизация и ее недостатки	75
Глава 3	77
Сокращение числа убийств в Европе	79
Причины сокращения числа убийств в Европе	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Стивен Пинкер

Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше

Переводчики *Галина Бородина, Светлана Кузнецова*
Научный редактор *Екатерина Шульман, канд. полит. наук (внесена в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента)*
Редактор *Владимир Потапов*
Издатель *П. Подкосов*
Руководитель проекта *А. Тарасова*
Корректоры *О. Сметанникова, С. Чупахина*
Арт-директор *Ю. Буга*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Книжные проекты
Дмитрия Зими́на

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зими́н – основатель компании «Вымпелком» (Beeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зими́на» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru

© Steven Pinker, 2011

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*Еве, Карлу и Эрику,
Джеку и Дэвиду,
Яэль и Даниэль
и миру, который они унаследуют*

Что же это за химера – человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор Вселенной.

Блез Паскаль. Мысли¹

¹ Перевод Ю. Гинзбург.

Предисловие к русскому изданию Бессмертное солнце ума

ДАННЫЙ МАТЕРИАЛ (ПРЕДИСЛОВИЕ) СОЗДАН ИНОСТРАННЫМ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА.

ШУЛЬМАН ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА ВНЕСЕНА В РЕЕСТР СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА.

Стивен Пинкер, автор книги «Лучшее в нас», – канадский ученый, нейропсихолог, лингвист и дважды лауреат Пулитцеровской премии, просветитель и популяризатор науки. Он учился и работал в Гарварде и Массачусетском технологическом институте. Стивен Пинкер – автор нескольких книг по психолингвистике и когнитивной теории, две из которых – «Как работает мозг» и «Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня» – были опубликованы на русском языке. «Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше» – его magnum opus, написанный в 2011 году, – приходит к русскоязычному читателю сегодня. Объемом, размахом и, не побоимся сказать, авторской самоуверенностью труд этот неуловимо напоминает «Войну и мир». В одном из эпизодов толстовской эпопеи молодой граф Ростов требует у управляющего «счета всего». Автор «Лучшего в нас» читателю эти самые «счета всего» представляет: книга полна графиков, диаграмм, числовых таблиц, оперирует огромным статистическим материалом. Один список использованной литературы образует хороший университетский курс социальных наук и истории.

О чем эта книга?

Это исторический обзор факторов, способствующих снижению насилия, с объяснением причин их появления и описанием их действия во времени. Автор рассматривает всю человеческую историю под этим углом, а затем вычленяет тех «лучших ангелов», из-за которых насилие снижается, так же как и тех темных демонов, которые заставляют человека применять насилие к себе подобным.

Эта книга, пишет автор, родилась, как многое хорошее в наше время рождается, из дискуссий на форуме, где он задал вопрос своим коллегам: какая, по вашему мнению, самая недооцененная тенденция нашего времени? Проще говоря, что происходит важного, на что мы не обращаем внимания? Ему стали приходить ответы, из которых следовало, что тенденция, которую мы не видим, процесс, которого мы не замечаем, – это глобальное снижение насилия.

Стивен Пинкер ставит себя в невыгодное положение, стремясь доказать тезис, выглядящий в наше время идеалистическим или прямо нелепым. Пророки апокалипсиса всегда в цене: падение нравов и моральный регресс всякий может наблюдать на примере соседа (но никогда – самого себя), и непосредственный опыт подсказывает каждому из нас, что раньше трава была гуще, чаща чище, а все дороги вели в Изумрудный город. Но певцы прогресса перестали быть популярны с тех пор, как ушла эпоха Просвещения и потускнел культ Разума. Пытающийся доказать, что человечество с веками становится все гуманней, а нравы все мягче, выглядит как проповедник теории вечного мира из салона Анны Павловны Шерер (все читатели соглашались с юным Пьером, что «план вечного мира есть химера»).

Однако книга Пинкера как раз об этом – на огромном и разнообразном статистическом материале автор доказывает, что во всех сферах человеческой деятельности за последние 2500 лет радикально снизился уровень насилия. Это касается как нравов войны, так и числа убийств в частной жизни, судебной пытки, пенитенциарных нравов, обращения с детьми, отно-

шения к женщинам, сексуальным и этническим меньшинствам, животным. Пинкер как нейропсихолог отвергает тезис, что насилие составляет биологическую потребность нашего вида. Он считает, что человеку свойственно сотрудничество, что мы – социальные животные, и инстинкт подсказывает нам преимущество взаимопомощи перед насильственной конкуренцией.

Пинкер выделяет пять исторических сил, снижающих уровень насилия. Собственно, нижеследующее есть развернутое изложение известного пушкинского тезиса «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»:

Левиафан – появление современных национальных государств, монополизировавших насилие в рамках правоохранительной и правоприменительной системы.

Торговля – технологический прогресс, сделавший возможным обмен товарами на расстоянии, благодаря чему живой покупатель стоит дороже, чем вражеский труп.

Феминизация – рост уважения к интересам и ценностям женщин.

Глобализация и космополитизм – грамотность, мобильность и медиа, расширяющие круг наших симпатий к людям, непохожим на нас.

Рационализация, власть рассудка – применение научных и рациональных подходов к решению проблем, что позволяет осознать неэффективность замкнутого круга насилия и ценность кооперации.

Тезис о глобальной и устойчивой тенденции к снижению насилия парадоксальным образом возмущает наше нравственное чувство: он звучит как обесценивание людских страданий, новости о которых ежеминутно поставляют нам информационное пространство, как призыв к самоуспокоению и социальному квиетизму. Он, кажется, легко опровергаем любой ежеминутно приходящей новостью: информационное пространство полно описанием, и каждое кажется нам возмутительным, невиданным и, что хуже, неизбежным предвестником еще более ужасной череды зол и бедствий. На самом деле и изобилие такого рода новостей, и наше ими возмущение суть не опровержения, а подтверждения центральной мысли этой книги.

Есть общий закон: когда социум начинает избыть некое зло, его в публичном пространстве становится больше, потому что на него обращают внимание. Общераспространенное, общепринятое зло не замечается. Мы обращаем внимание – обычно с возмущением – на те социальные практики, которые или уходят, или нарождаются (конечно, всегда есть риск перепутать одно с другим).

Именно исходя из тенденции снижения насилия и повышения цены жизни человеческой те плохие новости о насилии, репрессиях, смертях, которые мы видим, поражают нас гораздо сильнее, чем они поражали наших равнодушных предков, привыкших к высокой смертности вокруг себя.

Мы воспитаны в убеждении, что XX век был самым кровавым во всей истории человечества, что его урок – варварство всегда рядом, слой цивилизации тонок и хрупок, ничто не предохраняет нас от быстрого и радикального одичания. При всем уважении к исследованиям о банальности зла, с их выводом «палачом может сделаться любой», они заслоняют от нас банальность добра – тот факт, что само наше возмущение ужасами войны есть плод гуманности, выращенной неуклонно прогрессирующей цивилизацией. Выясняется, что по проценту убыли мужского населения самой кровопролитной была не Вторая мировая, а гражданская война в Англии XVII века. А что такое в нашем представлении английская гражданская война? Кавалеры, пуритане-«железнобокие», неподкупный Кромвель, шпаги, кружевные рукава – сплошная романтика. Этнические чистки кажутся нам изобретением XX века, а на самом деле многовековая тотальная резня на границах Европы или на необозримых пространствах Средней Азии и Китая просто находилась за пределами наших познаний. В этом смысле приведенные в книге таблицы выстраивающие вооруженные конфликты по количеству людских потерь, – поучительное чтение.

Даже те черты современных конфликтов, которые кажутся нам наиболее отвратительными, – использование детей, игра «чей первый труп, тот и прав» и «кто первый выстрелил, тот и проиграл», сознательная работа на телевизионную картинку, размывание самого понятия «мирное население» – суть тоже извращенные плоды гуманистического прогресса. Условный террорист, умножающий жертвы среди своих, чтобы поставить противника в морально невыгодную позицию, рассчитывает на зрителей глобального ютьюба, которым жалко чужих женщин и детей. Этот гуманный зритель – гражданин гуманного мира и плод его цивилизации.

Увы, тот процесс снижения роли насилия в делах человеческих, о котором пишет Пинкер, не является, по его собственным словам, ни линейным, ни непрерывным. Он касается преимущественно Европы и Северной Америки, и даже в пределах Первого мира всегда есть шанс провалиться в локальную историческую дыру, где вас радостно встретит XIII век, «Игра престолов» и прочий солнечный Арканар. Тенденции это не переменит – через исторически ничтожный срок и это окказиональное безобразие смоеет великая река прогресса, разве что не каждый сможет до этого момента дожить. Но книгу почитать тем более стоит – она распространяет редкий в наше время исторический оптимизм.

Перевод, как известно, самый глубокий вид чтения. По той же логике, научное редактирование перевода – способ погрузиться в текст на глубину следующего уровня. Научный редактор этой без преувеличения гигантской книги не рассчитывает, что текст удалось сделать безупречным или хотя бы избавить от тех необъяснимо очевидных ошибок, традиционно ускользающих от последовательных редакторских и корректорских просмотров, – кажется, их охраняет особый книжный демон, родственник тех домовых, которые в обычное время бесследно прячут вещи, только что бывшие у вас в руках. Но редактор рассчитывает, что читатель получит от этой книги то же бескорыстное удовольствие и ту же вполне осязаемую образовательную пользу, которую удалось получить от работы над ней. Редактор признается, что только в процессе работы смог твердо постичь разницу между средним и медианным, а также приблизиться к пониманию того, что такое случайное распределение.

Что, может быть, еще важнее: эта книга проникнута уважением к человечеству – его неугасимому творческому духу, его не знающему преград разуму, его фундаментальному стремлению к добру. Идеологически и стилистически Стивен Пинкер близок не столько к современным образцам жанра просветительского нон-фикшна и эдьютейнмента (при всем уважении к ним), сколько к знакомой нам по детскому чтению просветительской литературе советских шестидесятых. Хотя Пинкер пишет вовсе не для юной аудитории, интенция просвещения, почтение к науке, гуманистическая рациональность вызывают в памяти книги вроде «Как человек стал великаном», или энциклопедию «Что такое? Кто такой?», или переводную «Радость познания», или те популяризаторские труды о ботанике, физике или математике, которые оставались в памяти читателя, не собиравшегося становиться ни ботаником, ни физиком, благодаря той бесконечно обаятельной интонации, с которой говорят только о том, что дорого и интересно, о чем хочется рассказать не с целью обучения и воспитания, а чтобы поделиться бесконечной радостью познания.

Наслаждение разума, осознающего себя в упражнении своих растущих сил, было в этих книгах ключевым стилеобразующим мотивом. В отличие от советских просветителей, тема Пинкера – не победа человека над природой, не овладение материей, а победа над самим собой, над темными демонами насилия, дикости, бессмысленного разрушения. Стивен Пинкер – рыцарь Просвещения, он оперирует его идеологическим аппаратом и его словарем – прогресса, разума, труда, сознательного последовательного улучшения жизни. В публичном пространстве, заполненном мрачной конспирологией, разнообразными формами мистицизма и теми настроениями, которые в прошлом веке назывались упадническими, это производит освежающее впечатление внезапно распахнутой двери, через которую врывается дезинфицирующий солнечный свет. Да здравствует солнце, да скроется тьма!

*Екатерина Шульман,
Москва, август 2020 г.*

Предисловие

Эта книга посвящена самому, может быть, важному процессу в человеческой истории. Хотите – верьте, хотите – нет, и я знаю, что большинство не поверит, но, если рассматривать дело в долгосрочной перспективе, уровень насилия в мире снижается, и, похоже, мы сегодня живем в самую мирную эпоху за все время существования нашего вида. Конечно, снижение это не всегда шло гладко, не свело насилие к нулю и нет никаких гарантий, что так будет продолжаться и дальше. И все-таки это явное достижение, которое прослеживается на различных временных отрезках – от тысячелетий до отдельных лет – и в различных сферах – от ведения войн до наказания детей.

Отказ от насилия затронул все стороны жизни. Обыденность выглядит совершенно по-другому, когда приходится постоянно беспокоиться об угрозе похищения, изнасилования, убийства; и весьма трудно развивать современное искусство, науку или торговлю, если поддерживающие их общественные институты громятся и уничтожаются с той же скоростью, что и создаются.

Историческая траектория насилия влияет не только на то, как мы проживаем свою жизнь, но и на то, как мы ее понимаем. К худу или к добру привели нас в итоге многовековые усилия человечества – краеугольный вопрос для ощущения смысла и цели существования. Как, например, оценивать «современность» с ее разрушением семьи, рода, традиций и религии силами индивидуализма, космополитизма, рационального подхода и науки? Очень многое зависит от того, как мы воспринимаем последствия этих преобразований: видим ли мы наш мир как кошмар преступности, терроризма, геноцидов и войн или как благословенный по историческим стандартам период с беспрецедентно высоким уровнем мирного сосуществования.

Кроме того, вопрос, куда на самом деле направлен вектор насилия – вверх или вниз, тесно связан с концепцией человеческой природы. Хотя биологические теории природы человека часто ассоциируются с фатализмом в отношении насилия, а идея разума как чистого листа считается прогрессивной, я думаю, что дело обстоит ровно наоборот. Как нам следует оценивать первобытную жизнь на заре времен, в начале истории нашего вида? Убеждение, что уровень насилия с тех пор вырос, предполагает, что мир, который мы создали, непоправимо испортил нас. Мнение, что этот уровень снизился, предполагает, что хоть начали мы довольно мерзко, но все же, благодаря цивилизации, движемся в нужном направлении и можем надеяться на продолжение этого тренда.

Это толстая книга, но она и должна быть такой. Сначала мне предстоит убедить вас, что насилие действительно убывает на протяжении нашей истории, зная, что эта идея вызывает скептицизм, недоверие, а иногда и раздражение. Особенности нашего мышления вынуждают нас верить, что мы живем в жестокие времена, тем более когда СМИ щекочут нервы, следуя девизу: «Новость, где льется кровь, идет первой!» Человеческий мозг оценивает вероятность события тем выше, чем легче на ум приходят соответствующие примеры, а сцены кровавых побоищ проникают в наше сознание чаще и откладываются в памяти лучше, чем кадры, на которых люди умирают от старости². И неважно, насколько низкой является доля насильственных смертей, в абсолютных цифрах их всегда достаточно, чтобы заполнить вечерние новости, поэтому интуитивные оценки уровня насилия далеки от реальных пропорций.

Психология морали также обманывает наше чувство опасности. Никто и никогда не сможет мобилизовать волонтеров, сообщая, что дела идут все лучше, потому и гонцов, приносящих хорошие новости, просят попридержаться язык, чтобы не внушать людям чувство необоснованного оптимизма. Кроме того, в интеллектуальных кругах отказываются признавать, что

² Оценка вероятности в зависимости от доступности в памяти: Slovic, 1987; Tversky & Kahneman, 1973.

в цивилизации, современности и в западном обществе вообще есть хоть что-нибудь хорошее. Но, возможно, иллюзию вечно царящего насилия питает одна из тех сил, что и привели к его спаду. Жестокость идет на убыль одновременно со снижением терпимости к насилию и к его воспеванию, и часто именно смена мировоззрения становится ведущей силой изменений. По сравнению с массовыми зверствами прошлого смертельная инъекция убийце в Техасе или единичные преступления на почве ненависти к представителям этнических меньшинств не такие уж шокирующие вещи. Но сегодня они воспринимаются как свидетельство нашего глубокого падения, а не как признак повышения моральных стандартов.

Бросая вызов предрассудкам, мне придется убеждать вас с цифрами в руках – я буду по крупицам собирать их из различных источников и всячески иллюстрировать. Каждый раз я буду объяснять, откуда цифры взяты и каким образом они складываются в единую картину. Я ставлю перед собой задачу объяснить снижение насилия на разных уровнях: в семье, в жилых районах, между кланами и другими вооруженными группировками, среди больших наций и государств. В истории насилия на каждом уровне детализации прослеживается свой вектор развития, и каждый достоин отдельной книги. Но меня не перестает удивлять глобальная тенденция к его уменьшению, очевидная на сегодняшний день. Поэтому для поиска ответов на вопросы, когда, как и почему произошли все эти изменения, лучше собрать их под одной обложкой.

Разнообразные виды насилия демонстрируют общую тенденцию – вряд ли это может быть простым совпадением. Факты требуют объяснений. Соблазнительно пересмотреть историю насилия с точки зрения морали – как героическую сагу о борьбе добра со злом, но я выбрал другой ракурс. Мой подход в широком смысле научный: он сводится к поиску объяснений, почему так происходит. Иногда выясняется, что в каком-то конкретном вопросе росту миролюбия способствовали проповедники моральных ценностей и их деятельность. А иногда объяснение более прозаическое – вроде изменений в технологиях, управлении, торговых отношениях и в познании. Рассматривать спад насилия в качестве неудержимого двигателя прогресса, который возносит нас к идеальному миру точки Омега³, тоже не стоит. Это совокупность статистических трендов в поведении групп людей в различные периоды времени, и поэтому его необходимо рассматривать с позиций психологии и истории – того, как разум человека справляется с изменяющимися обстоятельствами.

Значительная часть книги посвящена исследованию психологии насилия и ненасилия. Модель сознания, к которой я буду обращаться, – это синтез когнитивистики, аффективной и когнитивной нейронауки, социальной и эволюционной психологии и других наук о человеческой природе, которые я анализировал в книгах «Как работает мозг» (How the Mind Works), «Чистый лист» (The Blank Slate) и «Субстанция мышления» (The Stuff of Thought). Согласно такому толкованию, сознание – это комплексная система когнитивных и эмоциональных способностей, интегрированных в мозг, который обязан своей базовой конструкцией процессам эволюции. Некоторые из этих способностей склоняют нас к различным видам насилия. Другие – говоря словами Авраама Линкольна, «добрые ангелы нашей души» – настраивают на мир и сотрудничество. Объяснить спад насилия можно, определив, какие изменения в культурной и материальной среде помогли миролюбивой части нашего сознания одержать верх.

И наконец, мне нужно будет показать связь истории и психологии. В человеческих делах все взаимосвязано, и особенно верно это в отношении насилия. Всегда и повсюду более мирные сообщества обычно оказываются более богатыми, более жизнеспособными, более образованными, обладающими лучшей системой правления. Они с большим уважением относятся к

³ Точка Омега – термин, введенный французским философом и теологом Пьером Тейяром де Шарденом (1881–1955) для обозначения состояния наиболее организованной сложности и наивысшего сознания, к которому эволюционирует Вселенная. – *Прим. пер.*

женщинам и чаще преуспевают в торговле. Трудно сказать, какое из этих счастливых качеств запустило колесо добродетели, а какое просто прокатилось на нем за компанию, и было бы заманчиво согласиться с ничего не объясняющей рекурсией вроде «уровень насилия снизился, потому что культура стала менее жестокой». Социологи различают эндогенные переменные – они находятся внутри системы, где на них может влиять тот самый феномен, который они призваны объяснить, и экзогенные – те, что приводятся в движение внешними силами. Экзогенные силы могут брать начало в объективной реальности – в изменениях технологий, демографии, механизмов коммерции и управления. Но еще они могут зарождаться в реальности интеллектуальной, по мере того как новые идеи возникают, распространяются и начинают собственную жизнь. Лучшее объяснение любых исторических изменений – то, которое идентифицирует подтолкнувшее их внешнее воздействие. Максимально придерживаясь фактов, я попытаюсь определить экзогенные силы, которые в разные периоды времени по-разному взаимодействовали с нашими умственными способностями и которые могут быть определены в качестве причин спада насилия.

Исследования, которые проливают свет на эти вопросы, складываются в эту книгу – такую объемную, что краткое изложение основных выводов прямо в предисловии ее не испортит. «Добрые ангелы нашей души» – это рассказ о шести тенденциях, пяти внутренних демонах и пяти исторических силах.

Шесть тенденций (главы 2–7). Чтобы показать связь разнообразных изменений, которые заставляют нас отказываться от насилия, я объединил их в шесть основных тенденций.

Первой из них стал начавшийся около 5000 лет назад и растянувшийся на несколько тысячелетий переход от анархии в группах охотников и собирателей, в условиях которой наш вид просуществовал большую часть своей эволюционной истории, к первым земледельческим цивилизациям с городами и правительствами. С этим переходом связано снижение количества набегов и усобиц, свойственных первобытным обществам, и примерно пятикратное уменьшение количества насильственных смертей. Я называю это наступление мира Процессом усмирения.

Второй переход занял более 500 лет и хорошо задокументирован в Европе. В период между поздним Средневековьем и XX в. количество убийств в европейских странах сократилось в 10–50 раз. Социолог Норберт Элиас в ставшей классической книге «О процессе цивилизации» утверждает, что причиной этого удивительного сокращения стало объединение мелких феодальных владений в крупные королевства с централизованной властью и торговой инфраструктурой. Вслед за ним я называю этот тренд Цивилизационным процессом.

Третья трансформация длилась несколько столетий и началась во времена рационализма и европейского Просвещения в XVII–XVIII вв. (хотя у нее были предвестники в Древней Греции и в период Ренессанса, а также аналоги в других частях света). В это время появились первые организованные движения за отмену таких социально одобряемых форм насилия, как деспотизм, рабство, дуэли, пытки в судебных процессах, убийства из суеверия, жестокие казни и жестокое обращение с животными, а также первые ласточки организованного пацифизма. Историки иногда называют этот переход Гуманитарной революцией.

Четвертый важный переход состоялся по окончании Второй мировой войны. Две трети столетия спустя мы становимся свидетелями исторически беспрецедентных изменений: могущественные державы и развитые государства в целом перестали воевать между собой. Историки называют это благословенное положение дел Долгим миром⁴.

Пятая тенденция тоже имеет отношение к вооруженным конфликтам, однако не так очевидна. Возможно, читателям новостей будет трудно в это поверить, но со времени окончания

⁴ Понятие Долгого мира (The Long Peace) ввел в употребление Джон Гэддис в 1986 г.

холодной войны в 1989 г. число организованных столкновений всех видов – гражданских войн, геноцидов, террористических атак и репрессий со стороны авторитарных режимов – уменьшилось по всему миру. Поскольку это новое положение дел пока не выглядит устойчивым, я буду называть его Новым миром.

И наконец, в послевоенную эпоху, символом начала которой стало принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., мы наблюдаем растущее неприятие агрессии меньших масштабов, включая насилие в отношении этнических меньшинств, женщин, детей, гомосексуалов и животных. Эти логические следствия идеи прав человека – гражданские права, права женщин и детей, ЛГБТ и животных – защищает целый ряд общественных движений начиная с 1950-х гг. до сегодняшнего дня. Я называю это революциями прав.

Пять внутренних демонов (глава 8). Многие люди интуитивно придерживаются гидравлической теории насилия, думая, будто человеку свойственно внутреннее стремление к агрессии (инстинкт смерти или жажда крови), которое накапливается в нас и которое необходимо периодически выпускать. Современная наука понимает психологию насилия иначе. Агрессия не единый мотив и уж тем более не нарастающий позыв. Это результат работы нескольких психологических систем, различающихся по запускающим их внешним воздействиям, внутренней логике, нейробиологическим основам и распределению среди различных слоев общества. Глава 8 посвящена объяснению пяти таких систем. *Хищническое* или *инструментальное насилие* – простое средство достижения цели. *Доминирование* – стремление к влиянию, престижу, славе и власти, принимает ли оно форму мачизма в отношениях между отдельными людьми или превращается в соревнование за превосходство среди расовых, этнических, религиозных сообществ или государств. *Месть* подогревается моральным стремлением к справедливости, наказанию и расплате. *Садизм* – удовольствие от страданий другого. И *идеология* – коллективная система убеждений, обычно включающая утопическое видение будущего, которое оправдывает неограниченное насилие ради неограниченного блага.

Четыре добрых ангела (глава 9). Люди по природе своей не добры (хотя и не злы), но наделены побуждениями, которые могут направить их от насилия к сотрудничеству и альтруизму. *Эмпатия* (сочувствующее сопереживание) одаривает нас возможностью чувствовать чужую боль и учитывать не только свои интересы, но и интересы других людей. *Самоконтроль* позволяет нам предвосхищать последствия импульсивных действий и подавлять их. *Моральное чувство* освящает множество норм и табу, регулирующих взаимодействия между людьми внутри культуры, иногда уменьшая уровень насилия, хотя зачастую (когда это племенные, авторитарные или пуританские нормы) увеличивая его. И способность *рассуждать* позволяет нам освободиться от ограниченной точки зрения, раздумывать о нашем образе жизни, искать способы улучшить его и направлять действия других добрых ангелов нашей души. Я также кратко рассмотрю вероятность, что в Новейшей истории *Homo sapiens* буквально эволюционировали в сторону меньшей жестокости в конкретном биологическом смысле изменений генома. Но основной предмет моего исследования – изменения, случившиеся во внешней среде: исторические обстоятельства, которые по-разному взаимодействуют с неизменной человеческой природой.

Пять исторических сил (глава 10). В последней части я попытаюсь снова соединить историю и психологию, определив экзогенные силы, которые благоприятствуют нашим миролюбивым стремлениям и приводят к многократному снижению уровня насилия.

Левиафан – государство и его судебная система с монополией на законное применение силы – может ослабить искушение насилия во имя насилия, подавить мстительные побуждения и обойти ошибки эгоистичности (self-serving biases), которые заставляют каждую из конфлик-

тующих сторон верить, что именно она действует с позиций добра. *Торговля* – игра с положительной суммой, выиграть в которой могут все; по мере того как технический прогресс делает возможным обмен товарами и идеями на больших расстояниях между большим количеством участников, ценность других людей выше, пока они живы, и их реже подвергают демонизации и дегуманизации. *Феминизация* – это процесс, в котором культуры со все большим уважением начинают относиться к интересам и ценностям женщин. Так как насилие по большей части мужская прерогатива, культуры, которые наделяют женщин властью, обычно отказываются от прославления насилия и реже порождают опасные субкультуры неприкаянной молодежи. Силы *космополитизма* – грамотность, мобильность, средства массовой информации – позволяют нам принимать точку зрения других, непохожих на нас людей и расширять наш круг сочувствия, чтобы включить их всех. Наконец, знания и рациональность, которые все чаще применяются для улучшения условий человеческого существования, – *эскалатор разума* – заставляют осознать бессмысленность циклов насилия, постепенно ограничить предпочтение собственных интересов интересам других и начать относиться к насилию как к проблеме, которую нужно решить, а не как к соревнованию, в котором надо выиграть.

Когда узнаешь о спаде насилия, мир меняется. Прошлое выглядит не столь невинным, настоящее не столь зловещим. Начинаешь ценить маленькие радости совместного существования, которые показались бы утопией нашим предкам: в парке играет семья, члены которой принадлежат к разным расам, сатирик безнаказанно осыпает остротами главнокомандующего, страны мирно выходят из кризиса, вместо того чтобы развязать войну. И это не беспечность: мы наслаждаемся сегодняшним миром, потому что предшествующие поколения в свое время ужасались насилию и старались снизить его, и нам тоже следует работать над уменьшением сохраняющихся видов насилия. Более того, только признав, что уровень насилия падает, мы можем убедиться, что наша борьба стоит усилий. Бесчеловечное отношение к человеку долго было предметом рассуждений в категориях морали. Зная, что какие-то факторы способствуют его снижению, мы можем рассуждать о нем в терминах причины и следствия. Вместо того чтобы спрашивать: «Почему разразилась война?», мы можем поинтересоваться: «Почему наступил мир?» Мы можем не только мучить себя вопросом, что мы делаем не так, но и разглядеть, что мы делаем правильно. Потому что мы явно что-то делаем правильно, и хорошо было бы точно знать, что именно.

Меня часто спрашивали, как случилось, что я заинтересовался анализом насилия. Я не делаю из этого секрета: насилие естественным образом вызывает озабоченность любого, кто изучает природу человека. Впервые я узнал о спаде насилия, прочитав «Убийство» (Homicide) – классический труд по эволюционной психологии, в котором Марго Уилсон и Мартин Дэйли исследовали высокий уровень насильственных смертей в негосударственных обществах и уменьшение их числа в период от Средневековья до наших дней. В предыдущих своих книгах я обсуждал эти нисходящие тенденции вместе с такими гуманистическими достижениями в истории Запада, как отказ от рабства, деспотизма и жестоких казней, в подтверждение идеи, что моральный прогресс вполне совместим с биологическим подходом к разуму человека и с признанием темной стороны человеческой природы⁵. Я упомянул эти сведения, отвечая в 2007 г. на вопрос форума www.edge.org: «Что вселяет в вас оптимизм?» Моя провокация вызвала шквал писем от ученых, специализирующихся на исторической криминологии и международных исследованиях, которые рассказали мне, что свидетельства в пользу исторического снижения насилия гораздо богаче, чем я себе представлял⁶. Именно они убедили меня, что этот недооцененный материал ждет своего рассказчика.

⁵ Обсуждение спада насилия в моих предыдущих книгах: Pinker, 1997, pp. 518–19; Pinker, 2002, pp. 166–69, 320, 330–36.

⁶ Другие книги, посвященные спаду насилия: Elias, 1939/2000; Human Security Research Project, 2011; Keeley, 1996;

В первую очередь я хочу выразить глубокую благодарность следующим ученым: Азару Гату, Джошуа Гольдштейну, Мануэлю Эйснеру, Эндрю Маку, Джону Мюллеру и Джону Картеру Вуду. В процессе работы над книгой я многое почерпнул из переписки с Питером Бреке, Тарой Купер, Джеком Леви, Джемсом Пейном и Рэндольфом Ротом. Эти исследователи щедро делились идеями, текстами и данными и любезно направляли меня в научных областях, далеких от моей специализации.

Дэвид Басс, Мартин Дэйли, Ребекка Ньюбергер Гольдштейн, Дэвид Хэйг, Джемс Пейн, Рослин Пинкер, Дженнифер Шихи-Скеффингтон и Полли Висснер прочли большую часть чернового варианта книги и предложили весьма полезные советы и критику. Комментарии к конкретным главам, предложенные Питером Бреком, Даниэлем Широ, Аланом Фиске, Джонатаном Готтшеллом, А. С. Грейлингом, Нилом Фергюсоном, Грэмом Гаррардом, Джошуа Гольдштейном, Джеком Хобаном, Стивенем Лебланом, Джеком Леви, Эндрю Маком, Джоном Мюллером, Чарльзом Сейфе, Джимом Сиданиусом, Майклом Спагатом, Ричардом Рэнгемом и Джоном Картером Вудом, также были бесценны.

Многие коллеги быстро откликнулись на мои запросы объяснениями или предложениями, которые затем стали частью книги: Джон Арчер, Скотт Атран, Дэниел Бэтсон, Дональд Браун, Ларс-Эрик Седерман, Кристофер Шабри, Грегори Кокран, Леда Космидес, Тови Дал, Ллойд Демос, Джейн Эсберг, Алан Фиске, Дэн Гарднер, Пинхас Гольдшмидт, Кит Гордон, Рейд Хасти, Брайан Хейс, Джудит Рич Харрис, Харольд Херцог, Фабио Идробо, Том Джонс, Мария Конникова, Роберт Курцбан, Гэри Лафри, Том Лерер, Майкл Мэйси, Стивен Мальби, Меган Маршалл, Майкл Маккаллоу, Натан Мирволд, Марк Ньюман, Барбара Оукли, Роберт Пинкер, Сьюзан Пинкер, Зиад Обермайер, Дэвид Писарро, Таге Рэй, Дэвид Ропейк, Брюс Рассетт, Скотт Саган, Нед Сахин, Обри Шейхем, Фрэнсис Шен, подполковник Джозеф Шуско, Ричард Швейдер, Томас Соуэлл, Говард Стренд, Илавенил Суббиа, Ребекка Сазерленд, Филипп Тетлок, Андреас Форо Толлефсен, Джеймс Такер, Стаффан Ульфстренд, Джеффри Уотумалл, Роберт Уистон, Мэттью Уайт, майор Майкл Уизенфельд и Дэвид Уолп.

Коллеги и студенты Гарварда были щедры на экспертные заключения: Мазарин Бананджи, Роберт Дарнтон, Алан Дершовиц, Джеймс Энгелл, Нэнси Эткофф, Дрю Фауст, Бенджамин Фридман, Дэниел Гилберт, Эдвард Глейзер, Омар Султан Хэг, Марк Хаузер, Джеймс Ли, Бэй Маккалло, Ричард Макнелли, Майкл Митценмахер, Орландо Паттерсон, Леа Прайс, Дэвид Ренд, Роберт Сампсон, Стив Шоуэлл, Лоуренс Саммерс, Кайл Томас, Джастин Винсент, Феликс Варнекен и Дэниел Вегнер.

Хочу выразить особую благодарность исследователям, которые работали вместе со мной над данными, изложенными на этих страницах. Брайан Этвуд выполнил огромное число статистических анализов и поисков по базам данных с большой точностью, тщательностью и глубиной. Уильям Ковальски обнаружил множество подходящих примеров в опросах общественного мнения со всего мира. Жан-Батист Мишель, участвовавший в создании программы Bookworm, поисковика Google Ngram Viewer и коллекции книг Google Books, построил остроумную модель классификации войн по магнитуде. Беннет Хазлтон выполнил содержательное исследование суждений людей об истории насилия. Эстер Снайдер помогала с составлением графиков и поисками литературы. Илавенил Суббиа создавала изящные графики и карты и много лет обеспечивала меня бесценными сведениями о культуре и истории Азии.

Джон Брокман, мой литературный агент, задал вопрос, который привел к написанию этой книги, и сделал множество полезных замечаний к ее черновому варианту. Венди Вульф, мой редактор в издательстве Penguin, детально проанализировала черновой вариант книги, что очень помогло сформировать ее окончательную версию. Я бесконечно благодарен Джону и

Венди, а также Уиллу Гудладу из британского отделения Penguin за поддержку на всех этапах работы над книгой.

Сердечное спасибо моей семье за любовь и поддержку: Гарри, Рослин, Сьюзан, Мартину, Роберту и Крису. Огромная признательность Ребекке Ньюбергер Гольдштейн, которая не только улучшила содержание и стиль книги, но подбадривала меня своей уверенностью в важности проекта: она сделала больше, чем кто бы то ни было, для формирования моей картины мира. Я посвящаю эту книгу моим племянникам, племянницам и приемным дочерям: пусть они живут в мире, в котором количество насилия постоянно уменьшается.

Глава 1

Другая страна

Прошлое – это другая страна, там всё иначе.
Л. П. ХАРТЛИ. ПОСРЕДНИК

Если прошлое – другая страна, то страна эта удивительно жестока. Легко забыть, как опасна была жизнь раньше, как прочно зверства вплетались в ткань повседневного бытия. Культурная память выводит кровавые пятна прошлого, оставляя нам лишь бледные воспоминания. Женщина, надевающая крестик, редко осознает, что это инструмент пытки, казни – обычной в древнем мире; мужчина, упоминая «мальчика для битья», не думает о старинном обычае пороть невинного ребенка за провинности принца. Нас окружают приметы жестокости жизненного уклада предков, но мы их почти не замечаем. И подобно тому как путешествия расширяют кругозор, мысленный тур в наше культурное наследие напомнит о том, насколько в прошлом все было по-другому.

В наш век, начавшийся с 11 сентября 2001 г., Ирака и Дарфура, заявление, что мы живем в небывало мирное время, может шокировать как нечто нереальное или даже неприличное. Я знаю и из личных разговоров, и из данных опросов, что большинство людей отказываются в это верить⁷. В следующих главах я обосную свои доводы датами и цифрами. Но сначала хочу подготовить вас, напомнив об уличающих прошлое фактах – фактах, которые вам и так известны. И не для того, чтобы поупражняться в риторике. Представители естественных наук обычно оценивают справедливость своих выводов о явлениях реального мира с помощью выборочного контроля, чтобы убедиться, что не просмотрели какой-то ошибки в методах и не дошли до абсурда. Зарисовки в этой главе – проба данных, которые будут приведены ниже.

Итак, мы отправляемся в путешествие в чужую страну, которая зовется «прошлое» и простирается от 8000 г. до н. э. до 1970-х гг. нашей. Это не гранд-тур по войнам и зверствам, которые мы уже заклеямили за их жестокость, а скорее череда картин, открывающихся за обманчиво знакомыми вехами и напоминающих об ужасах, которые там сокрыты. Конечно, прошлое – это не одна страна, оно включает широкое разнообразие культур и обычаев. Что у них общего, так это шок, который мы испытываем при столкновении с привычным для давних времен фоном насилия и тем, как его терпели, а часто и приветствовали люди.

⁷ Данные обзоров. Мы с Беннетом Хазелтоном опросили 265 пользователей интернета – какой исторический период в предложенных пяти парах характеризуется, по их мнению, более высоким уровнем насильственных смертей: доисторические сообщества охотников-собирателей или первые государства; современные сообщества охотников-собирателей или современные западные общества; Англия XIV в. или XX в.; войны 1950-х или 2000-х гг.; США в 1970-х или в 2000-х гг. В каждом случае респонденты считали более поздние культуры более жестокими, в диапазоне с коэффициентом отличия от 1,1 до 4,6 раз. На самом деле, как мы увидим, более жестокими были более ранние культуры, с коэффициентом от 1,6 до 30 раз.

Доисторический период

В 1991 г. два туриста наткнулись на тело, обнаружившееся в тающем льду в Тирольских Альпах. Посчитав, что это лыжник – жертва несчастного случая, спасатели вырубили труп из ледника, повредив его бедро и заплечный мешок. И только когда археологи опознали медный топор эпохи неолита, стало ясно, что мертвецу 5000 лет⁸. Эци, Человек из льда, стал знаменитостью. Он попал на обложку журнала *Time*, о нем снимали документальные фильмы, писали статьи и книги. Со времен «двухтысячелетнего человека» Мела Брукса («У меня больше 42 000 детей, но ни один меня не навещает») никто не рассказывал нам о прошлом так много⁹. Эци жил в переломный момент доисторической эпохи, когда на смену охоте и собирательству приходило земледелие, а орудия труда начали делать не из камня, а из металла. Кроме мешка и топорика он имел при себе колчан с оперенными стрелами, кинжал с деревянной рукояткой и уголек, завернутый в кусочек коры, – для разведения огня. На нем была шапка из медвежьего меха, завязанная под подбородком кожаным ремешком, штаны из звериных шкур и водонепроницаемые кожаные «мокасины», в которые он для тепла засовывал траву. Его суставы были изуродованы артритом, на теле остались следы татуировок – возможно, для воздействия на точки акупунктуры, а еще у него с собой был мешочек с грибами, предположительно лекарство.

Через десять лет после обнаружения Человека из льда рентгенологи сделали пугающее открытие: в плече Эци застрял наконечник стрелы. Он погиб не потому, что упал в расселину и замерз, как поначалу предполагали ученые. Его убили. По мере того как тело осматривала команда судмедэкспертов от археологии, картина преступления прояснялась. Руки, голова и грудь Эци были покрыты незажившими ранами. Анализ ДНК обнаружил кровь двух других людей на наконечниках его стрел, кровь третьего – на кинжале и кровь четвертого – на плаще. Возможно, Эци был членом группы, напавшей на соседнее племя. Он убил человека стрелой, вытащил ее, убил другого, снова забрал стрелу, нес раненого товарища на спине, а затем, отбивая атаку, сам был сражен стрелой.

Эци не единственный древний человек, ставший научной сенсацией в конце XX столетия. В 1996 г. в Кенневике, штат Вашингтон, были обнаружены кости, торчавшие из высокого берега реки Колумбия. Вскоре археологи откопали скелет человека, жившего 9400 лет назад¹⁰. Человек из Кенневика стал предметом широко освещавшихся юридических и научных дискуссий. Несколько племен американских индейцев заявили свои права на скелет и объявили о желании похоронить его в соответствии со своими традициями. Однако суд отклонил их требования, заметив, что ни одна человеческая культура не может похвастаться непрерывным существованием на протяжении девяти тысячелетий. Возобновив исследования, антропологи с удивлением выяснили, что Кенневикский человек анатомически очень отличается от современных аборигенов Америки. В одном докладе сообщалось, что у него были европейские черты, в другом – что он похож на айнов, коренных жителей Японии. То и другое предполагает, что заселение Америки – результат нескольких независимых миграций, и это противоречит результатам ДНК-анализа, показывающим, что аборигены Америки – потомки единой группы переселенцев из Сибири.

По множеству причин Кенневикский человек невероятно заинтриговал интересующихся наукой. И одна из таких причин – каменный осколок в его тазовой кости. Хотя кость частично

⁸ Эци: В. Cullen, “Testimony from the Iceman,” *Smithsonian*, Feb. 2003; С. Holden, “Iceman’s final hours,” *Science*, 316, Jun. 1, 2007, p. 1261.

⁹ Персонаж комедийных телешоу американского актера и режиссера Мела Брукса. – *Прим. науч. ред.*

¹⁰ Кенневикский человек: McManamon, 2004; С. Holden, “Random samples,” *Science*, 279, Feb. 20, 1998, p. 1137.

зажила, а значит, он не погиб от этой раны, данные криминалистической экспертизы неоспоримы: в человека из Кенневика стреляли.

И это только два примера громких доисторических находок, доносящих до нас скверные новости о последних мгновениях обладателей этих костей. Воображение посетителей Британского музея поражает так называемый человек из Линдоу – почти идеально сохранившееся тело двухтысячелетней давности, обнаруженное в 1984 г. в торфяном болоте в Англии¹¹. Нам неизвестно, кто из его детей навещал отца, но мы знаем, как он умер. Ему проломали голову тупым предметом, сломали шею, закручивая вокруг нее шнур, и для верности перерезали горло. Возможно, человек из Линдоу был друидом, принесенным в жертву тремя разными способами, чтобы угодить трем богам. Многие найденные в болотах Северной Европы мужские и женские тела несут на себе следы того, что их обладателей задушили, ударили дубинкой, закололи или пытали.

Собирая материалы для этой книги, я за один только месяц наткнулся на две новые истории о хорошо сохранившихся человеческих останках. Во-первых, это был череп возрастом 2000 лет, найденный в грязевой яме в Северной Англии. Археолог, который очищал находку, почувствовал, что внутри что-то есть, заглянул в отверстие в основании черепа и увидел внутри желтую субстанцию, которая оказалась чудом уцелевшим мозгом. Но находка впечатляла не только своей сохранностью: череп был намеренно отделен от тела, что натолкнуло археологов на мысль о человеческом жертвоприношении¹². Вторая находка – захоронение в Германии, возраст которого 4600 лет. Там были найдены останки мужчины, женщины и двух мальчиков. Анализ ДНК показал, что они были членами одной семьи – старейшей из известных науке. Все четверо были похоронены в одно и то же время – по мнению археологов, это значит, что они были убиты в ходе набега¹³.

Что было не так с древними людьми, если они не могли оставить нам ни одного интересного трупа, не прибегая к убийству? Некоторые случаи могут быть объяснены целями тафономии – изучением процессов, в ходе которых тела консервируются на протяжении долгого времени. Возможно, к концу I тысячелетия людей сбрасывали в болота, в которых они должны были сохраниться, для ритуальной жертвы. Однако относительно других упомянутых случаев мы не можем утверждать, что тела сохранились лишь потому, что люди были убиты. Позже мы рассмотрим результаты криминалистической экспертизы, позволяющие определить, как древний человек встретил свою смерть, независимо от того, как дошло его тело до нас. Пока же доисторические останки создают недвусмысленное впечатление, что прошлое – такое место, где у человека были очень высокие шансы заполучить физическое увечье.

¹¹ Человек из Линдоу: Joy, 2009.

¹² Череп с сохранившимся мозгом: “2000-year old brain found in Britain,” *Boston Globe*, Dec. 13, 2008.

¹³ Убитая семья: С. Holden, “A family affair,” *Science*, 322, Nov. 21, 2008, p. 1169.

Гомеровская Греция

Наши представления о доисторическом насилии зависят от обстоятельств, при которых окаменели или случайно бальзамировались тела жертв, и потому заведомо не могут быть полными. Однако по мере распространения письменности древние люди оставляли все больше информации о том, как они вели свои дела. «Илиада» и «Одиссея» Гомера считаются первыми великими произведениями западной литературы и занимают верхние строчки в списках обязательного для культурного человека чтения. Хотя устные предания возникли во время Троянской войны, случившейся примерно за 1200 лет до н. э., записаны они были гораздо позже, между 800 и 650 гг. до н. э. Считается, что они отражают жизнь племен и народов Восточного Средиземноморья именно в этот период¹⁴.

Сегодня часто приходится читать, что тотальная война, направленная против всего общества, а не только против его вооруженных сил, – современное изобретение. Среди причин тотальной войны называют появление национальных государств, универсалистские идеологии и технологии, позволяющие убивать на расстоянии. Но, если описания Гомера точны (а они не противоречат данным археологии, этнографии и истории), тогда войны в Древней Греции были столь же тотальными, как и в Новое время. Вот Агамемнон рассказывает Менелая о своих военных планах:

Что это как, Менелай мягкодушный, ты нынче к троянцам
Жалостлив? В доме твоём превосходное сделали дело
Эти троянцы! Пускай же из них ни один не избегнет
Гибели быстрой от нашей руки! Пусть ребята, которых
Матери носят во чреве своем, – пусть и те погибают!
Пусть они все без следа и без похорон – все пусть исчезнут!¹⁵¹⁶

В книге «Поругание Трои» (The Rape of Troy) литературовед Джонатан Готтшелл описывает, как велись войны в Древней Греции:

Быстрые корабли с малой осадкой пристаю к берегу, и прибрежные поселения подвергаются разграблению раньше, чем их соседи смогут прийти на выручку. Мужчин убивают, скот и другое движимое имущество похищают, женщин уводят в сексуальное и трудовое рабство. Мужчины в гомеровские времена жили под постоянной угрозой внезапной насильственной смерти, а женщины – в страхе за своих мужей и детей, опасаясь парусов на горизонте, которые могли быть предвестниками новой жизни в муках и рабстве¹⁷.

Часто пишут, что войны в XX в. были беспрецедентно разрушительными потому, что велись с помощью пулеметов, орудий, бомбардировщиков и другого оружия, убивающего на расстоянии. Оно освобождает солдат от сдерживающих факторов ближнего боя, позволяя им безжалостно уничтожать множество обезличенных врагов. По этой логике ручное оружие далеко не так смертельно, как наши высокотехнологичные методы ведения войны. Но Гомер ярко описывает масштабные разрушения, производимые воинами в давние времена. Готтшелл приводит примеры образного ряда Гомера:

¹⁴ Войны во времена Гомера: Gottschall, 2008.

¹⁵ Перевод В. В. Вересаева.

¹⁶ Агамемнон подталкивает к геноциду: Homer, 2003, p. 101.

¹⁷ «Быстрые корабли с малой осадкой»: Gottschall, 2008, p. 1

Холодная бронза с удивительной легкостью прорезает тела, и их содержимое изливается наружу липким потоком: сгустки мозга видны на концах дрожащих стрел, юноши трясущимися руками заталкивают обратно свои внутренности; глаза выбиты или вырезаны из черепа и незряче глядят из пыли. Острия проделывают новые входы и выходы в юных телах: в центре лба, на затылке, между глаз, в основании шеи; прорезают насквозь рты и щеки, пробивают бока, промежности, ягодицы, руки, пупки, спины, животы, соски, груди, носы, уши и подбородки... Копья, пики, стрелы, мечи, кинжалы и камни жаждут вкусить плоти. Брызжущая кровь затуманивает воздух. Мелькают фрагменты костей. Костный мозг вспухает в свежих обрубках...

И после битвы кровь льется из тысяч смертельных ран, из изувеченных тел, превращая пыль в грязь, питая полевые травы. Тяжелые колесницы, острые копыта лошадей и сандалии воинов втоптывают людей в землю так, что уже никого не узнать. Оружие и доспехи разбросаны по полю. Тела повсюду: разлагающиеся, распадающиеся, ими кормятся собаки, черви, мухи, птицы¹⁸.

И в XXI в., конечно, случаются изнасилования в военное время, но к таким вещам уже давно относятся как к жестоким военным преступлениям: большинство армий их стараются предотвращать, а остальные отрицают и скрывают. Однако для героев «Илиады» женское тело – законная военная добыча: женщину используют, присваивают, словно вещь, и избавляются от нее, как только заблагорассудится. Менелай развязывает Троянскую войну в ответ на похищение его жены Елены. Агамемнон навлекает беду на греков, отказавшись вернуть свою наложницу ее отцу, а когда все же уступает тому, то присваивает одну женщину, принадлежащую Ахиллу, впоследствии предложив взамен 28. Ахилл, в свою очередь, весьма лаконично описывает свои достижения: «Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных, Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил, Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!»¹⁹ Когда Одиссей возвращается к своей жене после двух десятилетий отсутствия, он убивает мужчин, добивавшихся ее благосклонности, пока все считали его погибшим, а обнаружив, что они любезничали с наложницами в его доме, заставляет сына убить и наложниц тоже.

Эти рассказы о массовых убийствах и изнасилованиях ужасны даже по стандартам современной военной документалистики. Гомер и его герои, безусловно, сожалеют о военных потерях, но принимают их как неизбежный жизненный факт, как погоду – то, о чем все говорят, но никто не может изменить. Одиссей говорит: «[Мы мужи, которым] с юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил в бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!»²⁰ Изобретательность этих мужей, столь успешно применявшаяся во всем, что касалось оружия и военной стратегии, оказалась бесполезной, когда дело дошло до земных причин войны. Вместо того чтобы воспринимать ее как человеческую проблему, решать которую надлежит людям, они сочинили фантазию о вспыльчивых богах и списали свои трагедии на их завистливость и безрассудство.

¹⁸ «Холодная бронза прорезает с удивительной легкостью»: Gottschall, 2008, pp. 143–144.

¹⁹ «Так я под Троею сколько ночей» Гомер. Илиада. Песнь девятая, 325–27. Перевод Н. Гнедича.

²⁰ Перевод Н. И. Гнедича.

Еврейская библия

Как и поэмы Гомера, еврейская Библия (Ветхий Завет) слагалась в конце II тысячелетия до н. э., а записана была на 500 лет позже²¹. Но, в отличие от сочинений Гомера, Библия до сих пор почитается миллиардами людей по всему миру – ее называют источником нравственных ценностей. Это самая продаваемая книга в мире, она переведена на 3000 языков и лежит в прикроватных тумбочках в отелях по всему миру. Ортодоксальные евреи в своих молитвенных покрывалах целуют ее; свидетели в американских судах приносят клятву, положив на нее руку. Даже президент Соединенных Штатов принимает на ней присягу. Но при всем этом благоговении Библия – это непрестанное прославление насилия.

В начале Бог создал небо и землю. Затем Господь слепил человека из праха земного и вдохнул в него дыхание жизни; и стал человек душой живою. И взял Господь одно из ребер Адама и сделал ему жену. И Адам дал ей имя Ева; потому что она была мать всего сущего. И познал Адам Еву, жену свою, и понесла она, и родила Каина. А потом родила она его брата Авеля. И говорил Каин с братом своим Авелем; и так случилось, что, когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. Учитывая, что население Земли насчитывало тогда ровно четыре человека, количество убийств составило 25 %, что в тысячу раз превышает соответствующий уровень в западных странах в наши дни.

Не успели мужчины и женщины начать размножаться, как Бог решил, что они грешники и самое подходящее для них наказание – геноцид. (В скетче комика Билла Косби сосед умоляет Ноя хотя бы намекнуть, зачем тот строит ковчег. Ной отвечает вопросом на вопрос: «Сколько ты можешь продержаться на плаву?») Когда потоп схлынул, Бог объяснил Ною, в чем состоял моральный урок потопа – в законе кровной мести: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека».

Следующая важная фигура в Библии – Авраам, духовный предок евреев, христиан и мусульман. У Авраама был племянник – Лот, живший в Содоме. Из-за склонности горожан к анальному сексу и другим подобным грехам Бог уничтожил каждого мужчину, женщину и ребенка, применив божественный напалм. Жена Лота в наказание за то, что обернулась посмотреть на адское пламя, также была приговорена к смерти.

Моральные ценности Авраама проходят испытание на прочность, когда Господь приказывает ему отвести сына Исаака на вершину горы, связать его, перерезать ему горло и сжечь его тело, принеся в дар Богу. Исаак спасается только потому, что в последний момент ангел останавливает руку его отца. Тысячи лет читатели мучились вопросом, почему Господь настаивал на таком ужасном испытании. Иногда говорят, что Бог вмешался не потому, что Авраам выдержал проверку, а потому, что провалил ее, но это не соответствует духу времени: главной добродетелью тогда считалась покорность Божьей воле, а не уважение к жизни человека.

У сына Исаака, Иакова, была дочь Дина. Ее похитили и изнасиловали – похоже, тогда это было обычной формой ухаживания, потому что семья виновника предложила родным девушки продать Дину в жены насильнику. Братья Дины заявили, что этому обмену мешает важный моральный принцип: насильник не обрезан. Так что они сделали встречное предложение: если все мужчины города сделают себе обрезание, Дину отдадут. И пока мужчины были небоеспособны из-за кровоточащих пенисов, братья напали на город, разграбили и уничтожили его, убили мужчин, увели женщин и детей. Когда Иаков забеспокоился, что соседские племена могут в отместку напасть на них, его сыновья объяснили, что дело стоило риска: «А разве

²¹ Ветхий Завет: Kugel, 2007.

можно поступать с сестрой нашей, как с блудницей?»²² Вскоре после этого они подтвердили верность семейным ценностям, продав в рабство своего брата Иосифа.

Потомки Иакова, израэлиты, переселились в Египет и стали там слишком многочисленными. Это не понравилось фараону, он поработил их и приказал убивать всех мальчиков при рождении. Моисей избежал массового инфантицида, а когда вырос, потребовал, чтобы фараон отпустил его народ. Всемогущий Бог мог смягчить сердце фараона, но вместо этого он его ожесточил, что дает Богу повод поразить каждого египтянина болезненными нарывами и другими бедствиями, прежде чем убить на сей раз всех *египетских* первенцев. (Слово Песах буквально значит «прошедший мимо» – намек на то, что ангел, совершавший убийства младенцев, миновал дома израэлитов.) Господь продолжил массовые убийства, утопив войско египтян, преследовавших евреев, которые уходили по дну расступившегося Красного моря.

Израэлиты собрались на горе Синай и услышали Десять заповедей: великий нравственный закон, который запрещает «делать изображения того, что на небе вверху и на земле внизу», а также зариться на чужой скот, зато не возбраняет рабство, изнасилования, пытки, членовредительство и геноцид соседних племен. Израэлитам надоело ждать, пока Моисей спустится с горы с расширенным сводом законов, который будет предписывать смертную казнь за богохульство, гомосексуальность, прелюбодеяние, непочтительность к родителям и работу в Шаббат. Чтобы скоротать время, они поклонились статуе тельца, и карой за это, как вы догадываетесь, стала смерть. Следуя приказаниям Бога, Моисей и его брат Аарон убили 3000 своих соплеменников.

Далее Господь посвящает семь глав книги Левит инструкциям, в которых объясняет, как неиссякаемым потоком приносить ему в жертву животных. Аарон и двое его сыновей изготовили ковчег для первой службы, но сыновья ошиблись и использовали не тот фимиам. За это Бог сжег их заживо.

По дороге к Земле обетованной израэлиты встретили мадианитян и, повинувшись воле Бога, вырезали мужчин, сожгли город, забрали скот, увели в рабство женщин и детей. Когда они вернулись к Моисею, тот пришел в ярость из-за того, что израэлиты пощадили женщин, ведь некоторые из них «были для сынов Израилевых поводом для отступления от Господа»²³ в угоду другим богам. Поэтому Моисей приказал своим воинам довести геноцид до конца, а в награду взять себе рабынь, достигших брачного возраста, насилуя их в свое удовольствие: «Итак, убейте всех детей мужского пола и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя»²⁴.

Во Второзаконии, в главах 20 и 21, Господь дает израэлитам карт-бланш в отношении городов, которые не хотят им подчиниться: разрешает поразить весь мужеский пол острием меча, присвоить скот, женщин и детей. Конечно, мужчина, добывший себе прекрасную пленницу, сталкивается с проблемой: она может не ответить на его чувства, потому что он убил ее родителей и братьев. Бог предвидит это неудобство и предлагает такое решение: похититель должен обрить ей голову, остричь ногти и запереть в своем доме на месяц, чтобы пленница выплакала себе все глаза. После этого он может идти и насиловать ее.

В отношении определенного списка врагов геноцид должен быть тотальным: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев, и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой»²⁵.

²² «А разве можно поступать с сестрой нашей»: Бытие 34:25–31.

²³ Числа, 31. – *Прим. науч. ред.*

²⁴ «Убить всех мужского полу»: Числа 31.

²⁵ «Не оставляй в живых ни одной души»: Второзаконие 20:16–17.

Иисус Навин воплотил эту директиву в жизнь, вторгшись в Ханаан и разорив город Иерихон. Когда пали городские стены, его солдаты «предали закланию всё, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом»²⁶. Многие земли были опустошены, когда Иисус «поразил всю землю нагорную и полуденную, и низменные места, и землю, лежащую у гор, и всех царей их: никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал закланию, как повелел Господь Бог Израилев»²⁷.

Следующим этапом в истории евреев стала эпоха судей, или племенных вождей. Самый известный из них, Самсон, заработал себе имя, убив 30 человек на своем свадебном пиру: ему нужна была их одежда, чтобы расплатиться за проигранное пари. Затем, чтобы отомстить за убийство своей жены и ее отца, он убил 1000 филистимлян и поджег их хлеба; избежав пленения, еще 1000 он умертвил челюстью осла. Когда же его все-таки поймали и ослепили, Бог одарил его мощью, которой хватило бы для террористической атаки 11 сентября: в ярости Самсон обрушил огромное здание, похоронив под его обломками 3000 молившихся внутри мужчин и женщин.

Первый царь Израиля, Саул, основывает небольшую империю, что дает ему возможность расплатиться по одному старому счету. Столетиями ранее, во время исхода евреев из Египта, амалекитяне досаждали им, и Господь приказал «стереть с лица земли имя Амалека». Так что, провозглашая Саула царем, Самуил напоминает ему о божественном эдикте: «Теперь иди и порази Амалека и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла»²⁸. Саул исполнил приказ, но Самуил рассвирепел, узнав, что тот пощадил царя амалекитян Агага. И Самуил «разрубил Агага пред Господом».

Наконец Саула свергает его зять Давид, который подчиняет себе Южную Иудею, завоевывает Иерусалим и делает его столицей царства, которое простоит четыре столетия. Давида будут прославлять в книгах, песнях и скульптурах, а его шестиконечная звезда на 3000 лет станет символом его народа. И христиане тоже будут почитать его как предтечу Иисуса.

Но в Священном Писании Давид представлен не только как «сладкоголосый певец Израиля», искусный поэт и музыкант, автор псалмов. Завоевав себе репутацию убийством Голиафа, он нанимает банду вояк, присваивает имущество соотечественников и в качестве наемника сражается на стороне филистимлян. Эти достижения вызывают зависть Саула: женщины у него при дворе поют: «Саул убивал тысячами, а Давид – десятками тысяч». Саул замышляет его убийство²⁹. Давид еле спасается, после чего организует успешный переворот.

Когда Давид становится царем, ему приходится поддерживать свою с трудом заработанную репутацию убийцы десятков тысяч. После того как его генерал Иоав «стал разорять землю Аммонитян» и, завоевав, разрушил Равву, Давид «народ, который был в нем, вывел и умерщвлял их пилами, железными молотилами и секирами»³⁰. Но в конце концов он умудряется сделать нечто такое, что Бог находит аморальным: приказывает провести перепись населения. Чтобы наказать Давида за эту оплошность, Бог убивает 70 000 граждан его государства.

Внутри царской семьи секс и насилие идут рука об руку. Прогуливаясь однажды по крыше дворца, Давид подглядывает за обнаженной женщиной по имени Вирсавия, и ему нравится то, что он видит. Он посылает ее мужа на верную смерть в бою и забирает женщину в свой гарем. Позже один из сыновей Давида насилует собственную сестру, и в отместку его убивает их общий брат Авессалом. Авессалом поднимает восстание и пытается узурпировать трон

²⁶ «Предали закланию все»: Иерихон: Книга Иисуса Навина 6.

²⁷ «Все дышащее предал закланию»: Книга Иисуса Навина 10:40–41.

²⁸ «Теперь иди и порази»: 1-я Царств 15:3.

²⁹ Саул замышляет убийство: 1-я Царств 18:25.

³⁰ «Умерщвлял их пилами, железными молотилами и секирами»: 1-я Паралипоменон 20:3

Давида, вступив в близость с десятью его наложницами (и как обычно, нам не говорят, что при этом чувствовали наложницы). Убегая от армии Давида, Авессалом запутывается длинными волосами в ветвях дерева, и военачальник Давида пронзает его сердце тремя стрелами. На этом семейные дразги не заканчиваются. Вирсавия убеждает престарелого Давида провозгласить своим преемником ее сына Соломона. А когда законный наследник Давида, его старший сын Адония, протестует, Соломон его убивает.

Царю Соломону приписывают меньшее количество жертв, чем его предшественникам, зато он известен возведением Храма в Иерусалиме и написанием Книги притчей, Екклесиаста и Песни Песней (хотя при гареме из 700 принцесс и трех сотен наложниц он явно не мог уделять много времени сочинительству). Но более всего он прославился добродетелью, именуемой в его честь «мудростью Соломоновой». Две блудницы, жившие в одной комнате, разрешились от бремени с разницей в несколько дней. Один из младенцев умер, и каждая из женщин утверждала, что выжил именно ее ребенок. Мудрый царь разрешил спор, вытащив меч и пригрозив разрубить ребенка пополам, чтобы разделить его между женщинами. Одна из них отказалась от своих притязаний, и Соломон присудил ребенка ей. «И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божья в нем, чтобы производить суд»³¹.

Дистанция, отделяющая нас от описываемых событий, может заставить забыть о жестокости мира, в котором они происходили. Просто представьте себе, как сегодня судья по семейным делам разрешает дело о спорном материнстве, достав бензопилу и угрожая расчленив младенца на глазах участников процесса. Соломон был уверен, что более добрая женщина (а мы так и не знаем, была ли она матерью ребенка) выдаст себя и что другая женщина будет настолько злобной, что позволит зарезать малыша в ее присутствии, – и оказался прав! И наверняка был готов устроить резню в случае ошибки – иначе он лишился бы всякого доверия. Женщины же, в свою очередь, должны были верить, что их царь способен на такое ужасное убийство.

Библия изображает мир, который, если смотреть на него нашими глазами, потрясает своей дикостью. Люди поработают, насилуют, убивают своих ближайших родственников. Военачальники вырезают гражданских без разбора, не делая исключения для детей. Женщин покупают, продают и присваивают, как секс-игрушки. И Яхве мучает и убивает людей сотнями тысяч за неповиновение или вообще без причины. Эти зверства не единичны и ни для кого не секрет. В них замешаны все главные герои Ветхого Завета – те, кого дети рисуют фломастерами в воскресных школах. Все они вписываются в нескончаемую сюжетную линию, растянувшуюся на тысячелетия: от Адама и Евы до Ноя, патриархов, Моисея, Иисуса Навина, судей, Саула, Давида, Соломона и так далее. Согласно исследователю Библии Раймунду Швагеру, Ветхий Завет «содержит больше шестисот эпизодов, в которых говорится о народах, царях или людях, нападающих, убивающих, уничтожающих друг друга... И это не считая примерно тысячи стихов, в которых Яхве лично выступает палачом, приводящим в исполнение жестокий приговор, и множества других текстов, в которых Господь предаст преступника мечу отмстителя или прямо приказывает убивать людей»³². Мэттью Уайт, называющий себя атроситологом (исследователем насилия), собирает базу данных, содержащую приблизительные оценки потерь в крупных войнах, массовых убийствах и геноцидах. Если верить указанным в Библии цифрам, описанные там зверства стоили жизни примерно 1,2 млн человек. (Он не включил в это число полмиллиона жертв войны между Израилем и Иудеей, описанной в 13-й главе Второй книги

³¹ Божественная мудрость Соломона: 1-я Царств 3:23–28.

³² Подсчет библейских убийств: Schwager, 2000, pp. 47, 60.

Паралипоменон, потому что посчитал, что такое количество убитых исторически неправдоподобно.) Жертвы Всемирного потопа добавили бы еще около 20 млн к общей сумме³³.

Хорошо, что по большей части все это, конечно, вымысел. Нет никаких свидетельств, что Яхве насылал на планету Всемирный потоп и испепелял города, да и патриархи, Исход, завоевания и иудейская империя почти наверняка выдумки. Историки не нашли в египетских хрониках никаких упоминаний о побеге миллиона рабов (вряд ли этот факт ускользнул бы от их внимания), и археологи не откопали в развалинах Иерихона или соседних городов никаких свидетельств разграбления около 1200 г. до н. э. И если на рубеже I тысячелетия до н. э. действительно существовала империя Давида, простиравшаяся от Евфрата до Красного моря, никто из современников ее, похоже, не заметил³⁴.

Современные исследователи Библии установили, что это своего рода «Википедия». Она составлялась на протяжении более полутысячи лет авторами, писавшими в разных стилях, на разных диалектах, по-разному называвшими героев и понимавшими Бога; книга подвергалась хаотической редакции, что привело ко множеству противоречий, повторов и несуразниц.

Самые ранние части Священного Писания, скорее всего, относятся к X в. до н. э. Они содержат мифы о происхождении и гибели местных племен, своды законов, заимствованные у соседних культур Ближнего Востока. Тексты, вероятно, служили сводом правил самосудной расправы для племен железного века, которые пасли скот и возделывали склоны холмов на юго-восточных окраинах Ханаана. Племена начали вторгаться в долины и города, там и сям занимались мародерством и могли даже разрушить город-другой. В итоге их мифы усваивались жителями Ханаана, объединяя всех общим происхождением, славной историей и набором табу, чтобы они не смешивались с чужаками, а также невидимым правоприменителем, не позволявшим им перегрызть друг другу глотки. Черновой вариант Библии с единой канвой исторического повествования, был создан примерно к концу VII – середине VI в. до н. э., когда вавилоняне завоевали Иудею и выдавили ее обитателей в другие земли. Окончательная редакция была выполнена после того, как евреи вернулись в Иудею в V в. до н. э.

Хотя исторические события в Ветхом Завете вымышлены (или в лучшем случае художественно переработаны, как в исторических драмах Шекспира), он показывает нам жизнь и ценности ближневосточных цивилизаций в середине I тысячелетия до н. э. Повинны израильтяне в геноцидах или нет, они определенно считали их хорошей идеей. Мысль, что у женщины есть законное желание не быть изнасилованной или забранной в наложницы, кажется, не приходила на ум никому. Авторы Библии не видят ничего плохого в рабстве или в жестоких наказаниях вроде ослепления, забрасывания камнями и четвертования. Человеческая жизнь не имела никакой ценности по сравнению с бездумным подчинением обычаю и авторитету.

Если вы думаете, что, анализируя буквальное содержание Священного Писания, я пытаюсь бросить вызов миллиардам людей, которые почитают его, вы упускаете главное. Нет нужды говорить, что подавляющее большинство строго соблюдающих предписания религии евреев и христиан исключительно приличные люди, которые не оправдывают геноцид, изнасилование, рабство или побивание камнями за незначительные правонарушения. Они относятся к Библии скорее как к талисману. В последние столетия и тысячелетия Библию подправляли, трактовали аллегорически, заменяли менее жестокими текстами (Талмуд у евреев и Новый Завет у христиан) или осторожно обходили вниманием. И главное как раз в *этом*. Чувствительность к насилию изменилась настолько, что в отношении к Библии религиозные люди проводят различия: они превозносят ее как символ нравственности, но собственную мораль основывают на более современных принципах.

³³ Жертвы Всемирного потопа: буквалисты – исследователи библейских текстов датируют потоп 2300 г. до н. э. МакЭведи и Джонс, 1978, оценивали население Земли в 3000 г. до н. э. примерно в 14 млн человек и в 27 млн человек в 2000 г. до н. э.

³⁴ Настоящая и выдуманная библейская история: Kugel, 2007.

Римская империя и раннее христианство

Вместо свирепого божества Ветхого Завета христиане предлагают новую концепцию Бога, представленную в Новом Завете в лице его сына Иисуса, Князя Мира. Определенно, любовь к врагам и готовность подставить вторую щеку – это заметный прогресс по сравнению с полным уничтожением всего живого. Справедливости ради надо отметить, что и Иисус не чурался угроз, дабы укрепить свою паству в вере. В Евангелии от Матфея 10:34–37 он говорит:

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел принести Я, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин Меня.

Не совсем ясно, что он планировал делать этим мечом, потому что нет никаких свидетельств, что он кого-нибудь им поразил.

Конечно, прямых подтверждений его слов и дел не существует³⁵. Слова, приписываемые Христу, были зафиксированы на бумаге десятилетия спустя после его смерти, и христианская Библия так же, как и еврейское Священное Писание, наполнена противоречиями, неподтвержденными историями и явными вымыслами. Но как еврейская Библия дает нам представление о ценностях середины I тысячелетия до н. э., так христианская Библия повествует о первых двух веках нашей. Безусловно, для этой эпохи история Христа совсем не уникальна. Во многих языческих мифах рассказывается о спасителе, сыне бога, рожденном девственницей в период зимнего солнцестояния в окружении представителей 12 зодиакальных знаков, принесенном в жертву в качестве козла отпущения во время весеннего равноденствия, сошедшем в преисподнюю, воскресшем, ко всеобщему ликованию, и символически съеденном его последователями, дабы обрести спасение и бессмертие³⁶.

История Иисуса разворачивается в декорациях Римской империи, последней в череде завоевателей Иудейского царства. Хотя первые столетия христианства совпали со временами *Pax Romana* (Римского мира), «мир» этот был весьма относительным. То было время безжалостной имперской экспансии, отмеченной завоеванием Британии и депортацией еврейского населения Иудеи, последовавшей за разрушением Второго храма в Иерусалиме. Самым известным символом империи был Колизей, который сегодня посещают миллионы туристов и изображение которого украшает миллионы коробок с пищей по всему миру. На этом стадионе аудитория, сравнимая по числу с количеством зрителей Суперкубка по американскому футболу, жадно поглощала сцены массовой жестокости. Обнаженных женщин привязывали к столбам, насиловали и отдавали на растерзание диким зверям. Армии невольников рубили друг друга в «потешных» боях. Рабы разыгрывали сцены из мифов о расчленении и смерти: например, человека, изображавшего Прометея, приковывали к камню и специально обученный орел выклевывал его печень. Гладиаторы бились до смерти, и привычные нам жесты «большой палец вверх» и «большой палец вниз», скорее всего, происходят от сигналов, которые публика показывала победителю, указывая, добивать ли ему противника. Почти полмиллиона людей погибли здесь ужасной смертью, обеспечивая римским гражданам их хлеб и зрелища. В сравнении с римским размахом наши жестокие развлечения предстают совсем в другом свете (не говоря уж о нынешних «экстремальных видах спорта» и «игре до первого набранного очка»)³⁷.

³⁵ Авторство христианской Библии: Ehrman, 2005.

³⁶ Языческие Иисусы: В. G. Walker, "Theother Eaters," *Freethought Today*, Apr. 2008, pp. 6–7; Smith, 1952.

³⁷ Римские развлечения: Kyle, 1998.

Самым известным способом умерщвления в Риме было, конечно, распятие (*crucifixion*, от которого произошло английское слово «мучение» – *excruciating*). Каждый, кто хоть раз глядел на церковь хотя бы снаружи, наверное, воображал на мгновение неопишемую муку смерти на кресте. Человек с крепким желудком может дополнить картину, прочитав опубликованную в 1986 г. в *Journal of the American Medical Association* медицинскую экспертизу смерти Христа, основанную на данных археологических и исторических источников³⁸.

Казнь в Риме начиналась с бичевания обнаженного узника. Римские солдаты секли человека по спине, ногам, ягодицам короткими бичами из кожаных полосок с вплетенными в них острыми камнями. По словам авторов статьи, «рваные раны достигали глубоких скелетных мышц, вырывая из тела трепещущие полосы окровавленной плоти». Затем, привязав к рукам жертвы тяжелый деревянный брус, заставляли нести его к месту казни, где уже был вкопан в землю столб. Там человека бросали на израненную спину и сквозь запястья вбивали гвозди в брус. (Не сквозь ладони, как это обычно изображают: ладони не выдерживают веса тела.) Жертву поднимали на крест и прибивали ноги к столбу, не обеспечив им никакой опоры. Грудная клетка человека растягивалась под весом тела, и он не мог вдохнуть, если только не пытался подтянуться на пробитых руках или опереться на пронзенные гвоздями ноги. Смерть от асфиксии и кровопотери наступала после крестных мук длительностью от 3–4 часов до 3–4 суток. Палачи могли продлить пытку, предлагая бедняге отдых на опоре, или же поторопить смерть, переломав ему ноги дубинкой.

И хоть мне нравится думать, что ничто человеческое мне не чуждо, я не могу постичь хода мысли древних, придумавших эту вакханалию садизма. Даже если бы мне в руки попал Гитлер и я мог бы выбрать награду ему по заслугам, мне не пришлось бы в голову подвергнуть его такой пытке. Я не смог бы не содрогнуться от сочувствия и не хотел бы стать человеком, способным на такие зверства. Нет никакой пользы в добавлении еще одного бессмысленного злодеяния в копилку мирового зла. (И я считаю, что гарантия неотвратимости справедливого суда, а не усиление жестокости наказания способно помешать появлению новых деспотов.) Однако в стране под названием «Прошлое» распятие было обычной казнью. Изобрели его персы, в Европу принес Александр Македонский, и в средиземноморских империях его применяли повсеместно. Иисус, обвиненный в организации мелкой смуты, был распят между двумя обычными ворами. И возмущение современников вызывало не то, что мелкие правонарушения наказываются распятием, а что к Иисусу отнесли как к мелкому преступнику.

Конечно, к распятию Иисуса никогда не относились легкомысленно. Крест стал эмблемой движения, которое распространилось по Древнему миру, он был принят Римской империей и по сей день остается самым известным в мире символом. Видимо, ужасная смерть, о которой он напоминает, и сделала его особенно убедительным знаком. Но давайте забудем о нашем отношении к христианству и подумаем о складе ума, способном найти смысл в распятии. Сегодня нас шокирует мысль, что великое нравственное движение выбрало своим символом изображение отвратительного средства пыток и казней. (Только представьте, что логотипом Музея Холокоста стала бы лейка душа³⁹ или что тутси, спасшиеся от геноцида в Руанде, выбрали бы мачете в качестве символа новой религии.) Более того, какие выводы делали первые христиане из истории о распятии? Сегодня подобное варварство может породить разве что протест против жестокого режима и призывы к полному запрету таких пыток. Но ранние христиане думали совсем не об этом. Нет, распятие Христа – это Благая Весть, необходимый шаг к самому прекрасному эпизоду в истории. Позволив свершиться распятию, Господь оказал миру неопределимую услугу. И хотя он бесконечно могуществен, сострадателен и мудр, но не смог придумать ничего лучше для спасения человечества от наказания за грехи (в част-

³⁸ Медицинское исследование распятия: Edwards, Gabel, & Hosmer, 1986.

³⁹ Газовые камеры в нацистских лагерях смерти маскировались под душевые комнаты. – *Прим. пер.*

ности, первородного: все люди грешны, поскольку являются потомками пары, которая когда-то послушалась Бога), чем позволить пронзить конечности невинного человека (своего сына, только представьте!), чтобы он медленно задохнулся в агонии. Признав, что это садистское убийство – дар высшего милосердия, люди могли удостоиться вечной жизни. А если они не способны усмотреть в этом логики, их плоть будет вечно гореть в адском огне.

При таких взглядах на мир смерть в муках – это не безумный ужас, у нее есть и светлая сторона. Это дорога к спасению, часть божественного плана. Как и Иисус, ранние христиане искали места рядом с Богом, подвергаясь самым замысловатым смертным мукам. Больше тысячи лет христианские мартирологи описывали эти муки со сладострастным упоением⁴⁰.

Вот только несколько святых, чьи имена всем известны, в отличие от обстоятельств их смерти. Святой Петр, апостол и первый Папа, был распят вверх ногами. Святой Андрей, покровитель Шотландии, встретил свою смерть на Х-образном кресте – это его изображают диагональные полосы британского флага. Святой Лаврентий был зажарен живьем на гриле – факт, неизвестный большинству канадцев, которым это имя знакомо в качестве названия реки, залива и одного из двух главных бульваров Монреаля. Другой бульвар назван в честь святой Екатерины. Ее колесовали – казнь, в процессе которой палач привязывает жертву к колесу фургона, разможив ее конечности кузнечным молотом, насаживает изломанное, но все еще живое тело на спицы и подымает колесо на столб, чтобы птицы клевали плоть жертвы, пока она медленно умирает от боли и кровопотери. (Колесо святой Екатерины, утыканное железными остриями, украшает герб одноименного колледжа в Оксфорде). Святая Варвара, в честь которой назван известный город в Калифорнии, была подвешена вниз головой за лодыжки, в то время как солдаты раздирали ее тело железными крюками, отрезали груди, прижгли раны раскаленным железом и разбили ей голову дубинками с острыми шипами. А еще есть святой Георгий, покровитель Грузии, Англии, Палестины, крестоносцев и бойскаутов. Поскольку Господь его все время воскрешал, Георгию пришлось принимать мученическую смерть многократно. Его, привязав груз к ногам, сажали верхом на острое лезвие, поджаривали на костре, пронзали шипами ноги, колесовали, вбили в голову 60 гвоздей, а затем распилили пополам.

В житиях святых этот вуайеризм использовался не для того, чтобы пробудить ненависть к пыткам, но чтобы вызвать восхищение мужеством мучеников. Как и в истории Иисуса, пытка считалась испытанием веры. Святые приветствовали свои муки, потому что страдания в этой жизни будут вознаграждены вечным блаженством в следующей. Христианский поэт Пруденций писал об одном из мучеников: «Мать его присутствовала, глядя на приготовления к смерти ее дорогого сына, и не показывала ни знака скорби, наоборот, торжествовала всякий раз, как шкварчала над дровами из оливы раскаленная сковорода, на которой жарился и горел ее ребенок»⁴¹. Святой Лаврентий стал небесным покровителем юмористов, потому что, поджариваясь на решетке, он сказал своим палачам: «С этого бока я уже готов, переверните меня и попробуйте кусочек». Палачи здесь всего лишь статисты; их показывают в дурном свете только потому, что они истязают *наших* героев; а не потому, что они вообще пытаются.

Ранние христиане также прославляли пытки как справедливое возмездие для грешников. Большинство людей слышало о семи смертных грехах, перечисленных папой Григорием I в 590 г. Но немногие знают, какие казни ждут в аду тех, кто их совершает:

Гордыня: колесование.

Зависть: помещение в ледяную воду.

Чревоугодие: принудительное кормление крысами, жабами и змеями.

Похоть: сжигание на костре.

Гнев: четвертование.

⁴⁰ Жития святых: Gallonio, 1903/2004; Kay, 2000.

⁴¹ «Мать присутствовала»: процитировано у Gallonio, 1903/2004, p. 133.

Жадность: варка в котле с кипящим маслом.

Лень: яма со змеями.

И продолжительность этих наказаний, естественно, вечность⁴².

Благословляя жестокость, раннее христианство создало прецедент, и пытки систематически применялись в христианской Европе на протяжении тысячи лет. Если вы понимаете, что значит «сжечь на костре», «подпалить пятки», «четвертовать», «разорвать лошаадьми», «выпустить потроха», «содрать кожу», «испанский сапожок», «тиски для пальцев», «удавка», «медленно поджарить», «железная дева» (пустотелая фигура, изнутри утыканная гвоздями – это название позже позаимствовала одна рок-группа⁴³), вы знакомы с некоторыми из способов, которыми увечили еретиков в Средние века и в начале Нового времени.

Во времена испанской инквизиции церковные власти решили, что тысячи бывших евреев на самом деле не перешли в христианство. Чтобы заставить vykрестов сознаться в тайном отступничестве, инквизиторы связывали им руки за спиной, вздергивали на дыбу и снова отпускали – и так несколько раз, – разрывая сухожилия и выдергивая руки из суставов⁴⁴. Многие были сожжены заживо: судьба, которая постигла и Мигеля Сервета за то, что сомневался в учении Троицы, и Джордано Бруно за веру в то (кроме всего прочего), что Земля вращается вокруг Солнца, и Уильяма Гиндейла за перевод Библии на английский язык. Галилей, самая, наверное, известная жертва инквизиции, легко отделался: ему только *показали* инструменты для пыток (в частности, дыбу) и дали возможность отречься от «убеждения, что Солнце стоит неподвижно в центре мира, а Земля не центр его и движется». Сегодня дыбу рисуют разве что карикатуристы, иллюстрируя плоские каламбуры («упражнения на растяжку», «без боли нет достижений»). Однако раньше дыба вовсе не была предметом для шуток. Шотландский писатель и путешественник Уильям Литгоу, современник Галилея, описывал, на что похоже растяжение на дыбе:

Когда рычаги были нажаты, сила растяжения моих колен между двумя планками была такой, что порвала бедренные сухожилия и сокрушила коленные чашечки. Глаза мои начали вылезать из орбит, изо рта пошла пена, а зубы застучали, как барабанные палочки. С дрожащих губ срывались неистовые стоны, кровь хлестала из разорванных сухожилий рук, бедер и коленей. Когда тиски боли разжались, меня усадили на пол со связанными руками, непрерывно требуя: «Признавайся! Признавайся!»⁴⁵

Многих протестантов подвергали подобным пыткам, но когда они сами пришли к власти, то с энтузиазмом начали применять их к другим, включая сотни тысяч женщин, сожженных за колдовство между XV и XVIII вв.⁴⁶ И как часто случалось в истории насилия, последующие поколения довольно легкомысленно отнеслись к этим ужасам. В нашей поп-культуре ведьмы не жертвы пыток и казней, а проказливые героини мультиков или бойкие чаровницы вроде Брумгильды из комиксов или сестер Холливелл в сериале «Зачарованные».

Узаконенная пытка в христианском мире была не просто устоявшимся обычаем – в ней видели моральный смысл. Если вы на самом деле верите, что отказ принять Иисуса как своего спасителя – это путь к вечным мукам преисподней, тогда пытать человека, пока он не признает истину, – значит оказать ему самую большую услугу в жизни: лучше несколько часов сейчас, чем вечность потом. Заткнуть рот еретика, пока он не сбил с толку других, обойтись с ним

⁴² Наказание за семь смертных грехов: Lehner & Lehner, 1971.

⁴³ Английская хеви-метал-группа Iron Maiden. – *Прим. пер.*

⁴⁴ Инквизиция: Grayling, 2007; Rummel, 1994.

⁴⁵ «Когда рычаги были нажаты»: Bronowski, 1973, p. 216.

⁴⁶ Статистика расправы над «ведьмами»: Rummel, 1994.

так, чтобы остальные боялись, – это разумные меры, предпринятые во имя общественного здоровья. Святой Августин объясняет эту мысль при помощи следующих аналогий: хороший отец не позволит своему сыну взять в руки ядовитую змею и добросовестный садовник обрежет сухую ветвь, чтобы спасти остальное дерево⁴⁷. Этот метод был рекомендован самим Иисусом: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают»⁴⁸.

И еще раз: смысл этих рассуждений не в том, чтобы обвинить христиан в одобрении пыток и преследований. Само собой разумеется, большинство благочестивых христиан сегодня вполне толерантные и гуманные люди. Даже те, кто мечет громы и молнии с телевизионных амвонов, не призывают сжигать еретиков заживо или вздергивать евреев на дыбу. Вопрос в том, почему они этого не делают, ведь их вера предполагает, что подобные действия послужат высшему благу. Ответ таков: сегодня люди западной культуры сами определяют рамки своей религиозности. Когда они исповедуют веру в домах молитв, то делают вид, что согласны с принципами, почти не изменившимися за 2000 лет. Но когда доходит до дела, они подчиняются современным нормам ненасилия и толерантности – вот милосердное лицемерие, за которое все мы должны быть благодарны.

⁴⁷ Августин о змеях и сухих ветках: Grayling, 2007, p. 25.

⁴⁸ Евангелие от Иоанна 15:6.

Средневековые рыцари

Итак, к слову «святой» стоит присмотреться повнимательней. То же касается и слова «рыцарский». Легенды о рыцарях и дамах, живших во времена короля Артура, подарили западной культуре большую часть ее романтических образов. Ланселот и Гвиневра – архетипы романтической любви, сэр Галахад – воплощение галантности. Камелот, двор короля Артура, вдохновил на создание одноименного бродвейского мюзикла, и, когда после убийства Джона Кеннеди стало известно, что президент любил эти песни, его администрацию стали ностальгически называть Камелотом. Говорят, больше всего Кеннеди нравились такие строки: «И запомнит народ, / Что хотя бы на миг / Был у нас Камелот!»

По правде говоря, рыцарский стиль жизни надежно забыт, что пошло только на пользу его имиджу. Реальное содержание средневековых рыцарских легенд, сложившихся в VI в. и записанных между XI и XIII вв., не подходит для типичного бродвейского мюзикла. Историк Ричард Кэупер подсчитал число актов крайнего насилия в самой известной из легенд – легенде о Ланселоте (XIII в.), и в среднем они встречаются там на каждой четвертой странице.

Если останавливаться только на эпизодах, которые поддаются подсчету, по меньшей мере восемь сброшенных со своих лошадей намеренно затаптываются гигантскими копытами боевого коня победителя (не лишаясь чувств от боли), пять голов слетают с плеч, два плеча рассекаются, три длани отрезаются, три руки отрубаются на разной высоте, одного рыцаря бросают в открытый огонь и двух катапультируют навстречу смерти. Одну женщину рыцарь заковал в железные обручи, другая по воле Божией провела несколько лет в котле с кипятком, третья чудом увернулась от брошенного копья. Женщин регулярно похищают, и на одной из страниц нам сообщают о 40 изнасилованиях...

Среди этих историй есть три рассказа о междоусобных войнах (в одной из них полегло 100 человек убитыми, в другой – 500 отравленными). На каком-то турнире (как говорится, почувствуйте вкус!) Ланселот убил соперника копьем, а затем вытащил меч и начал «наносить удары направо и налево, убивая и рыцарей, и их коней, отрезая ступни и ладони, головы и руки, плечи и бедра, сражая каждого, кого видел, оставляя за собой скорбный след, так что вся земля была умыта кровью, где бы он ни проходил»⁴⁹.

Как вообще эти рыцари заслужили репутацию благородных людей? В легенде о Ланселоте сообщается, что «у него был обычай никогда не убивать рыцаря, умолявшего о пощаде, если только он раньше не поклялся этого сделать или если он не мог этого убийства избежать»⁵⁰.

Что касается пресловутого галантного отношения к дамам, то один рыцарь добивался расположения принцессы, поклявшись изнасиловать в ее честь самую красивую женщину, какую только сможет отыскать, а его соперник обещал присылать ей головы всех рыцарей, которых убьет на турнирах. Рыцари защищают дам исключительно от похищения другими рыцарями. Как говорится в легенде о Ланселоте, «обычай королевства Логр таковы, что, если дама или девица путешествует одна, ей некого бояться. Но если она путешествует в компании рыцаря и другой рыцарь сумеет ее у него отбить, победитель может взять даму или девицу, как

⁴⁹ «Если останавливаться только на эпизодах, которые поддаются подсчету»: Каеупер, 2000, р. 24.

⁵⁰ «Никогда не убивать рыцаря, умоляющего о пощаде»: процитировано у Каеупер, 2000, р. 31.

только он пожелает, не навлекая на себя никакого стыда или вины»⁵¹. Да уж, такое поведение сегодня не назовут рыцарством.

⁵¹ «Может взять даму или девицу, как только он пожелает»: процитировано у Каеуег, 2000, р. 30.

Европа на заре нового времени

Прочитав главу 3, мы узнаем, что средневековая Европа немного поутихла, когда воинственных рыцарей приструнили монархи централизованных королевств. Но королей и королев тоже не назовешь образцом благородства.

Школьники заучивают ключевые события британской истории с помощью мнемонических правил вроде «развелся – казнил – умерла – развелся – казнил – пережила».

Королевам рубили головы! В 1536 г. Генрих VIII приказал казнить свою жену Анну Болейн, сфабриковав обвинение в прелюбодеянии и измене, хотя настоящей причиной была ее неспособность родить ему сына и увлечение Генриха одной из фрейлин. Две жены спустя он заподозрил в измене Екатерину Говард, и ее тоже отправил на плаху. (Туристы, посещающие Лондонский Тауэр, могут увидеть место казни.) Генрих определенно был ревнивцем: он приказал казнить прежнего любовника Екатерины через повешение, потрошение и четвертование: его сначала вздернули на виселицу, еще живого вынули из петли, выпотрошили, кастрировали, обезглавили и разрубили на части.

Трон перешел к сыну Генриха Эдуарду, затем к дочери Генриха Марии, а потом к другой дочери, Елизавете. «Кровавая Мэри» получила свое прозвище вовсе не за то, что смешивала водку с томатным соком, а потому, что сожгла на костре три сотни религиозных отступников. И обе сестры придерживались традиций в урегулировании семейных разногласий: Мария заточила Елизавету в Тауэр и настояла на казни их кузины, леди Джейн Грей, а Елизавета, в свою очередь, отправила на плаху другую свою кузину – Марию, королеву Шотландии. Елизавета предала казни через повешение, потрошение и четвертование 123 священника, других врагов пытала ломающими кости кандалами (еще одна достопримечательность Тауэра). Сегодня британская королевская семья подвергается суровой критике за разнообразные оплошности – от неучтивости до супружеских измен. Хотя, казалось бы, люди должны быть им благодарны за то, что они до сих пор не обезглавили ни одного родственника и не выпотрошили ни единого священника.

И пусть Елизавета I санкционировала все эти пытки, она остается одним из самых почитаемых монархов Англии. Ее правление называют золотым веком, когда процветали искусства, в особенности театр. Никого не удивляет, что в трагедиях Шекспира полно насилия. Но для его вымышленного мира характерен такой уровень варварства, что это шокирует и привычных ко всему сегодняшних зрителей. Генрих V, один из шекспировских героев, выдвинул следующий ультиматум, угрожая французскому поселению во времена Столетней войны:

Весь в крови, от ярости слепой,
Солдат ухватит грязною рукой
За косы ваших дочерей кричащих,
Рванув отцов за бороды седые,
Им головы о стены раздробит;
Проткнет копьем детей полуодетых^{52, 53}.

В «Короле Лире» герцог Корнуэльский выкалывает глаза графу Глостеру («Вон, гадостная слизь!»), а его жена Регана приказывает выбросить истекающего кровью графа из дому: «Гоните в шею! Носом пусть найдет дорогу в Дувр»⁵⁴. В «Венецианском купце» Шейлок полу-

⁵² Перевод Е. Бируковой.

⁵³ Ультиматум Генриха V: Шекспир, «Генрих V», акт 3, сцена III.

⁵⁴ Перевод Б. Пастернака.

чает право вырезать фунт мяса из груди своего должника Антонио в качестве неустойки. В «Тите Андронике» двое мужчин убивают третьего, насилуют его невесту, вырезают ей язык, отрубают руки. Ее отец убивает насильников, печет из них пирог, который скармливает их матери, которую тоже убивает перед тем, как убить собственную дочь за то, что ее изнасиловали. Затем убивают самого отца, а потом и его убийцу. Детские книжки наводят не меньший ужас. В 1815 г. братья Якоб и Вильгельм Гримм опубликовали сборник старых народных сказок, которые были слегка адаптированы для детей. Широко известные как «Сказки братьев Гримм», они наряду с Библией и пьесами Шекспира считаются одной из самых переиздаваемых и уважаемых книг в западной литературе. И это вам не выхолощенная версия, представленная в диснеевских мультфильмах: сказки переполнены убийствами, инфантицидом, канибализмом, нанесением увечий и сексуальными преступлениями – довольно злоешие сказочки. Например, вот вам три самые известные истории о мачехах:

● В неурожайный год отец и мачеха Гензеля и Гретель оставили их в глухом лесу, чтобы они умерли там от голода. Дети набрали на съедобный домик, в котором жила ведьма. Она схватила Гензеля и принялась его откармливать, чтобы потом съесть. К счастью, Гретель удалось запихнуть ведьму в раскаленную печь и «безбожная ведьма сгорела в ужасных муках»⁵⁵.

● Сводные сестры Золушки, пытаясь втиснуть ноги в хрустальные туфельки, последовали совету матери и отрезали себе одна пальцы, другая пятку. Голуби заметили кровь, и, когда Золушка вышла замуж за принца, они выклевали сестрам глаза, наказывая их за «нечестность и безнравственность слепотой на всю оставшуюся жизнь».

● Белоснежка вызвала зависть своей мачехи, королевы, так что королева приказала охотнику отвести ее в лес, убить и принести легкие и печень девушки на ужин. Когда королева узнала, что Белоснежке удалось спастись, она совершила еще три покушения на убийство: два с помощью яда и одно удушением. Когда же принц оживил Белоснежку, королева заявила на их свадьбу, но «железные туфли для нее уже грелись на углях... Ей пришлось надеть эту раскаленную докрасна обувь и танцевать, пока не свалилась замертво»⁵⁶.

А сегодня поставщики увеселений для маленьких детей стали настолько нетерпимы к насилию, что даже ранние эпизоды «Маппет-шоу» кажутся им слишком опасными. И раз уж мы заговорили о кукольных представлениях: в Европе одним из самых популярных развлечений для детей было шоу Панча и Джуди. Еще в XX в. эта парочка вечно препирающихся перчаточных кукол частенько разыгрывала прежнюю буффонаду в нарядных кабинках в прибрежных английских городках. Филолог Гарольд Шехтер описывает обычный ее сценарий:

Начинается пьеса с того, что Панч хочет погладить соседского пса, который хватает его зубами за огромный нос. Отбившись от собаки, Панч предъявляет претензии ее владельцу Скарамушу и, осыпав его грубыми насмешками, сбивает ему голову «с плеч начисто». Затем Панч зовет свою жену Джуди и требует поцелуя. Она отвечает ему ударом в лицо. В поисках объекта, на который можно излить нежность, Панч берет на руки своего малолетнего ребенка и начинает его убаюкивать. К сожалению, именно в этот момент малыш пачкает пеленки. Как любящий семьянин, Панч лупит ребенка головой о сцену, а затем бросает бездыханное тело зрителям. Возвращается Джуди и, узнав, что произошло, естественно, огорчается. Она вырывает палку из рук Панча и бьет его изо всех сил. Он отбирает дубинку обратно и избивает жену до смерти, а затем поет небольшую победную песенку:

⁵⁵ Сожжение ведьм: Tatar, 2003, p. 207.

⁵⁶ Сказки братьев Гримм: Tatar, 2003.

Кто был обременен женой,
Но смог освободиться от нее
С помощью веревки, или ножа,
Или хорошей палки, как я?⁵⁷

Даже детские потешки Матушки Гусыни, которые по большей части датируются XVII – XVIII вв., режут слух по сравнению с тем, что мы позволяем маленьким детям слушать в наши дни. Петушка Робина хладнокровно убивают. Мать-одиночка живет в неблагоприятных условиях с кучей незаконнорожденных детей, бьет их и морит голодом. Двое детей, оставленных без присмотра, отправляются в опасное путешествие. Джек получает повреждение головы, которое может стоить ему сотрясения мозга, а состояние Джил вообще остается неизвестным. Бродяга признается, что спустил старика с лестницы. Джорджи-Порджи пристаёт к несовершеннолетним девочкам, что угрожает им посттравматическим расстройством. Шалтай-Болтай находится в критическом состоянии в результате несчастного случая. Халатная мать оставляет ребенка без присмотра на верхушке дерева, что приводит к катастрофическим последствиям. Дрозд нападает на помощницу по хозяйству, развешивающую постиранное белье, и злонамеренно повреждает ей нос. Три мыши, инвалиды по зрению, покалечены разделочным ножом. А вот свеча, что проводит тебя в постель, а вот топор, что отрубит тебе голову! В журнале *Archives of Diseases of Childhood* была опубликована статья, в которой оценивался уровень насилия в разных жанрах детских развлечений. Рейтинг телепрограмм составил 4,8 сцены насилия в час, рейтинг детских стишков – 52,2⁵⁸.

⁵⁷ Панч и Джуди: Schechter, 2005, pp.83–84.

⁵⁸ Насилие в детских потешках: Davies, Lee, Fox, & Fox, 2004.

Честь в европе и в сша в период становления американского государства

Если у вас есть под рукой десятидолларовая купюра, посмотрите на изображенного на ней человека и задумайтесь о его жизни и смерти. Александр Гамильтон – одна из самых светлых фигур в американской истории. Соавтор «Федералиста»⁵⁹, он помог сформулировать философские основы демократии. Первый министр финансов США, Гамильтон разработал институты, поддерживающие современные рыночные экономики. Он участвовал в Войне за независимость – предводительствовал тремя батальонами, был активным участником Филадельфийского конвента, командовал национальной армией, основал Банк Нью-Йорка, был членом законодательного собрания штата Нью-Йорк и основал газету *New York Post*⁶⁰.

Однако в 1804 г. этот выдающийся человек совершил потрясающе глупый по нынешним меркам поступок. Гамильтон на протяжении длительного времени злобно переругивался со своим соперником, вице-президентом Аароном Бёрром, и, когда отказался принести извинения за резкие слова, которые ему приписывали, последний вызвал его на дуэль. Не только здравый смысл мог бы отсрочить его свидание со смертью⁶¹. Дуэли уже почти вышли из моды, и штат Нью-Йорк, в котором жил Гамильтон, запретил их. Сын Гамильтона погиб на дуэли, и в письме, объясняющем, почему он принял вызов Бёрра, Гамильтон перечисляет пять возражений против этого обычая. Однако вызов он принял, потому что, по его словам, «то, что светские люди называют честью» не оставило ему другого выбора. На следующее утро Гамильтон стрелялся с Бёрром. Бёрр стал не последним вице-президентом, стрелявшим в человека, но он оказался более меток, чем Дик Чейни, и на следующий день Гамильтон скончался.

Гамильтон также не единственный американский государственный деятель, оказавшийся втянутым в дуэль. Генри Клей однажды стрелялся, а Джеймс Монро передумал бросать вызов Джону Адамсу только потому, что Адамс тогда был президентом. Среди других лиц, изображенных на американских деньгах, есть и Эндрю Джексон, увековеченный на 20-долларовой купюре. В нем застряло такое количество пуль, что, по его собственным словам, при ходьбе он гремел, как погремушка. Даже Авраам Линкольн, Великий освободитель, запечатленный на пятидолларовой купюре, однажды принял вызов на дуэль, хоть и выдвинул такие условия, которые гарантировали, что дуэль не состоится.

Дуэли, конечно, не американское изобретение. Они появились в эпоху Ренессанса как средство уменьшить урон от убийств, вендетт и уличных драк среди аристократов и их приближенных. Когда дворянин чувствовал, что его честь задета, он вызывал другого на дуэль и насилие ограничивалось одной-единственной смертью, безо всяких обид со стороны родственников и друзей убитого. Но, как заметил эссеист Артур Кристал, «дворяне... относились к своей чести настолько серьезно, что практически любая обида могла быть сочтена оскорблением. Два англичанина дрались на дуэли из-за того, что подрались их собаки. Два итальянца повздорили, сравнивая достоинства Тассо и Ариосто. Спор завершился, когда один из них, уже смертельно раненный, признался, что даже не читал поэта, которого с таким жаром защищал. А двоюродный дед Байрона Уильям, пятый барон Байрон, убил человека, с которым поспорил, чье поместье дает больше дичи»⁶².

⁵⁹ «Федералист» («Записки Федералиста», *The Federalist Papers*) – сборник статей в поддержку ратификации Конституции США. Отдельным изданием вышел в 1788 г. – *Прим. пер.*

⁶⁰ Гамильтон: Chernow, 2004.

⁶¹ Дуэль Гамильтона: А. Krystal, "En garde! The history of dueling," *New Yorker*, Mar. 12, 2007.

⁶² История дуэлей: Krystal, 2007; Schwartz, Baxter, & Ryan, 1984.

Дуэли продолжались в XVIII и XIX в., хотя Церковь их осуждала, а правительства многих стран запрещали. Самюэль Джонсон защищал этот обычай так: «Так же, как того, кто пытается залезть в ваш дом, позволительно застрелить того, кто лезет в вашу жизнь». На дуэлях дрались такие светила, как Вольтер, Наполеон, герцог Веллингтон, Роберт Пиль, Толстой, Пушкин и математик Эварист Галуа – последние двое погибли. Приближение, кульминация и исход дуэли – источник вдохновения для литераторов: их драматические возможности использовали в своих произведениях сэр Вальтер Скотт, Дюма-отец, Мопассан, Конрад, Толстой, Пушкин, Чехов и Томас Манн.

История дуэли демонстрирует загадочный феномен, с которым мы еще столкнемся: какой-то вид насилия на протяжении веков может быть частью культуры, а потом просто растворяется в воздухе. Когда дворяне соглашались на дуэль, они сражались не за деньги, не за землю и даже не за женщин, а за честь – странный предмет, который существует только потому, что все верят, что другие тоже верят, что он существует. Честь – это мыльный пузырь, надуть который могут некоторые свойства человеческой природы, такие как тяга к авторитету и укреплению норм, а продырявить – другие, например чувство юмора⁶³. В англоговорящем мире дуэли прекратились к середине XIX в., а в остальной Европе – в последующие десятилетия. Историки заметили, что этот обычай похоронили не столько юридические запреты или моральное осуждение, сколько насмешки. Когда «напыщенные джентльмены выходят на поле чести только для того, чтобы над ними посмеялось молодое поколение, – такого не выдержит ни один обычай, даже самый древний и освященный традицией»⁶⁴. Сегодня слова: «Разойдитесь на десять шагов, повернитесь и стреляйте!» – заставят скорее вспомнить о кролике Багзе Банни и Йоземите Сэме, чем о «людях чести».

⁶³ Юмор как оружие против чести: Pinker, 1997, chap. 8.

⁶⁴ Насмешки остановили дуэлянтов: Stevens, 1940, pp. 280–83, цит. в Mueller, 1989, p. 10.

Двадцатый век

Наше путешествие по забытой истории насилия приближается к настоящему, и ландшафт выглядит более знакомым. Но даже в той области культурной памяти, что относится к прошлому столетию, есть реликты, которые, кажется, принадлежат другой стране.

Взять, к примеру, упадок воинской культуры⁶⁵. Старые города Европы и Америки усеяны сооружениями, демонстрирующими военную мощь государства. Пешеходы любят конными статуями военачальников, скульптурами, воплощающими мужскую мощь, изображениями богато одаренных природой греческих воинов, видят триумфальные арки, увенчанные колесницами, железные ограды в форме мечей и копий. Станции метро названы в честь победоносных сражений. В метро Парижа есть станция «Аустерлиц», в Лондонском – «Ватерлоо». Фотоснимки столетней давности изображают мужчин в красочной парадной форме: они маршируют на государственных праздниках или дружески беседуют с аристократами на званых обедах. Визуальная символика старых государств наполнена агрессивными образами: метательными снарядами, холодным оружием, хищными пернатыми и представителями семейства кошачьих. Даже на печати штата Массачусетс, известного своим миролюбием, изображены отрезанная рука, потрясающая мечом, и американский индеец с луком и стрелами, а также девиз штата: «С мечом в руках мы жадем мира, мира под сенью свободы». Не желая уступать, соседний Нью-Гэмпшир украсил номерные знаки своих автомобилей девизом: «Живи свободным или умри».

Но сегодня на Западе мы больше не называем общественные места в честь военных побед. Наши военные мемориалы изображают не гордых военачальников верхом на лошадях, но рыдающих матерей, измученных солдат или исчерпывающие списки жертв конфликта. Военнослужащие незаметны в общественной жизни, мундиры их невзрачны и престиж среди публики невысок. На Трафальгарской площади Лондона постамент напротив больших львов и колонны Нельсона недавно был увенчан скульптурой, настолько далекой от военной иконографии, насколько это вообще возможно: она изображает обнаженную беременную женщину-художницу, рожденную без рук и без ног. На поле под Ипром, во Франции, на месте битвы, вдохновившей Джона Маккрея на создание поэмы «На полях Фландрии», битвы, в память которой 11 ноября в странах Содружества люди вдевают в петлицы цветы мака, недавно появился мемориал 10 000 солдат, расстрелянных за дезертирство, – тем, кого в свое время презирали как ничтожных трусов. И два свежих девиза штатов США: «Север, устремленный в будущее» у Аляски и «Земля живет праведностью» у Гавайев. (Хотя, когда штат Висконсин обсуждал замену своего слогана «Американская страна молока», одним из предложений было: «Ешь сыр или умри».)

Последовательный пацифизм особенно впечатляет в Германии – эта страна когда-то так прочно ассоциировалась с военными ценностями, что слова «тевтонский» и «пруссский» стали синонимами жесткого милитаризма. Еще в 1964 г. сатирик Том Лерер выражал распространенные опасения от перспективы участия Западной Германии в многосторонней ядерной коалиции. В саркастической колыбельной певец заверяет ребенка:

Раньше немцы были воинственны и жестоки,
Но это никогда больше не повторится.
Мы преподали им такой урок в 1918-м,
Что с тех пор они нас почти не беспокоили.

⁶⁵ Военная культура и ее упадок: Sheehan, 2008; van Creveld, 2008.

Боязнь реваншизма со стороны Германии ожила в 1989 г., когда Берлинская стена рухнула и разделенная страна решила объединиться. Однако сегодня немецкая культура все еще поглощена самокритичным переосмыслением своей роли в мировых войнах и пропитана отвращением ко всему, что пахнет военной. Насилие табуировано даже в видеоиграх, и, когда компания Parker Brothers хотела вывести на немецкий рынок настольную игру «Риск», для победы в которой игроки должны завоевать мир, немецкое правительство пыталось подвергнуть ее цензуре. В итоге правила переписали так, что игроки «освобождали», а не завоевывали территорию соперников⁶⁶. Немецкий пацифизм не сводится к символам: в 2003 г. полмиллиона немцев вышли на марш протеста против американского вторжения в Ирак. В ответ министр обороны США Дональд Рамсфелд прилюдно списал Германию со счетов как часть «старой Европы». Вспоминая историю бесконечных войн на континенте, это замечание можно назвать самым выразительным примером исторической амнезии – если не считать того студента, который пожаловался на обилие клише у Шекспира.

Многие из нас стали свидетелями другого изменения в западной восприимчивости к военной символике. Когда в 1940–1950-х гг. мир узнал о новом чудовищном оружии, люди не особенно испугались, даром что ядерная бомба недавно аннигилировала четверть миллиона жизней за раз и грозила погубить еще сотни миллионов. Нет, мир счел бомбу очаровательной! Сексуальный купальник, бикини, был назван в честь микронезийского атолла, испепеленного атомными испытаниями: дизайнер предположил, что реакция зевак на пляжный наряд будет сродни ядерному взрыву. Смехотворные меры «гражданской обороны» (бомбоубежища на заднем дворе или обучение школьников прятаться под парты в случае угрозы) поощряли иллюзию, что атомная атака не представляет собой ничего особенного. И сегодня тройной треугольник знака «Бомбоубежище» ржавеет над входами в подвалы американских школ и многоэтажных домов. Многие коммерческие логотипы 1950-х гг. изображают атомный гриб: леденцы «Ядерный взрыв», «Атомный рынок» (семейный продуктовый магазинчик неподалеку от кампуса Массачусетского технологического института) и «Атомное кафе», которое дало имя документальному фильму 1982 г. о невероятном легкомыслии, с которым мир относился к ядерному оружию вплоть до середины 1960-х, когда ужас ситуации начал, наконец, проникать в сознание.

Еще одна значительная перемена на нашем веку – нетерпимость к демонстрации силы в обычной жизни. В прежние годы готовность человека использовать кулаки в ответ на оскорбление была признаком респектабельности⁶⁷. Сегодня это признак хамства, симптом импульсивного расстройства личности, билет на терапию агрессивного поведения.

Один инцидент, случившийся в 1950-х гг., будет здесь хорошей иллюстрацией. Президент Гарри Трумэн прочел в газете *The Washington Post* недоброжелательный отзыв о выступлении его дочери Маргарет, начинающей певицы. Трумэн написал критику письмо на официальном бланке Белого дома: «Однажды я тебя где-нибудь встречу. И тогда тебе понадобится новый нос, примочки от синяков и, возможно, подгузник». Хотя любой может понять его порыв, сегодня публичные угрозы совершить в отношении критика физическое насилие при отягчающих обстоятельствах выглядят выходкой, категорически недопустимой со стороны лица, облеченного властью. А в то время отцовским благородством Трумэна восхищались.

И если вам понятно выражение «заморыш-девятисто-семь-фунтов» и «получить песком в лицо», вы, вероятно, знакомы с легендарной рекламой программы бодибилдинга Чарльза Атласа, которая начиная с 1940-х гг. публиковалась в журналах и комиксах. Типичный ее сюжет: слабака оскорбляют на пляже на глазах у его девушки. Он убегает домой, пинает стул,

⁶⁶ Германия: игры без насилия: А. Сиггу, «Monopoly killer,» *Wired*, Apr. 2009.

⁶⁷ Снижение числа убийств среди знати: Cooney, 1997.

платит десять центов за марку, получает по почте программу тренировок и возвращается на пляж, чтобы взять реванш и вернуть себе любовь юной красотки (рис. 1–1).

Не позволяй ему бить тебя, Джо!

Следи за базаром, парень...

Заткнись, ты, мешок с костями!

К черту все! Мне надоело быть тощим пугалом. Чарльз Атлас утверждает, что сделает из меня нового человека! Заплачу за марку и получу его Бесплатную книгу!

Позже:

Ого! И не так много времени потребовалось. Вот это мускулы. Теперь я покажу тому грубияну.

Вот тебе приветик... от того «мешка с костями», помнишь?

О, Джо! Все-таки ты настоящий мужчина!

Какой парень! А ведь был таким худышкой!

РИС. 1–1. Обыденное насилие в рекламе бодибилдинга, 1940-е гг.

Продукт, предложенный Атласом, опередил время: популярность бодибилдинга взлетела до небес только в 1980-х гг. А вот его маркетинг безнадежно устарел. Сейчас в рекламе спортивных клубов и спортивной атрибутики не увидишь кулачных боев в защиту чести. Нам предлагают нарциссическую, даже гомоэротическую картинку. К удовольствию обоих полов, выступающие грудные мышцы и рельефные кубики пресса демонстрируются крупным планом, словно произведение искусства. Преимущество, которое сегодня обещает реклама, – красота, а не сила.

Насилие между мужчинами признано неприемлемым, но изменение отношения к насилию в отношении женщин кажется даже более революционным. Многие представители поколения беби-бума с ностальгией вспоминают ситком 1950-х гг. «Молодожены», в котором Джеки Глисон играет здоровяка – водителя автобуса. Он постоянно изобретает схемы быстрого обогащения, а его здравомыслящая жена Алиса без устали их высмеивает. Одна из часто повторяющихся шуток в сериале – сцена, в которой Ральф трясет кулаком перед носом жены и рычит: «Когда-нибудь, Алиса, ох, когда-нибудь ты допросишься! Бац – прямо в челюсть!» (Или иногда: «Как дам – на луну улетишь!») Алиса всегда поднимает его на смех, но не потому, что оскорблена угрозами, а потому, что знает: у Ральфа просто не хватит духу так поступить. Сегодня этот тип юмора в массовых телепрограммах невыносимым, этого не позволит наша восприимчивость к насилию в отношении женщин. Взгляните на рекламу, напечатанную в 1952 г. в журнале *Life* (рис. 1–2).

Подобное игривое, эротизированное отношение к домашнему насилию абсолютно недопустимо сегодня, тогда же это было обычным делом. В 1950-х жену шлепали в рекламе рубашек фирмы «Ван Хейзен», в 1953 г. реклама почтовой маркировальной машины компании

«Питни-Боуз» изображала раздраженного босса, кричащего на упрямую секретаршу, подпись под этим изображением гласила: «Неужели женщин нельзя убивать?»⁶⁸

Или возьмем многолетний бродвейский хит – мюзикл «Фантастикс», либретто которого написано по мотивам пьесы Эдмонда Ростана «Романтики», еще в 1905 г. переведенной на английский. В постановке звучала песенка в стиле Гилберта и Салливана «Все зависит от цены». Двое мужчин планируют похищение, в процессе которого сын одного из них должен будет спасти дочь другого:

Текст гласит: «Если ваш муж когда-нибудь узнает, что вы не проверяете кофе на свежесть... Если он узнает, что вы по-прежнему рискуете покупать безвкусный несвежий кофе, он разозлится! Но сегодня есть способ убедиться в свежести кофе еще до покупки!»

РИС. 1–2. Домашнее насилие в рекламе кофе

Можно заказать насилие страстное,
Можно заказать насилие вежливое,
Можно заказать насилие с индейцами –
Очень мило смотрится.
Можно выбрать насилие на лошади –
Говорят, это забавная новинка.
Выбирай любое, все зависит от цены!

И хотя «насилие» (gare) в данном случае означало «похищение», а не «изнасилование», между первым представлением пьесы в 1960 г. и концом ее сценической жизни в 2002 г. восприятие этого слова изменилось. Вот что рассказал мне автор либретто «Фантастикс» Том Джонс (не родственник валлийского певца):

⁶⁸ Мизогинная реклама: Ad Nauseam, 2000. The Chase & Sanborn ad ran in *Life* magazine on Aug. 11, 1952.

Время шло, и я начал беспокоиться насчет этого слова. Медленно, очень медленно до меня что-то стало доходить. Заголовки в газетах. Статьи о жестоких групповых изнасилованиях. И «изнасилования на свидании». Я начал думать: «Это не смешно». Да, мы не имели в виду изнасилование, но часть публики смешило эпатажное использование этого слова в качестве шутки.

В начале 1970-х гг. продюсер постановки отклонил просьбу Джонса разрешить ему изменить слова, но позволил добавить вступление к песне, объясняющее значение слова «насилие», и снизить количество его повторений. После того как в 2002 г. пьеса сошла со сцены, Джонс полностью переписал либретто, и в 2006 г. мюзикл был поставлен заново. Кроме того, Джонс принял необходимые юридические меры, чтобы гарантировать, что при постановке «Фантастикс» в любой точке мира будет использована только новая версия текста⁶⁹.

Дети до недавнего времени тоже были законным объектом насилия. Родители их не просто шлепали, что сегодня запрещено во многих странах, – детей часто били каким-нибудь предметом вроде щетки или лопатки и по обнаженным ягодицам, чтобы усилить боль и унижение.

Вот обычный сюжет детских книжек из 1950-х – мать предупреждает непослушного малыша: «Ну, подожди, вот отец вернется!», а когда глава семьи наконец является, он снимает ремень и избивает ребенка. Часто упоминаются и другие способы наказания через физическую боль: детей можно было отправить в постель без ужина или вымыть им рот с мылом. С детьми, отданными на милость посторонним взрослым, обращались и того хуже. Еще не так давно школьников дисциплинировали методами, которые сегодня были бы расценены как пытки и довели бы учителя до тюрьмы⁷⁰.

~

Мир сегодня считается беспрецедентно опасным местом. Невозможно следить за новостями и не бояться террористических атак, столкновения цивилизаций или применения оружия массового поражения. Но люди склонны забывать об опасностях, заполнявших новости всего несколько десятилетий назад, и недооценивать, как нам повезло, что их больше не надо опасаться. В следующих главах я представлю цифры, доказывающие, что десятилетия 1960-х и 1970-х были гораздо более жестоким и опасным временем, чем то, в которое мы живем сейчас. А пока я выскажусь субъективно, в духе этой главы.

Я окончил университет в 1976-м. Как большинство выпускников, я не запомнил напутственной речи, которой нас провожали в большой мир, а значит, могу пофантазировать. Представьте себе такой прогноз эксперта по состоянию дел в мире, произнесенный в середине 1970-х гг.:

Уважаемый директор, преподаватели, семья, друзья и выпускники 1976 года! Начинается время больших испытаний. Но это также и время больших возможностей. Вы вступаете в жизнь образованными людьми, и я призываю вас вернуть долг обществу, работать ради светлого будущего и постараться сделать мир лучше.

Теперь, когда с этим покончено, я хочу поговорить о гораздо более интересных вещах. Я хочу поделиться моим видением будущего и рассказать, каким станет мир к вашей 35-й встрече выпускников. Начнется новое

⁶⁹ Изменения восприятия слова *rare*: Том Джонс, в личном письме, 19 ноября 2010 г. С разрешения автора.

⁷⁰ Физические наказания в школе: личные беседы с друзьями из Британии и с друзьями-католиками, а также S. Lyall, “Blaming church, Ireland details scourge of abuse: Report spans 60 years,” *New York Times*, May 21, 2009.

тысячелетие – и это будет реальность, которой мы и представить себе не можем. Я не говорю о техническом прогрессе, хотя плоды его возымеют невообразимый эффект. Я говорю о мире и безопасности человека, хотя вообразить это вам будет еще сложнее.

Без сомнения, мир в 2011 году все еще будет опасным местом. На протяжении следующих тридцати пяти лет, как и сегодня, будут войны и будут проявления геноцида – некоторые в совершенно непредсказуемых местах. Ядерное оружие все еще будет представлять угрозу. Некоторые из опасных регионов мира останутся опасными. Но на фоне этих постоянных произойдут невероятные перемены.

Первое и самое главное: кошмар, тенью лежащий на вашей жизни с тех самых ранних воспоминаний, когда вы в страхе скрывались в бомбоубежищах, – угроза ядерного апокалипсиса Третьей мировой войны – исчезнет. Через десять лет Советский Союз заключит с Западом мир, и холодная война закончится без единого выстрела. Китай больше не будет угрожать войной, а станет нашим основным торговым партнером. Ядерное оружие в ближайшие тридцать пять лет не применят ни разу. Более того, войн между крупными государствами больше не будет вообще. В Западной Европе воцарится стабильный мир, а непрерывные боевые действия в Восточной Азии через пять лет тоже сменятся длительным спокойствием.

И еще хорошие новости. Восточная Германия откроет границы, и счастливые студенты разнесут Берлинскую стену вдребезги. Железный занавес падет, и государства Центральной и Восточной Европы, освободившись от советского влияния, превратятся в либеральные демократии. Советский Союз не только откажется от тоталитарного коммунизма, но и добровольно прекратит свое существование. Республики, десятилетиями и веками существовавшие под гнетом российской оккупации, станут независимыми государствами, большая часть – демократическими. Практически везде эти перемены произойдут без единой капли крови.

Фашизм тоже исчезнет из Европы, а затем и из большей части остального мира. Португалия, Испания и Греция станут либеральными демократиями. Так же, как и Тайвань, Южная Корея, большая часть Южной и Центральной Америки. Генералиссимусы, полковники, хунты, банановые республики и ежегодные военные перевороты сойдут со сцены цивилизованного мира.

Ближний Восток тоже ожидают сюрпризы. Только что закончилась пятая за последние двадцать пять лет война между Израилем и арабскими государствами. Эти войны стоили жизни пятидесяти тысячам человек, а недавно чуть не втянули сверхдержавы в ядерное противостояние. Но через три года на встрече в Кнессете президент Египта обнимет премьер-министра Израиля и они подпишут бессрочный мирный договор. Иордания также заключит длительный мир с Израилем. Периодически и Сирия будет вести с Израилем мирные переговоры, и две страны перестанут воевать.

В Южной Африке будет демонтирован режим апартеида и белое меньшинство передаст власть черному большинству. Не случится ни гражданской войны, ни кровавой бани, к бывшим угнетателям не применят жестких ответных мер.

Многие из этих перемен станут результатом долгой и отважной борьбы. Но некоторые случатся просто так, застав всех врасплох. Возможно, в будущем

кое-кто из вас попытается выяснить, как это стало возможно. Я поздравляю вас с получением диплома и желаю вам успеха и радости на годы вперед.

Как бы отреагировала аудитория на этот взрыв оптимизма? Возможно, слушатели разразились бы хихиканьем и шептали бы друг другу, что оратор объелся кислоты в Вудстоке. Однако оптимист не ошибся ни разу.

~

Невозможно глубоко узнать страну, путешествуя по принципу «каждый-день-новый-город», и я не жду, что наш тур галопом по столетиям убедит вас, что прошлое было более жестоким, чем настоящее. Теперь, когда мы вернулись домой, вас, естественно, переполняют вопросы. А что, мы уже не пытаем людей? Разве XX в. не был самым кровавым в истории? И не поменяли ли мы старые формы войны на новые? Разве мы живем не в Эпоху террора? Разве в 1910 г. люди не считали войну невозможной? И как там насчет всех этих цыплят на птицефабриках? И разве не могут террористы, вооруженные ядерной бомбой, завтра разжечь новую глобальную войну?

Отличные вопросы, и я попытаюсь ответить на них с помощью исторических изысканий и количественных данных. Но я надеюсь, что вышеизложенная «сверка с реальностью» подготовила почву и не позволит забыть, что при всех угрозах, с которыми мы сталкиваемся сегодня, прошлое было гораздо более опасным. Читателям этой книги (да и большинству остальных) не приходится волноваться о похищении в сексуальное рабство, санкционированном Господом геноциде, смерти на арене или турнире, казни на кресте, колесе, костре или дыбе за непопулярные убеждения, не стоит бояться обезглавливания за то, что не родила сына, потрошения за то, что встречался с особой королевской крови, пистолетных дуэлей в защиту чести, пляжных кулачных боев с целью произвести впечатление на подружку, и можно не опасаться ядерной мировой войны, которая положит конец и цивилизации, и человечеству.

Глава 2

Процесс усмирения

Да, жизнь беспросветна, тупа и кратковременна, но ты знал, на что идешь, становясь пещерным человеком.

ПОДПИСЬ К КАРИКАТУРЕ ИЗ ЖУРНАЛА THE NEW YORKER⁷¹

Томас Гоббс и Чарльз Дарвин были хорошими людьми, но их имена со временем превратились в язвительные эпитеты. Никто не хотел бы жить в гоббсовском или дарвиновском мире (не говоря уже о мире мальтузианском, макиавеллиевском или оруэлловском). Имена этих двух философов стали нарицательными благодаря скептическим характеристикам, которые они дали жизни в естественном состоянии: «Выживает наиболее приспособленный» (фраза, которую Дарвин использовал, но не придумал), «Жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» (Гоббс). Однако они понимали суть насилия гораздо глубже, тоньше и в итоге гуманистичнее, чем можно предположить по прилагательным, образованным от их имен. И сегодня любое изучение насилия над людьми должно начинаться с их теорий.

Эта глава посвящена происхождению насилия – в логическом и хронологическом смысле. Дарвин и Гоббс помогут нам рассмотреть адаптивный смысл насилия и то, каким образом мотивы, побуждающие к насилию, могли эволюционировать как часть природы человека. Затем мы обратимся к предыстории насилия и узнаем, как оно появилось в нашей эволюционной ветви, насколько было распространено в дописьменную эпоху и какие исторические изменения впервые поспособствовали его спаду.

⁷¹ Карикатура Боба Манкоффа.

Логика насилия

Дарвин оставил нам теорию, объясняющую, почему живые существа обладают теми или иными чертами, и не только биологическими, но и психологическими, а именно базовыми настройками мышления и мотивами, управляющими поведением. Через 150 лет после публикации его «Происхождения видов» теория естественного отбора была полностью подтверждена в лабораторных и полевых исследованиях и обогатилась идеями из новых областей науки и математики, обеспечив нас связным и цельным пониманием живого мира. Я говорю о генетике, которая обнаружила репликаторы, обеспечивающие процесс естественного отбора, и о теории игр, проливающей свет на судьбу так называемых целеустремленных агентов (goal-seeking agents) в мире, населенном другими целеустремленными агентами⁷².

Почему живые существа развивают в себе способность вредить другим живым существам? Ответ не так прямолинеен, как следует из фразы «выживают наиболее приспособленные». В книге «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene) Ричард Докинз, объясняя современную синтетическую теорию эволюционной биологии, генетики и теории игр, пытается избавить читателей от бездумно-привычных представлений о живом мире. Он предлагает воспринимать животных как созданные генами (единственной сущностью, которая исправно воспроизводится в процессе эволюции) «машины выживания» и поразмыслить, как бы они эволюционировали.

Для любой машины выживания другая такая машина (если это не ее собственный детеныш или близкий родственник) составляет часть ее среды обитания, подобно горе, реке или чему-то съедобному. Это нечто, преграждающее путь, или нечто, что можно использовать. От горы или реки такая машина выживания отличается одним: она склонна давать сдачи. Такое поведение объясняется тем, что эта другая машина также содержит свои бессмертные гены, которые она должна сохранить во имя будущего, и тем, что она также не остановится ни перед чем, чтобы сохранить их. Естественный отбор благоприятствует тем генам, которые управляют своими машинами выживания таким образом, чтобы те как можно лучше использовали свою среду. Сюда входит и наилучшее использование других машин выживания, относящихся как к собственному, так и к другим видам^{73,74}.

Любой, кто видел, как ястреб терзает скворца, как туча кровососущих насекомых мучает лошадь, как вирус СПИДа медленно убивает человека, тот представляет себе, как машины выживания бессердечно используют другие подобные им машины. Насилие в живом мире распространено повсеместно, это стандартная установка по умолчанию, не требующая дальнейших объяснений. Если жертва принадлежит к другому виду, мы называем агрессоров хищниками или паразитами. Но жертва и агрессор могут относиться к одному виду: инфантицид, убийство сиблингов, каннибализм, изнасилования и смертельные схватки наблюдаются у многих животных⁷⁵.

Тщательно подбирая выражения, Докинз объясняет, почему природа все же не превратилась в одну большую кровавую баню. Во-первых, животные менее склонны вредить своим близким родственникам, потому что любой ген, склоняющий животное вредить родне, имеет

⁷² Дарвин, генетика и теория игр: Maynard Smith, 1998; Maynard Smith & Szathmáry, 1997.

⁷³ Перевод Н. О. Фоминой.

⁷⁴ О машинах выживания: Dawkins, 1976/1989, p. 66 / Ричард Докинз. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. О. Фоминой.

⁷⁵ Насилие у животных: Williams, 1988; Wrangham, 1999a.

высокие шансы повредить и копию *самого себя*, находящуюся внутри родственника, а значит, исчезнуть в результате естественного отбора. Еще важнее, подчеркивает Докинз, что другой организм отличается от реки или камня: *он может дать отпор*. Существо, ставшее агрессивным в результате естественного отбора, принадлежит к виду, другие представители которого в процессе эволюции стали в среднем так же агрессивны. Если ты атакуешь себе подобного, твой противник может быть так же силен и драчлив, как ты, и вооружен теми же средствами защиты и нападения. Вероятность пострадать, атакуя представителя своего вида, – мощное средство эволюционного давления, препятствующее неразборчивому применению когтей и зубов. Это соображение исключает и гидравлическую метафору, и большинство таких обывательских теорий насилия, как «жажда крови», «тяга к смерти» или «инстинкт убийства» и прочие деструктивные позы, мотивы и импульсы. Где бы ни возникала тенденция к насилию, она всегда *стратегическая*. Организмы отбираются таким образом, чтобы применять насилие только в том случае, если ожидаемые выгоды перевешивают ожидаемые затраты. Этот принцип особенно верен в отношении разумных видов, развитый мозг которых позволяет им точнее оценивать предполагаемые затраты и выгоды в каждом конкретном случае, а не полагаться на средние данные, подsunутые эволюционной памятью.

Логика насилия в приложении к представителям разумного вида возвращает нас к Гоббсу. В важном отрывке из «Левиафана» (1651) ему не понадобилось и сотни слов, чтобы проанализировать склонность людей к насилию, и анализ этот ни в чем не уступает любому современному:

Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы. Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая – в целях собственной безопасности, а третья – из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения непосредственно по их адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия или имени⁷⁶⁷⁷.

Гоббс считал соперничество неизбежным следствием того, что все стороны преследуют свои интересы. К настоящему времени мы убедились, что соперничество встроено в эволюционный процесс. Машины выживания, способные растолкать соперников локтями в борьбе за конечные ресурсы вроде пищи, воды и пригодной для жизни территории, превзойдут их числом и населят мир машинами выживания, наилучшим образом приспособленными для подобных состязаний.

Сегодня мы знаем, почему «жены» также являются ресурсом, за который мужчинам приходится конкурировать. Практически у всех животных вклад самок в потомство больше, чем вклад самцов. Это особенно верно для млекопитающих: мать вынашивает ребенка и кормит его грудью после рождения. Самец может увеличить число своих потомков, спариваясь с несколькими самками, что оставит других самцов бездетными, в то время как самка не может увеличить число своих потомков, спариваясь с несколькими самцами. Таким образом, у многих видов, не исключая человека, репродуктивная способность самки становится дефицит-

⁷⁶ Перевод А. Гутермана.

⁷⁷ Три причины конфликтов: Hobbes, 1651/1957, p. 185 / Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991.

ным ресурсом, за который состязаются самцы⁷⁸. Ничто из сказанного выше не оправдывает изнасилования или драки и не предполагает, что мужчина – робот, контролируемый генами, а женщина – безропотная сексуальная добыча, или что люди хотят иметь максимально возможное количество детей, или что они невосприимчивы к влиянию культуры – все это типичные ошибки в понимании теории сексуального отбора⁷⁹.

Вторая причина конфликтов – неуверенность; во времена Гоббса под ней подразумевался скорее «страх», чем «застенчивость»⁸⁰. Вторая причина – следствие первой: соперничество порождает страх. Если у вас есть причины подозревать, что ваш сосед склонен вынести вас за рамки соперничества, скажем убив вас, тогда вам захочется защитить себя и избавиться от него с помощью превентивного удара. Этот соблазн может обуять вас, даже если вы в других обстоятельствах не обидели бы и мухи, – вы ведь не хотите погибнуть, не оказав сопротивления? Трагедия в том, что ваш соперник может думать точно так же, даже если *он сам* – человек, который мухи не обидит. И даже если он *знает*, что вы не испытываете к нему неприязни, у него есть все основания беспокоиться, что вы захотите нейтрализовать его просто из страха, что он нейтрализует вас первым, а это дает вам повод опередить и нейтрализовать его, и так до бесконечности. Политолог Томас Шеллинг предлагает следующую аналогию: вооруженный домовладелец натывается на вооруженного грабителя. Чтобы выжить, каждый из них захочет выстрелить первым. Этот парадокс иногда называют гоббсовской ловушкой, а в сфере международных отношений – дилеммой безопасности⁸¹.

Как разумные агенты могут выбраться из гоббсовской ловушки? Самый очевидный путь – политика сдерживания. Не бей первым, но будь достаточно силен, чтобы пережить первый удар и отплатить агрессору тем же. Эффективная политика сдерживания может заставить противника отказаться от нападения, потому что это ему дорого обойдется: потери в результате возмездия превысят ожидаемую прибыль. Кроме того, политика сдерживания исключает нападение, вызванное страхом быть атакованным, потому что вы обещали не нападать первым и, что еще важнее, действительно не хотите нападать первым: сдерживание снижает необходимость в упреждающем ударе. Итак, главное в политике сдерживания – это убедительность, весомость ответной угрозы. Если ваш визави думает, что вас можно снести одним ударом, он не будет опасаться возмездия. И если он считает, что вы, подвергшись нападению, можете, по здравом размышлении, отказаться от мести, которая уже ничего не исправит, он может сыграть на этом и атаковать безнаказанно. Ваша политика сдерживания будет убедительной, только если вы энергично отметаите любые подозрения в слабости, преследуете всех нарушителей и всегда сравниваете счет. В этом случае становится понятным и нападение «из-за пустяка»: неосторожного слова, улыбки или другого признака неуважения. Гоббс называет этот мотив «славой», обычно говорят о «чести», но точнее всего будет «подтверждение репутации, реноме» (*credibility*).

Политика сдерживания также известна как баланс сил устрашения, а во времена холодной войны говорили о политике взаимного гарантированного уничтожения. Мир, основанный на политике сдерживания, хрупок, ведь сдерживание снижает насилие только угрозой насилия. Каждой стороне приходится реагировать на любые ненасильственные знаки неуважения темпераментными демонстрациями агрессии, и в результате один акт насилия влечет за собой другой в бесконечном цикле мщения. Как мы увидим в главе 8, одна из неотъемлемых черт человеческой природы – ошибка эгоистичности (*self-serving bias*⁸²), склонность при любых обстоятель-

⁷⁸ Конкуренция за самок: Darwin, 1874; Trivers, 1972.

⁷⁹ Непонимание сексуального отбора: Pinker, 1997, 2002.

⁸⁰ Гоббс употребляет слово *diffidence* – «неуверенность в себе», «робость». – Прим. пер.

⁸¹ Дилемма безопасности: Schelling, 1960.

⁸² Термин *self-serving bias* также переводят как «ошибка самообслуживания», искажение когнитивных и перцептивных процессов для поддержания собственной самооценки и чувства правоты. – Прим. пер.

ствах оправдывать себя, заставляет каждую из сторон верить, что именно ее действия – справедливый акт возмездия, а действия соперника – ничем не спровоцированная агрессия.

Гоббс анализировал жизнь в состоянии анархии. Название его капитального труда указывает на способ ее избежать: это Левиафан – монархия или другая правящая власть, которая воплощает волю народа и пользуется исключительным правом на применение силы. Налагая на агрессоров наказание, Левиафан способен удержать их от нападения, то развеивая общее беспокойство относительно превентивных ударов, то устраняя постоянную готовность мстить, чтобы доказать свою решимость. И так как Левиафан – незаинтересованная третья сторона, он не ослеплен шовинизмом, заставляющим каждого из соперников думать, будто его оппонент – воплощение мирового зла, в то время как его собственная душа белее свежесвыпавшего снега.

Логику Левиафана можно схематически изобразить в виде треугольника (рис. 2–1). В каждом акте насилия есть три заинтересованные стороны: агрессор, жертва и наблюдатель. У каждого есть мотив к насилию: агрессор хочет поживиться за счет жертвы, жертва – отомстить врагу, наблюдатель – снизить побочный ущерб от их схватки. Насилие, проявляемое противоборствующими сторонами, можно назвать войной, а наблюдателя по отношению к ним – законом. Суть теории Левиафана в том, что закон лучше войны. Теория Гоббса выдвигает предположение, которое можно проверить данными из истории насилия. Левиафан впервые вышел на сцену в недавних актах представления, разыгрываемого человечеством. Археологи говорят, что люди жили в состоянии анархии до возникновения цивилизации (примерно 5000 лет назад), когда оседлые земледельцы впервые объединились в города и государства и создали первые правительства. Если теория Гоббса верна, этот переход должен сопровождаться первым заметным спадом насилия. До появления цивилизации, когда люди жили без «общей власти, держащей всех в страхе», жизнь должна была быть более «беспросветна, тупа и кратковременна», чем в период, когда их принуждала к миру вооруженная власть. Это усовершенствование я буду называть Процессом усмирения (Pacification Process). Гоббс утверждал, что «дикие люди в разных районах Америки» жили в условиях жестокой анархии, но не уточнил, каких конкретно людей имел в виду.

Не имея достоверных данных, любой мог пуститься в спекуляции о примитивных народах, и для появления альтернативной теории не потребовалось много времени. Оппонентом Гоббса стал родившийся в Швейцарии философ Жан-Жак Руссо (1712–1778).

РИС. 2–1. Треугольник насилия

Он предположил, что «нет ничего более кроткого, чем человек в его первоначальном состоянии... Пример дикарей... кажется, доказывает, что человеческий род был создан оста-

ваться таким вечно... и что все дальнейшее развитие представляет собою шаги... к одряхлению рода»⁸³.

Хотя суть философских систем Гоббса и Руссо не сводится к констатации «беспросветна, тупа и кратковременна» и идее о благородном дикаре, их взаимоисключающие стереотипы о жизни на лоне природы разожгли споры, продолжающиеся по сей день. В книге «Чистый лист» (*The Blank Slate*) я объясняю, каким образом этот вопрос отяготился эмоциональным, моральным и политическим багажом. Во второй половине XX в. романтическая теория Руссо стала политически корректной доктриной человеческой природы – и в качестве реакции на прежние расистские доктрины о «примитивных» народах, и из-за убеждения, что это более жизнеутверждающий взгляд на существование человека. Многие антропологи верят, что, если Гоббс был прав, война была бы неизбежной и даже желательной, поэтому любой, кто хочет мира, должен настаивать, что Гоббс ошибался. Эти «антропологи мира» (которые на самом деле ведут себя довольно агрессивно – этолог Йохан ван дер Деннен называет их «мафией мира и гармонии») отстаивают идею, что у людей и других животных стремление убивать себе подобных жестко подавляется, что война – недавнее изобретение и что до тех пор, пока примитивные народы не столкнулись с европейскими колонизаторами, войны между ними были ритуальными и бескровными⁸⁴.

Я, как уже упоминалось в предисловии, считаю, что идея, будто биологические теории насилия пессимистичны, а романтические – оптимистичны, верна с точностью до наоборот, но смысл главы не в этом. Что касается насилия у догосударственных народов, Гоббс и Руссо заблуждались: ни тот ни другой ничего не знали о жизни до появления цивилизации. Сегодня у нас больше возможностей. Данная глава посвящена обзору того, что нам известно о насилии на ранних ступенях развития человека. Эта история началась задолго до того, как мы стали людьми, и для начала мы изучим агрессию среди наших кузенов-приматов и посмотрим, что она расскажет нам о возникновении насилия в общей эволюционной ветке. Когда же мы доберемся до нашего собственного вида, я сконцентрируюсь на контрасте между группами и племенами собирателей, живших в условиях анархии, и народами, жившими оседло, подчиняясь какой-либо форме правления. Кроме того, мы выясним, как собиратели воевали и из-за чего они воевали. Это приведет нас к центральному вопросу: были войны между анархическими племенами более или же менее разрушительными, чем войны между народами, живущими под властью государства? Чтобы ответить на него, следует перейти от повествования к цифрам и максимально точно оценить данные о количестве насильственных смертей на душу населения в обществах, живущих под властью Левиафана, и в тех, что живут в условиях анархии. В конце мы обсудим плюсы и минусы цивилизованной жизни.

⁸³ «Нет ничего более кроткого, чем человек в его первоначальном состоянии»: Rousseau, 1755/1994, pp. 61–62 / Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. Пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, 1998.

⁸⁴ Мафия мира и гармонии: Van der Dennen, 1995, 2005.

Насилие у предков человека

Насколько глубоко в прошлое можем мы проследить историю насилия? Хотя приматы – предки человека – давно вымерли, они оставили нам по крайней мере один источник данных о том, какими они могли быть: других своих потомков, шимпанзе. Естественно, мы произошли не от шимпанзе и не можем с уверенностью сказать, сохранили ли шимпанзе черты нашего общего предка или свернули в каком-то своем направлении. Но в любом случае полезно знать больше об агрессивности шимпанзе, поскольку так мы можем понять, как эволюционирует насилие у приматов, с которыми у нас есть общие черты. Это позволит также проверить эволюционное предположение, что агрессивные тенденции по природе своей стратегические, а не гидравлические и реализуются, только если потенциальные выгоды высоки, а риски низкие⁸⁵.

Обычные шимпанзе живут в сообществах, насчитывающих до 150 особей и занимающих определенную территорию. Когда шимпанзе рыскают по лесу в поисках фруктов и орехов, которые, естественно, растут там неравномерно, они часто разбиваются на более мелкие группы, размером от одной до 15 особей. Если такой отряд наткнется на чужую группу на приграничной территории, их взаимодействие всегда враждебное. Если группы примерно равны по численности, они с шумом оспаривают границы. Противники издадут лающие звуки, гикают, трясут ветки, бросают предметы и атакуют друг друга с полчаса и дольше, пока одна из групп (как правило, та, что меньше) не отступает.

Такие стычки – свойственная многим животным демонстрация агрессивности. Раньше их считали сложившимися в интересах вида ритуалами, предназначенными для урегулирования споров без кровопролития, сейчас же понимают как демонстрацию силы и решительности, позволяющую слабой стороне уступить и не подвергать участников риску, если исход схватки ясен заранее. Если же силы животных примерно равны, такая демонстрация может перерасти в серьезную схватку, где один или даже оба соперника могут пострадать или погибнуть⁸⁶. Драки между группами шимпанзе, однако, не перерастают в серьезные битвы, и раньше антропологи считали этот вид в целом миролюбивым.

До тех пор пока приматолог Джейн Гудолл, долгое время изучавшая жизнь шимпанзе в дикой природе, не сделала шокирующее открытие⁸⁷. Если группа самцов шимпанзе встречает меньшую группу или одиночку из другого сообщества, они не кричат и не угрожают, но пользуются своим численным преимуществом. Если одиночка – фертильная молодая самка, они ухаживают за ней и пытаются спариться. Если же это самка с детенышем, самцы часто нападают, убивают и съедают детеныша. А если они встречают одинокого самца или отбивают его от группы, шимпанзе набрасываются на него со зверской жестокостью. Двое держат жертву, а остальные бьют, откусывают ему пальцы и гениталии, вырывают куски мяса, выкручивают конечности, пьют кровь или вспарывают глотку. Зафиксирован случай, когда шимпанзе одной группы убили всех самцов соседней стаи. Случись такое среди людей, это назвали бы геноцидом. Часто эти нападения не были результатом случайного столкновения – группа самцов в ходе приграничного патрулирования тихо и целенаправленно разыскивала и преследовала одиночек. Убийства происходят и внутри стаи. Группа самцов может прикончить соперника, а сильная самка при содействии самца или другой самки способна убить детеныша более слабой.

Когда Гудолл впервые написала об этих убийствах, другие ученые задавались вопросом, не были ли эти дикие выходки симптомами какой-то патологии или же изменениями поведения, возникающими из-за того, что приматологи подкармливают шимпанзе для удобства

⁸⁵ Насилие у шимпанзе: Goodall, 1986; Wilson & Wrangham, 2003; Wrangham, 1999a; Mitani, Watts, & Amstler, 2010.

⁸⁶ Демонстрации агрессии у животных: Maynard Smith, 1988; Wrangham, 1999a.

⁸⁷ Шокирующее открытие Гудолл: Goodall, 1986.

наблюдений. Три десятилетия спустя сомнений почти не осталось: опасная агрессивность шимпанзе – часть их поведенческого репертуара. Приматологи непосредственно наблюдали или наткнулись на свидетельства убийств почти 50 одиночек из соперничающих групп и больше 25 особей – в результате внутригрупповых конфликтов. Подобные вещи наблюдались как минимум в девяти сообществах, в том числе в тех, которые никогда не прикармливали. В некоторых стаях более трети самцов погибало насильственной смертью⁸⁸.

Есть ли в поведении шимпанзе дарвиновский эволюционный смысл? Приматолог Ричард Рэнгем, ученик Гудолл, проверил различные гипотезы на обширных данных по демографии и экологии шимпанзе⁸⁹. Ему удалось зафиксировать одно крупное эволюционное преимущество и одно поменьше. Когда шимпанзе избавляются от соперничающих самцов и их потомства, они расширяют свою территорию, вторгаясь в новые земли сразу или занимая их постепенно за счет численного преимущества в последующих схватках. Доступ к пище на этой территории имеют только они, их самки и их отпрыски, что, в свою очередь, приводит к повышению рождаемости в группе. Сообщество иногда принимает самок из уничтоженной стаи, и это – второе репродуктивное преимущество для самцов. При этом шимпанзе не дерутся непосредственно за еду и самок. Все, к чему они стремятся, – доминировать на территории и уничтожить конкурентов, если это можно сделать с минимальным риском для себя. Эволюционные преимущества в этом случае являются косвенными и долгосрочными.

Что до рисков, шимпанзе минимизируют их, стараясь вступать в неравные схватки, в которых они минимум втрое превосходят соперников по численности. Стратегии поиска пищи, свойственные шимпанзе, часто приводят неудачливую жертву прямо в лапы врагу, потому что плодовые деревья растут не везде. Голодные шимпанзе вынуждены искать пропитание малыми группами или в одиночку, а иногда на свой страх и риск забредать на ничейные территории.

Какое отношение все это имеет к насилию у людей? Эти данные говорят в пользу вероятности, что предки человека предпринимали кровопролитные набеги еще 6 млн лет назад, во времена нашего общего с шимпанзе прародителя. Правда, есть и другая вероятность. Общий предок человека и шимпанзе (*Pan troglodytes*) дал начало и третьему виду приматов – бонобо, карликовым шимпанзе (*Pan paniscus*), которые разошлись с обыкновенными шимпанзе около 2 млн лет назад. Мы так же близки к бонобо, как и к обычным шимпанзе, а бонобо не были замечены в жестоких нападениях. Это их отличие от обыкновенных шимпанзе – один из самых известных фактов популярной приматологии. Бонобо стали известны благодаря своему миролюбию, матриархату и сладострастию – этакие травоядные «шимпанзе-хиппи». В их честь назвали вегетарианский ресторан в Нью-Йорке, они вдохновили сексолога доктора Сьюзи на создание курса «Путь бонобо: к миру через удовольствие», а Морин Дауд, колумнист *The New York Times*, выражала желание, чтобы современные мужчины избрали бонобо своей ролевой моделью⁹⁰.

Приматолог Франс де Вааль подчеркивает, что теоретически наш общий с шимпанзе и бонобо предок мог быть ближе к бонобо, чем к обыкновенному шимпанзе⁹¹. Если так, межгрупповое насилие самцов не слишком глубоко пустило корни в эволюционной истории человека. Склонность обыкновенных шимпанзе и людей к жестоким нападениям могла появиться независимо друг от друга, возможно, агрессивность людей развилась лишь в отдельных культурах, а не в ходе эволюции вида в целом. А если так, у людей нет никаких врожденных склон-

⁸⁸ Смертельное насилие у шимпанзе: Wilson & Wrangham, 2003; Wrangham, 1999a; Wrangham, Wilson, & Muller, 2006.

⁸⁹ Адаптивный аспект убийств у шимпанзе: Wilson & Wrangham, 2003; Wrangham, 1999a; Wrangham & Peterson, 1996. Mitani et al., 2010.

⁹⁰ Бонобо: de Waal & Lanting, 1997; Furuichi & Thompson, 2008; Wrangham & Peterson, 1996. Bonobos and popular culture: I. Parker, "Swingers," *New Yorker*, Jul. 30, 2007; M. Dowd, "The Baby Bust," *New York Times*, Apr. 10, 2002.

⁹¹ Бонобо как модель предка человека: de Waal, 1996; de Waal & Lanting, 1997.

ностей к групповому насилию и, чтобы удержать их от него, не нужен Левиафан или любые другие институты.

У идеи, что люди произошли от мирного пращура вроде бонобо, есть два слабых места. Первый: нам очень легко обмануться историей шимпанзе-хиппи. Бонобо – исчезающий вид, живущий в недоступных лесах в глухих районах Конго, и все, что мы о них знаем, это результат наблюдений за группами детенышей и молодых особей, которых хорошо кормят в неволе. Многие приматологи подозревают, что систематическое изучение взрослых, голодных, крупных и свободных групп бонобо покажет нам менее радужную картину⁹². Оказывается, в дикой природе бонобо охотятся, конфликтуют и наносят друг другу увечья в схватках, порой смертельные. Безусловно, они менее агрессивны, чем обыкновенные шимпанзе: никогда не устраивают набегов и разные их группы могут мирно кормиться рядом; но миролюбие бонобо не безгранично.

Вторая и более важная проблема: общий предок людей и двух видов шимпанзе, скорее всего, больше походил на обыкновенных шимпанзе, чем на бонобо⁹³. Бонобо – необычные приматы не только по поведению, но и по анатомии. Маленькие, детские головки, небольшие тела, невыраженный половой диморфизм и прочие черты незрелости отличают их не только от обыкновенных шимпанзе, но и от остальных больших человекообразных обезьян (горилл и орангутанов), и от ископаемых австралопитеков, предков человека. Их характерная анатомия, с учетом положения на генеалогическом древе гоминид, дает основания предполагать, что бонобо отделились от общего предка путем неотения – процесса, который перенастраивает программу роста так, что и во взрослом состоянии сохраняются некоторые ювенильные черты (в случае бонобо – свойства черепа и мозга). Неотения часто наблюдается у видов, подвергшихся приручению, например у собак, отделившихся от волков. Неотения – путь отбора менее агрессивных особей. Рэнгем доказывает, что основным двигателем эволюции бонобо был отбор по признаку сниженной агрессивности самцов. Бонобо ищут пищу большими группами и не передвигаются в одиночку, поэтому в их случае групповая агрессивность, вероятно, не оправдывает себя. Это заставляет предположить, что бонобо – нетипичные обезьяны и человек произошел от животного, которое было ближе к обыкновенному шимпанзе.

Даже если шимпанзе и люди изобрели групповое насилие независимо друг от друга, такое совпадение предоставляет пищу для размышлений. Тогда можно предположить, что кровопролитные набеги дают эволюционное преимущество разумным видам, образующим группы разного размера, внутри которых родственные самцы создают коалиции и оценивают сравнительную силу друг друга. Когда мы будем изучать насилие среди людей, то заметим, что некоторые параллели здесь более чем очевидны.

Было бы здорово, если бы археологи нашли недостающее звено между общим предком и современным человеком. Но предки шимпанзе не оставили ископаемых останков, а останки и следы материальной культуры гоминид слишком скудны, чтобы дать нам прямые доказательства агрессивности, такие как сохранившееся оружие или следы ранений. Некоторые палеоантропологи ищут признаки агрессивности у ископаемых видов, измеряя клыки у самцов (большие заостренные клыки характерны для агрессивных видов) и обращая внимание на разницу в размерах самцов и самок (у полигинных видов самцы крупнее – чтобы успешнее драться с другими самцами)⁹⁴. К сожалению, маленькие рты гоминидов, в отличие от пастей других приматов, не открываются так широко, чтобы в длинных клыках был толк, и неважно, насколько агрессивны или миролюбивы были эти создания. К тому же ископаемые виды не

⁹² Бонобо в дикой природе: Furuichi & Thompson, 2008; Wrangham & Peterson, 1996; I. Parker, “Swingers,” *New Yorker*, Jul. 30, 2007.

⁹³ Бонобо как исключение: Wrangham & Pilbeam, 2001.

⁹⁴ Половой диморфизм и конкуренция самцов: Plavcan, 2000.

были так предусмотрительны и не оставили нам достаточное количество полных скелетов, поэтому трудно точно определить их пол и сравнить размеры самок и самцов (отчего многие антропологи скептически относятся к недавнему заявлению, будто у *Ardipithecus ramidus*, вероятного предка *Homo*, чей возраст датируется 4,4 млн лет, клыки были короткие, а самки одного размера с самцами, из чего следует, что этот вид был моногамным и миролюбивым⁹⁵). Если судить по более поздним и чаще встречающимся останкам, самцы нашего вида были крупнее самок уже 2 млн лет назад, и данное различие в размерах сопоставимо с нынешним. Это укрепляет подозрение, что агрессивное соперничество между мужчинами имеет долгую историю в нашей эволюционной ветви⁹⁶.

⁹⁵ *Ardipithecus ramidus*: White et al., 2009.

⁹⁶ Половой диморфизм и конкуренция самцов у вида *Homo*: Plavcan, 2000; Wrangham & Peterson, 1996, pp. 178–82.

Виды человеческих обществ

Вид, к которому мы принадлежим, называется «человек современного анатомического типа», его возраст – 200 000 лет. Но «поведенчески современные» люди – с искусством, обрядами, одеждой, сложными инструментами и способностью жить в разных экосистемах – появились, вероятно, около 75 000 лет назад в Африке и вышли оттуда, чтобы заселить весь остальной мир. Когда вид только возник, люди жили маленькими кочевыми группами, состоящими из равноправных родственников, добывали пропитание охотой и собирательством, не зная ни письменности, ни правительства. Сегодня подавляющее большинство людей живут в оседлых стратифицированных обществах, насчитывающих миллионы человек, едят пищу, поставляемую сельским хозяйством, и подчиняются государственной власти. Этот переход, который называют Неолитической (относящейся к новокаменному веку) революцией, начался около 10 000 лет назад с возникновения земледелия в районе Плодородного полумесяца, а также в Китае, Индии, Западной Африке, Мезоамерике и в Андах⁹⁷.

Соблазнительно, конечно, использовать горизонт в 10 000 лет как границу между двумя главными эпохами существования человека: эрой охотников-собирателей, во время которой мы прошли большую часть биологической эволюции (реалии той эпохи еще можно наблюдать у ныне живущих охотников-собирателей), и последовавшей эрой цивилизации. Эта разделительная линия фигурирует в теоретизировании о той экологической нише, к которой люди биологически приспособлены, – эволюционные психологи называют ее *зоной эволюционной адаптированности*. Но не эта зарубка на линии времен лучше всего соответствует гипотезе Левиафана.

Начать с того, что века в 10 000 лет имеет отношение только к *первым* земледельческим обществам. Сельское хозяйство в других регионах появилось позже и распространялось весьма постепенно. До Ирландии, например, земледелие добралось с Ближнего Востока только около 6000 лет назад⁹⁸. Всего за несколько столетий до наших дней охотники-собиратели населяли многие территории Американского континента, Австралии, Азии и Африки, а кое-где живут и сегодня.

К тому же общества нельзя строго разделить на общины охотников-собирателей и земледельческие цивилизации⁹⁹. Известные нам современные безгосударственные народы – это охотники-собиратели, живущие небольшими группами, вроде племени!кунг-сан в пустыне Калахари и инуитов в Арктике. Они сохранили свой образ жизни только потому, что живут в труднодоступных местах земли, на которые никто другой не претендует. Поэтому мы не можем считать их типичными представителями наших доисторических предков, живших, скорее всего, в более благоприятных условиях. Еще недавно собиратели жили в долинах и на берегах рек, богатых рыбой и дичью, что позволяло им вести более благополучный и сложно-организованный оседлый образ жизни. Индейцы Тихоокеанского побережья на северо-западе Северной Америки, известные своими тотемными столбами и церемонией потлача, – яркий тому пример. Вне досягаемости государства живут и племена Амазонии и Новой Гвинеи, которые не только занимаются охотой и собирательством, но вырубают и выжигают в джунглях клочки земли для выращивания бананов и сладкого картофеля. Их жизнь не так аскетична, как жизнь «классических» охотников-собирателей, но все же они гораздо ближе к ним, чем к оседлым земледельцам.

⁹⁷ Неолитическая революция: Diamond, 1997; Gat, 2006; Otterbein, 2004.

⁹⁸ Распространение сельского хозяйства: Cavalli-Sforza, 2000; Gat, 2006.

⁹⁹ Виды обществ: Gat, 2006.

Когда первые крестьяне осели на земле и начали выращивать зерновые и бобовые растения, разводить одомашненных животных, их число резко выросло и появилось разделение труда: теперь одни люди питались пищей, которую выращивали другие. Но развитые государства и правительства появились далеко не сразу. Сначала роды объединялись в племена, соединенные родством и культурой, а племена – в племенные союзы с общим лидером и поддерживающей его свитой. Одни племена предпочитали заниматься пастбищным животноводством, они мигрировали вместе со скотом и продавали продукты животноводства оседлым земледельцам. Ветхозаветные евреи как раз и были пастухами, сформировавшими объединения племен примерно в те времена, что описываются в Книге Судей.

С зарождения сельского хозяйства до появления на сцене настоящих государств прошло еще около 5000 лет¹⁰⁰. Это произошло, когда более могущественные племенные объединения с помощью военной силы подчинили себе другие группы и племена, способствуя дальнейшей централизации власти и появлению ниш для специализированных классов вроде солдат и ремесленников. Растущие государства строили крепости, города и другие защищенные поселения и изобрели письменность, позволившую им делать записи, собирать налоги и дани, учреждать законы, чтобы держать подданных в подчинении. Мелкие государства, покушавшиеся на благосостояние своих соседей, вынуждали тех обороняться, и в результате крупные государства поглощали более мелкие.

Среди разных обществ антропологи выделили множество подтипов и переходных классов и заметили, что не существует цивилизационного лифта, который бы автоматически превращал простые общества в сложные. Вожди и племена могут существовать неограниченно долгое время, например дожившие в Европе до XX в. черногорские племена. А когда государство рушится, ему может наследовать племенная система, как в греческие темные века (время действия поэм Гомера), последовавшие за крахом микенской цивилизации, и в европейские Темные века, наступившие после падения Римской империи. Даже сегодня многие части неэффективных государств – Сомали, Судана, Афганистана и Конго – это, по сути, союзы племен, управляемых вождями; только вождей мы теперь называем полевыми командирами¹⁰¹.

Поэтому нет никакого смысла изучать исторический рост и спад насилия, нанося число смертей на отметки на линии времени. Если мы и увидим, что у какого-то народа уровень насилия снизился, так это потому, что изменился вид социальной организации, а не потому, что прозвенел будильник истории. Если такие изменения вообще случаются, они происходят в разное время. Также не приходится ожидать равномерного спада насилия, начиная с племен кочующих охотников-собирателей и переходя к рассмотрению более сложных обществ оседлых охотников-собирателей, земледельческих общин, а затем малых и крупных государств. Глобальных изменений стоит ждать только с появлением первой формы социальной организации, стремящейся снизить насилие внутри своих границ. И это будет централизованное государство, Левиафан.

Это не значит, что любое раннее государство было содружеством, власть в котором образуется в результате общественного договора, принятого гражданами (как считал Гоббс). Правление во времена первых государств было больше похоже на бандитское «крышевание»: могущественные мафиози экспроприировали ресурсы местных жителей в обмен на защиту их от враждебных соседей и друг от друга¹⁰². В этих условиях снижение насилия было на руку и господам, и подданным. Как фермер заботится, чтобы его животные не поубивали друг друга, так и правитель будет стараться удержать подданных от распрей и взаимных налетов. Подданные

¹⁰⁰ Первые государства: Diamond, 1997; Gat, 2006; Kurtz, 2001; Otterbein, 2004.

¹⁰¹ Современные союзы племен: Goldstein, 2011.

¹⁰² Ранние государства как «крыша»: Gat, 2006; Kurtz, 2001; North, Wallis, & Weingast, 2009; Otterbein, 2004; Steckel & Wallis, 2009; Tilly, 1985.

сводят счеты, имущество переходит из рук в руки, но, с точки зрения правителей, все это – чистые убытки.

~

Тема насилия в догосударственных обществах долго оставалась политизированной. Веками считалось, что первобытные люди были свирепыми варварами. Декларация независимости США, например, сетует, что король Англии «пытался направить на жителей наших границ безжалостных индейских дикарей, известный способ войны которых представляет собой поголовное избиение всех возрастов, полов и состояний».

Сегодня этот отрывок кажется архаическим и оскорбительным. Словари предостерегают нас от использования в отношении примитивных народов слова «дикий» (*savage*, которое в английском языке родственно понятию «лесной», *sylvan*), а с учетом того, что нам сегодня известно о геноциде коренных американцев, устроенном европейскими колонистами, авторы Декларации независимости выглядят не лучшим образом. Современная озабоченность достоинством и правами каждого народа не позволяет нам высказываться слишком откровенно об уровне насилия в дописьменных культурах, да и «антропологи мира» успешно нанесли на них руссоистский макияж. Маргарет Мид, например, описывала культуру новогвинейского племени чамбри (чамбули) как сексуально-перевернутую, поскольку мужчины чамбри украшали себя кудрями и макияжем, но умалчивала о том, что право на эти «женственные» знаки отличия завоевывалось убийством члена соседнего племени¹⁰³. Антропологи, не поддерживающие подобные «мирные» трактовки, обнаруживают, что их неожиданно лишают возможности посещать места, в которых они работают, им вчиняют иски о защите чести и достоинства, а коллеги из профессиональных сообществ очерняют их и даже обвиняют в геноциде¹⁰⁴.

Да, по сравнению с современными войнами схватки между племенами могут показаться почти безобидными. Мужчины, имеющие претензии к соседней деревне, назначают тамошним мужчинам встречу в определенное время в определенном месте. Стороны стоят, выдерживая расстояние, которое их копья и стрелы едва могут пролететь. Они ругаются, проклинают и оскорбляют друг друга, бахвалятся, посылают стрелы и бросают копья, уклоняясь от стрел и копий противника. Как только один-два воина оказываются убитыми или ранеными, противостояние заканчивается. Само собой, эти шумные представления наводили наблюдателей на мысль, что битвы примитивных народов были ритуальными и символическими, совсем не похожими на знаменитые побоища между народами цивилизованными¹⁰⁵. Историк Уильям Экхардт, автор часто цитируемого высказывания, что с течением времени насилие значительно возросло, писал: «Группы охотников-собираателей, числом от 25 до 50 человек каждая, вряд ли могли устроить настоящую войну. Им не хватило бы людей и оружия для ведения боевых действий, у них было мало причин для раздоров и недостаточно излишков, чтобы оплатить войну»¹⁰⁶.

Только в последние 15 лет такие свободные от своекорыстных политических интересов ученые, как Лоуренс Кили, Стивен Леблан, Азар Гат и Йохан ван дер Деннен, начали систематический сбор данных, касающихся частоты и разрушительности военных действий догосударственных народов¹⁰⁷. Реальные цифры убитых в племенных войнах показывают, что безобид-

¹⁰³ Женственные чамбри: Daly & Wilson, 1988, p. 152.

¹⁰⁴ Грязные махинации по отношению к антропологам: Freeman, 1999; Pinker, 2002, chap. 6; Dreger, 2011; C. C. Mann, «Chagnon critics overstepped bounds, historian says», *Science*, Dec. 11, 2009.

¹⁰⁵ Мифы о безобидности войн первобытных народов: Keeley, 1996.

¹⁰⁶ «Не из-за чего воевать»: Eckhardt, 1992, p. 1.

¹⁰⁷ Догосударственное насилие: Keeley, 1996; LeBlanc, 2003; Gat, 2006; Van der Dennen, 1995; Thayer, 2004; Wrangham & Peterson, 1996.

ность таких конфликтов весьма условна. Во-первых, любая стычка может перерасти в побоище, усеивающее поле битвы мертвыми телами. Во-вторых, когда группы из нескольких десятков мужчин конфликтуют на регулярной основе, даже одна-две жертвы за одно столкновение повышают *долю* насильственных смертей, которая и так высока по любым стандартам.

Основная же ошибка вытекает из неспособности различать два вида насилия, важных даже при изучении поведения шимпанзе, – это стычки и набеги. Больше жизней уносят не шумные стычки, а внезапные набеги¹⁰⁸. Отряд проникает во вражескую деревню перед рассветом, сначала всаживают стрелу в вышедшего по нужде бедолагу, затем расстреливают тех, кто выглядывает из хижин, чтобы узнать, что происходит. Стены пронзают копьями, стреляют через двери и дымоходы, поджигают хижины. Сонных людей убивают десятками, а к тому времени, когда жители деревни наконец организуют защиту, атакующие уже растворяются в лесу.

Нередко нападающие истребляют всех жителей деревни поголовно или же убивают всех мужчин и уводят всех женщин. Другой бесшумный, но эффективный способ уменьшить численность врага – засада: воины прячутся в лесу вблизи от чужой охотничьей тропы и убивают каждого проходящего по ней мужчину из вражеского племени. Еще одна тактика – вероломство: племя делает вид, что готово примириться с врагами, приглашает их на праздник, на котором, по сигналу, ничего не подозревающих гостей убивают. По отношению к одиночке, забредшему на чужую территорию, тактика та же, что и у шимпанзе, – нападать без предупреждения.

Мужчины в догосударственных обществах (а это практически всегда мужчины) относятся к войне предельно серьезно – и в вопросах тактики, и в том, что касается вооружений. Они изготавливают химическое, биологическое и осколочное оружие¹⁰⁹. Они мажут наконечники стрел ядами, добытыми из ядовитых животных, втыкают их в тухлое мясо, чтобы рана загноилась. Наконечники прикрепляют к древку так, чтобы оно легко отламывалось, – тогда жертва не сможет вытащить острие. Воины часто вознаграждают себя трофеями – головами, скальпами и гениталиями врагов. Они не берут пленных, хотя иногда могут притащить одного в деревню и запытать до смерти. Уильям Брэдфорд, один из прибывших на «Мэйфлауэре» колонистов, писал о коренных жителях Массачусетса: «Не довольствуясь умерщвлением врага, они с наслаждением подвергают его кровавым пыткам, как то: с живых сдирают кожу острыми раковинами, отрезают понемногу конечности, поджаривают их на углях и поедают на глазах у жертвы»¹¹⁰.

Хотя нам неловко читать, как европейские колонисты называют аборигенов «дикарями», и мы справедливо обвиняем их в лицемерии и расизме, такие рассказы о зверствах местного населения – не выдумка. Существует множество свидетельств ужасающей жестокости племенных войн. В 1930-х гг. одно из племен группы яномамо, живущее в дождевых лесах Венесуэлы, похитило Хелену Валеро. Вот что она впоследствии рассказывала об одном из налетов:

Тем временем со всех сторон прибывали захваченные женщины с детьми... Мужчины начали убивать детей; маленьких, побольше, они убили их множество. Дети пытались бежать, но их ловили, бросали на землю и убивали из луков, прищипывая стрелами к земле. Взяв самых маленьких за ножки, они били их о деревья и камни... Все женщины плакали¹¹¹.

¹⁰⁸ Набеги в войнах первобытных народов: Chagnon, 1996; Gat, 2006; Keeley, 1996; LeBlanc, 2003; Thayer, 2004; Wrangham & Peterson, 1996.

¹⁰⁹ Примитивное оружие: Keeley, 1996.

¹¹⁰ «Им нравится мучить людей»: процитировано у Schechter, 2005, p. 2.

¹¹¹ Набеги яномамо: Valero & Biocca, 1970.

В начале XIX в. английский каторжник Уильям Бакли сбежал из австралийской тюрьмы и три десятилетия безбедно прожил в племени аборигенов ватаурунг. Он оставил свидетельства об их образе жизни, в том числе о военных обычаях:

Приблизившись к расположению врага, они спрятались и лежали в засаде, пока все не утихло. Дождавшись, когда большинство вражеских воинов уляжется группами там и сям и уснет, наши налетели на них, нескольких ранили, а троих убили на месте. Враг стремительно бежал, оставив оружие и амуницию в руках противника, бросив раненых, которых добились бумерангами. Три громких вопля увенчали триумф победителей. Тела убитых они ужасно изуродовали, отрезав им руки и ноги острыми камнями, ракушками и томагавками.

Когда женщины увидели, что их мужчины возвращаются с победой, они тоже подняли громкий крик, вытанцовывая в диком экстазе. Мертвые тела бросили на землю и принялись бить палками – люди, казалось, свихнулись от возбуждения¹¹².

О подобных случаях свидетельствовали не только жившие среди туземцев европейцы, но и сами аборигены. Роберт Насрук Кливленд из эскимосского племени инупиатов в 1965 г. вспоминал:

На следующее утро налетчики атаковали лагерь и убили всех оставшихся там женщин и детей... В вагины убитых женщин они затолкали нельму, а потом пришедшие из Ноатаки взяли Кититигаагваат и ее ребенка и отступили к верховьям реки Ноатак... Почти дойдя до деревни, они изнасиловали Кититигаагваат и бросили ее и ребенка умирать...

Несколько недель спустя охотники на карибу из Кобука вернулись домой, нашли разлагающиеся останки своих жен и детей и поклялись отомстить. Через год или два они отправились на север в верховья Ноатак в поисках врага. Вскоре они наткнулись на большую группу нуатаагмиутов и тайно последовали за ними. Однажды утром люди из лагеря нуатаагмиутов заметили большое стадо карибу и бросились в погоню. Пока они отсутствовали, налетчики из Кобука убили всех женщин в лагере. Они отрезали им гениталии, нанизали на веревку и быстро направились в обратный путь¹¹³.

Каннибализм долго считался квинтэссенцией первобытной дикости, и антропологи были склонны отмахиваться от сообщений о каннибализме, считая их кровавыми наветами со стороны соседних племен. Но в последнее время криминологическая археология доказала, что каннибализм был очень распространен в доисторическую эпоху. Об этом свидетельствуют человеческие кости с отметками человеческих же зубов; кости, приготовленные и разбитые, как кости животных, а потом выброшенные вместе с пищевыми отходами¹¹⁴.

Некоторым из таких костей 800 000 лет – это время появления *Homo heidelbergensis*, гейдельбергского человека, общего предка современных людей и неандертальцев. Следы человеческого белка были найдены в кухонной посуде и в экскрементах древних людей. Вероятно, каннибализм был настолько обычным делом в доисторическую эпоху, что даже повлиял на эволюцию человека: наш геном содержит гены, необходимые для защиты от так называемых прионных болезней, которыми рискуют заразиться каннибалы¹¹⁵. В подтверждение этого

¹¹² Набеги ватаурунгов: Morgan, 1852/1979, pp. 43–44.

¹¹³ Набеги инупиатов: Burch, 2005, p. 110.

¹¹⁴ Каннибализм: Fernández- Jalvo, Diez, Bermúdez de Castro, Carbonell, & Arsuaga, 1996; Gibbons, 1997.

¹¹⁵ Прионные болезни: E. Pennisi, “Cannibalism and prion disease may have been rampant in ancient humans”, *Science*, Apr.

можно привести свидетельства очевидцев, например записи миссионеров о том, как воин-маори насмеялся над засушенной головой вражеского вождя:

Ты хотел убежать, да? Но моя боевая дубинка догнала тебя. И когда тебя сварили, ты стал моей едой. И где твой отец? Его сварили. Где твой брат? Его съели. Где твоя жена? Здесь она сидит, она теперь моя жена. А где твои дети? Вот они, с грузом на спине, носят еду – они теперь мои рабы¹¹⁶.

Многие ученые считают образ безобидных собирателей вполне правдоподобным, потому что им трудно вообразить цели и мотивы, которые могли бы подтолкнуть первобытных людей к войне. Вспомните, например, утверждение Экхардта, что у охотников-собирателей «было мало причин для раздоров». Но у существ, появившихся в результате естественного отбора, всегда есть причины воевать (что, конечно, не значит, что они всегда будут это делать). Гоббс писал, что у людей, в частности, есть три причины для войны: нажива, безопасность и убедительное сдерживание. Люди в догосударственных обществах воюют по всем трем причинам¹¹⁷.

Собиратели могут воевать из-за территории – охотничьих угодий, источников воды, берегов и устьев рек, месторождений ценных минералов вроде кремния, обсидиана, соли или охры. Они могут угонять скот или воровать заготовленную пищу. И очень часто они воюют из-за женщин. Мужчины могут захватить соседнюю деревню с единственной целью – увести женщин, которых они будут по очереди насиловать и поделят в качестве жен. Они могут напасть по какой-то другой причине и забрать женщин как «бонус» или потребовать женщин, обещанных им в жены, но не доставленных в условленное время. Молодые мужчины порой воюют ради трофеев, славы и других знаков удали, особенно если по их обычаям это необходимо для получения статуса взрослого.

Люди в догосударственных обществах также нападают ради безопасности. Дилемма безопасности, или гоббсовская ловушка, не дает им покоя: если их заставляет беспокоиться их малочисленность, они заключают союзы с соседними деревнями, а если видят, что вражеский альянс слишком разросся, наносят упреждающие удары. Воин яномамо как-то сказал антропологу: «Мы устали воевать. Мы больше не хотим убивать. Но враги коварны, и доверять им нельзя»¹¹⁸.

Но самый распространенный мотив военных действий – это месть, которая служит нехитрой политикой сдерживания потенциальных врагов, повышая ожидаемые ими издержки будущих атак. Ахилл в «Илиаде» описывает психологическую черту, свойственную людям всех культур: гнев «в зарождении сладостней тихо струящегося меда, скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!»¹¹⁹. Племена мстили за грабеж, измену, вандализм, браконьерство, похищение женщин, предполагаемое колдовство, сорванные сделки и предыдущие акты насилия. В одном кросс-культурном исследовании выяснилось, что в 95 % обществ люди полностью поддерживают идею «жизнь за жизнь»¹²⁰. Племенные народности не только чувствуют, как пламенный дым возрастает в груди, но и твердо знают, что их враги ощущают то же самое. Вот почему они иногда убивают всех до единого жителей вражеской деревни, понимая, что любой выживший захочет отомстить за погибших родственников.

11, 2003, pp. 227–28.

¹¹⁶ Насмешки воина маори: A. Vayda's Maori Warfare (1960), цит. в Keeley, 1995, p. 100.

¹¹⁷ Причины первобытных войн: Chagnon, 1988; Daly & Wilson, 1988; Gat, 2006; Keeley, 1996; Wiessner, 2006.

¹¹⁸ Мужчины яномамо «устали от войн»: цит. в Wilson, 1978, pp. 119–20.

¹¹⁹ Перевод Н. Гнедича.

¹²⁰ Универсальность мести: Daly & Wilson, 1988; McCullough, 2008.

Уровень насилия в государствах и догосударственных обществах

Хотя данные о насилии в догосударственных обществах разрушают стереотип о миролюбии охотников-собирателей, они не дают оснований судить, был уровень насилия в их эпоху выше или ниже, чем в так называемых цивилизованных обществах. В истории современных государств нет недостатка в ужасающих зверствах и расправах, и не в последнюю очередь над аборигенным населением всех континентов, а количество жертв военных действий между ними достигает восьмизначных цифр. Только посмотрев на эти данные, мы сможем понять, повысила цивилизация уровень насилия или же снизила его.

Конечно, если смотреть на абсолютные цифры, цивилизованные общества бьют все рекорды. Но на какие величины мы должны смотреть – на абсолютные или на *относительные*, вычисленные пропорционально величине населения? С точки зрения морали выбор довольно скользкий: что хуже – гибель 50 % популяции в сотню человек или же гибель 1 % популяции в один миллиард? С одной стороны, человек, которого пытаются или убивают, страдает одинаково сильно независимо от того, с каким количеством других людей разделяет он свою судьбу, так что именно объем страдания должен вызывать наше сочувствие и привлекать внимание. Но ведь можно рассудить и так, что обратная сторона удачи родиться – шанс умереть преждевременной или жестокой смертью от насилия, болезни или в результате несчастного случая. Так что мы можем записать число людей, которые в данном времени и месте без помех прожили свою жизнь полностью, в колонку «добро» и будем сверять с ней «зло», то есть число жертв насилия. А попросту можно спросить: «Если бы я жил в то время, каковы бы были мои шансы стать жертвой насилия?» Эта логика, касается ли она доли в популяции или же риска погибнуть для каждого отдельного индивида, приводит нас к выводу, что, сравнивая вредоносность насилия среди обществ, мы должны фокусироваться не на абсолютном количестве актов насилия, а на его пропорциональном уровне.

Давайте посмотрим, что произойдет, если мы примем за разделительную линию возникновение государств и по одну сторону поместим охотников-собирателей, охотников-земледельцев и другие племенные группы (всех эпох), а оседлые государства (также всех эпох) – по другую. Ученые недавно собрали достоверные данные о количествах насильственных смертей в догосударственных обществах во всей доступной антропологической и исторической литературе. Получить такие сведения можно из двух источников. Во-первых, из демографических данных, собранных этнографами: нас интересует число смертей у народов, которые они изучали на протяжении длительных периодов времени¹²¹. Во-вторых, у археологов, раскапывающих захоронения и изучающих запасники музеев в поисках признаков убийства¹²².

Как можно установить причину смерти, если жертва умерла сотни или тысячи лет назад? Иногда доисторические скелеты находят вместе с палеолитическими уликами с места убийства: наконечником стрелы или копья, застрявшим в кости, как случилось с Эци и человеком из Кенневика. Но и косвенные улики бывают недвусмысленными. Археологи ищут на древних скелетах повреждения, характерные для нападений на человека: вмятины на черепе, нанесенные каменными орудиями отметины на костях конечностей или черепе, специфические повреждения локтевых костей (например, перелом Монтеджи, который человек получает, прикрывая голову руками). По некоторым признакам можно отличить травмы, полученные еще живым человеком, от повреждений, полученных в результате контакта останков с внешней средой.

¹²¹ Потери убитыми в догосударственных обществах: Bowles, 2009; Gat, 2006; Keeley, 1996.

¹²² Судебно-медицинская археология: Keeley, 1996; McCall & Shields, 2007; Steckel & Wallis, 2009; Thorpe, 2003; Walker, 2001.

Живые кости ломаются как стекло, и края перелома острые и неровные; мертвые кости ломаются как мел, края перелома чистые и ровные. Если в месте повреждения кость разрушается не так, как в нетронутых областях, скорее всего, она была сломана уже после того, как окружающие ткани отмерли. Археологическими уликами могут быть военные укрепления, щиты, оружие наподобие томагавков (которые бесполезны на охоте) и сцены сражений, нарисованные на стенах пещер (некоторым из них более 6000 лет). И тем не менее подсчеты археологов обычно занижены, потому что такие причины смерти, как отравленная стрела, инфицированная рана, поврежденный орган или артерия, не оставляют следов на костях жертвы.

Зная примерное число насильственных смертей, перевести его в проценты можно двумя способами. Первый – подсчитать их долю. Эта пропорция даст нам ответ на вопрос: «Каковы шансы погибнуть от руки другого человека, а не от естественной причины?» График на рис. 2–2 показывает такую статистику на трех примерах догосударственных народов (скелеты доисторических времен, охотники-собиратели и охотники-земледельцы) и для различных централизованных государств. Давайте проанализируем.

Верхняя часть списка отражает уровень насильственных смертей, подсчитанный по данным археологических раскопок¹²³. Это скелеты охотников-собирателей и охотников-земледельцев из Азии, Африки, Европы и обеих Америк в период от 14 000 г. до н. э. до 1770 г., во всех примерах – задолго до появления государственных обществ или первого контакта с ними. Уровень насильственных смертей варьирует от 0 до 60 %, в среднем – 15 %.

Следующие цифры относятся к восьми современным или недавно существовавшим обществам, которые добывали пропитание преимущественно охотой и собирательством в Америке, Австралии и на Филиппинах¹²⁴. Средняя доля смертей в войнах здесь всего на волосок от среднего, оцениваемого по данным раскопок: 14 %, с разбросом от 4 до 30 %.

В предпоследнюю группу я объединил догосударственные общества, которые занимаются в разных пропорциях охотой, собирательством и земледелием. Все они из Новой Гвинеи и дождевых лесов Амазонии, за исключением черногорцев, последнего европейского племенного общества, в котором количество насильственных смертей близко к среднему по группе: 24,5¹²⁵.

¹²³ Насильственные смерти в доисторических обществах: Bowles, 2009; Keeley, 1996.

¹²⁴ Насильственные смерти у охотников-собирателей: Bowles, 2009.

¹²⁵ Насильственные смерти у охотников-земледельцев и крестьян племенных сообществ: Gat, 2006; Keeley, 1996.

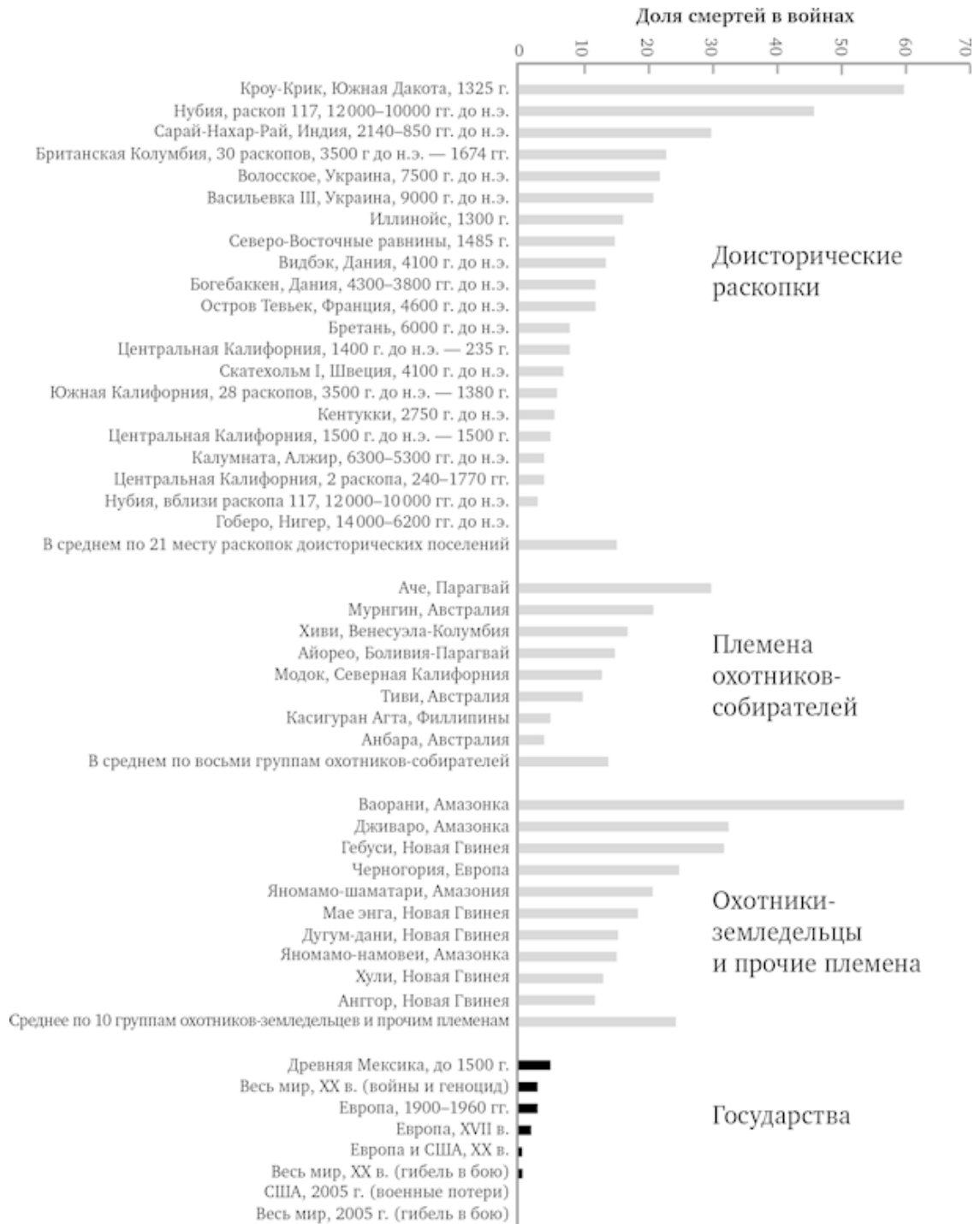

РИС. 2–2. Доли военных потерь в государственных и догосударственных обществах

Источники: археологические раскопки доисторических поселений: Bowles, 2009; Keeley, 1996. Охотники-собиратели: Bowles, 2009. Охотники-земледельцы и другие племенные группы: Gat, 2006; Keeley, 1996. Древняя Мексика: Keeley, 1996. Весь мир, XX в., войны и геноцид (включая искусственно вызванный голод): White, 2011. Европа, 1900–1960 гг.: Keeley, 1996, Wright, 1942, 1942/1964, 1942/1965; см. прим. 522. Европа, XVII в.: Keeley, 1996. Европа и США, XX в.: Keeley, 1996, Harris, 1975. Весь мир, XX в., гибель в бою: Lacina & Gleditsch, 2005; Sarkees, 2000; см. прим. 54. США, 2005 г., военные потери: см. текст и прим. 57. Весь мир, гибель в бою, 2005 г.: см. текст и прим. 58

И в конце мы видим данные, касающиеся обществ с государственным устройством¹²⁶. Самые ранние относятся к городам и империям доколумбовой Мексики, в которой 5 % смертей были насильственными. Несомненно, это было опасное место, но при этом уровень насилия составлял всего 3/5 от среднего в доисторическом обществе. Что касается современных государств, простор для выбора широк: сотни политических объединений, десятки столетий и множество видов насилия (войны, убийства, геноцид и так далее), так что тут нет единственно «верной» оценки. Но мы можем сделать сравнение максимально справедливым, выбрав *самые* жестокие времена и страны и добавив кое-какие цифры, касающиеся сегодняшнего положения дел в мире. Из главы 5 мы узнаем, что самыми жестокими столетиями за последние полтысячелетия европейской истории были XVII в. с его кровавыми религиозными войнами и XX-й, принесший две мировые войны. Историк Куинси Райт оценил уровень смертей в войнах XVII в. в 2 % и долю погибших в боях первой половины XX в. в 3 %¹²⁷. Если добавить сюда последние четыре десятилетия XX в., доля будет еще ниже. Расчет, включающий американские военные потери, снижает общую цифру до менее чем 1 %¹²⁸.

Сегодня, с опубликованием двух массивов количественных данных, которые я буду рассматривать в главе 5, исследования проблем войны проводятся с большей точностью. По самым скромным подсчетам, за весь XX в. в боях погибло около 40 млн человек¹²⁹. («Гибель в бою» относится к военнослужащим и гражданским лицам, убитым непосредственно в сражениях.) Если мы сопоставим это количество с цифрой в 6 млрд человек, скончавшихся на протяжении XX в., и не будем принимать во внимание некоторые демографические тонкости, окажется, что только 0,7 % населения Земли полегло на поле боя за эти 100 лет¹³⁰. Даже если мы утроим эту цифру или умножим ее на четыре, чтобы учесть не прямые смерти от вызванных войной голода и болезней, это все равно не сравняет разницу между государственными и догосударственными обществами. А если добавить смерти от геноцидов, чисток и других устроенных людьми бедствий? Мэттью Уайт, исследователь насилия, с которым мы познакомились в главе 1, считает, что на долю всех этих причин, вместе взятых, приходится около 180 млн смертей. И даже это повышает долю насильственных смертей в XX в. всего до 3 %¹³¹.

Теперь вернемся в настоящее. Согласно свежему выпуску статистического ежегодника *Statistical Abstract of the United States*, в 2005 г. скончалось 2 448 017 американцев. Этот год был одним из худших для страны по числу военных потерь за несколько десятилетий, потому что американские вооруженные силы участвовали в вооруженных конфликтах в Иране и Афганистане. Две войны, убившие 945 американских граждан, в сумме дают 0,004 % (четыре тысячных процента) от общего количества смертей американцев за весь год¹³². Даже если мы приплюсуем сюда 18 124 бытовых убийства, общая доля насильственных смертей не превысит

¹²⁶ Насильственные смерти в государственных обществах: Keeley, 1996.

¹²⁷ Уровень смертей в войнах: оценка в 3 % взята из Wright, *A Study of War*, 1942, p. 245. Первая редакция была закончена в ноябре 1942 г., до самых разрушительных моментов Второй мировой. Тем не менее цифры не были изменены в переиздании 1965 г. (Wright, 1942/1965, p. 245, и в сокращенном издании 1964 г. Wright, 1942/1964, p. 60), хотя в последнем упоминаются Дрезден, Хиросима и Нагасаки. Я полагаю, что цифры намеренно оставлены без изменений и что дополнительное количество жертв Второй мировой компенсировались миллиардом человек, рожденных в послевоенные десятилетия.

¹²⁸ XX в. в Европе и США: Keeley, 1996, from Harris, 1975.

¹²⁹ Цифры «гибели в бою» с 1900 по 1945 г. включительно взяты из трех баз данных проекта «Корреляты войн» (Interstate, Extrastate и Intrastate), учитывалась большая цифра из колонок «потери государства» и «общие потери» (Sarkees, 2000; <http://www.correlatesofwar.org>), вместе со средним геометрическим от «гибель в бою, минимум» и «гибель в бою, максимум» с 1946 до 2000 г. включительно из PRIO Battle Deaths Dataset Gleditsch, Wallensteen, Eriksson, Sollenberg, & Strand, 2002; Lacina & Gleditsch, 2005; <http://www.prio.no/Data/>.

¹³⁰ Гибель в бою в XX в.: цифра в 6 млрд смертей основан на оценке, согласно которой на протяжении XX в. на Земле жили 12 млрд человек (Mueller, 2004b, p. 193) и около 5,75 млрд были живы к концу столетия.

¹³¹ 180 млн насильственных смертей: White, in press; 3 % получается, если взять 6,25 млрд как общее количество смертей, см. прим. 55.

¹³² Жертвы в Ираке и Афганистане: Iraq Coalition Casualty Count, www.icasualties.org.

0,08 % (восьми сотых процента). В других странах Запада эта цифра еще ниже. А во всем мире в 2005 г., по сообщениям Human Security Report Project, политическое насилие было непосредственной причиной 17 400 смертей (война, терроризм, геноцид, действия боевиков и военизированных группировок), что составляет 0,003 % (три тысячных процента)¹³³. Это по самым скромным оценкам, включая только поддающиеся учету смерти, но, даже если мы умножим это число на 20, чтобы принять во внимание неучтенные гибели в бою и косвенные потери от голода и болезней, цифры все равно не достигнут даже 1 %.

Итак, управляемые государства от догосударственных групп и племен отделяет гигантский провал на графике. Но мы сравнивали разрозненную коллекцию данных археологических раскопок, этнографических расчетов и современных оценок, причем некоторые из них подсчитаны, что называется, на коленке. Есть ли способ непосредственно сопоставить два информационных массива, один – с данными об охотниках-собираателях, другой – об оседлых цивилизациях, сравнивая людей, эпохи, методы с максимальной точностью? Экономисты Ричард Стекель и Джон Уоллис недавно изучили данные по 900 скелетам коренных американцев, найденным на пространстве от Южной Канады до Южной Америки, – все они умерли до прибытия Колумба¹³⁴. Стекель и Уоллис рассортировали их на охотников-собираателей и на жителей древних городов, последние принадлежали к цивилизациям Анд и Центральной Америки – инкам, ацтекам и майя. Доля останков охотников-собираателей с признаками смертельных травм составляла 13,4 %, что близко к среднему по группе охотников-собираателей на рис. 2–2. Доля горожан с такими повреждениями равна 2,7 %, что ближе к среднему значению для государств прошлых веков. Итак, принимая прочие факторы за константу, мы видим, что жизнь в цивилизованном обществе в пять раз снижает шанс пасть жертвой насилия.

Давайте попробуем оценить количество насилия другим способом, вычислив уровень убийств относительно доли живых, а не погибших людей. Эту статистику сложнее посчитать по захоронениям, зато легче по большинству других источников, потому что нам нужно только количество погибших и численность населения, а не перечень смертей из прочих источников. Количество насильственных смертей на 100 000 человек населения в год – стандартная оценка количества убийств, и в тексте книги я буду использовать ее как мерилу насилия. Чтобы прочувствовать значение этих цифр, помните, что в самой безопасной точке человеческой истории – в Западной Европе на рубеже XXI в. – число бытовых убийств составляет 1 на 100 000 человек в год¹³⁵. Даже в самых миролюбивых обществах всегда найдутся молодые люди, ввязывающиеся в пьяные разборки, или старушки, подсыпавшие мышьяк супругу в чай, так что это практически минимальный уровень, до которого может опуститься процент убийств. Среди современных стран Запада Соединенные Штаты находятся в опасной части списка по уровню убийств. В худшие 1970–1980-е гг. уровень убийств доходил до 10 на 100 000 человек, а в наиболее криминальных городах вроде Детройта поднимался до 45 на 100 000 человек в год¹³⁶. Если вы живете в обществе с подобным уровнем убийств, вы будете замечать опасность и в обыденной жизни, а при уровне 100 убийств на 100 000 человек насилие коснется вас лично: предположим, у вас есть 100 родственников, друзей и близких знакомых, тогда в течение десяти лет один из них, вероятно, будет убит. Если рейтинг повысится до 1000 на 100 000 человек (1 %), вы будете терять одного знакомого в год и сами имеете хороший шанс погибнуть от руки убийцы.

¹³³ Смертность в войнах: Human Security Report Project, 2008, p. 29. Число смертей по всему миру оценивается в 56,5 млн чел. по данным ВОЗ. Множитель 20 основан на оценке ВОЗ (310 000 смертей, связанных с войной, в 2000 г.), самые свежие данные, доступные в World Report on Violence and Health. См. Krug, Dahlberg, Mercy, Zwi, & Lozano, 2002, p. 10.

¹³⁴ Насильственные смерти в догосударственных обществах в сравнении с централизованными государствами: Steckel & Wallis, 2009.

¹³⁵ Уровень бытовых убийств в современной Европе: Eisner, 2001.

¹³⁶ Уровень бытовых убийств в США в 1970-е и 1980-е гг.: Daly & Wilson, 1988.

Рис. 2–3 показывает ежегодный уровень смертности в 27 догосударственных обществах (в том числе охотников-собирателей и охотников-земледельцев) и в девяти обществах под властью государства. Среднегодовой уровень смертности в войнах в догосударственных обществах составляет 524 на 100 000, или примерно полпроцента. В государстве ацтеков в Центральной Мексике – а эта империя воевала довольно часто – уровень был в два раза ниже¹³⁷. Еще ниже в таблице располагаются данные по четырем государствам в столетия, ознаменовавшиеся наиболее разрушительными для них войнами. Франция XIX в. участвовала в революционных и Наполеоновских войнах, воевала с Россией и теряла в среднем 70 на 100 000 человек в год. XX в. был омрачен двумя мировыми войнами, повлекшими огромные потери для Германии, Японии и СССР/России, которая в том же веке пострадала от Гражданской и других войн. Ежегодная смертность в этих странах в XX в. равна 144, 27 и 135 на 100 000 человек в год соответственно¹³⁸. Соединенные Штаты в XX в. приобрели репутацию воинственной державы: страна сражалась в двух мировых войнах, а также на Филиппинах, в Корее, Вьетнаме и Ираке. Но ежегодные потери американцев были даже меньше, чем у других крупных государств в этом веке, примерно 3,7 на 100 000 человек¹³⁹. Даже если мы суммируем все смерти от организованного насилия по всему миру за весь век – войны, геноцид, чистки и искусственно созданный голод, мы получим уровень в 60 на 100 000 человек в год¹⁴⁰. Полоски, представляющие США и весь мир в 2005 г., такие тонкие, что почти незаметны на графике¹⁴¹.

Так что и по этому критерию государства творят гораздо меньше насилия, чем племена и традиционные общества. Современные страны Запада даже в те века, когда они переживали войны, несли в четыре раза меньше людских потерь по сравнению со средним уровнем в догосударственных обществах и в 10 раз меньше по сравнению с наиболее жестокими из них.

~

Пусть война и обычное дело для групп собирателей, но все же не повсеместное. Она и не должна быть таковой, если жестокие наклонности человека – стратегический ответ на внешние обстоятельства, а не автоматическая реакция на внутренние побуждения. По данным двух этнографических обзоров, от 65 до 70 % племен охотников-собирателей воюют как минимум каждые два года, у 90 % на долю каждого поколения выпадает как минимум однажды участвовать в военных действиях, и практически все остальные рассказывают о войнах, сохранившихся в культурной памяти¹⁴². Значит, охотники-собиратели воюют часто, но способны избегать войн на протяжении длительных периодов времени. На рис. 2–3 упоминаются две народности, для которых характерен низкий уровень смертей в войнах: жители Андаманских островов и племя семаи. Но и им есть о чем порассказать.

Документально подтвержденный ежегодный уровень смертности среди жителей Андаманских островов в Индийском океане составляет 20 на 100 000 человек, что гораздо ниже, чем в среднем по догосударственным обществам (более 500 на 100 000). Тем не менее они

¹³⁷ Ацтеки: Keeley, 1996, table 6. 1, p. 195.

¹³⁸ Смертность во Франции, России, Германии и Японии: Keeley, 1996, table 6. 1, p. 195; цифры за отсутствующие годы XX в. выведены пропорционально.

¹³⁹ Смерти американцев в войнах: Leland & Oboroceanu, 2010, “Total Deaths” column. Цифры взяты из результатов переписи населения США, http://www.census.gov/compendia/statab/hist_stats.html.

¹⁴⁰ Все насильственные смерти в XX в.: цифры основаны на оценке Уайта – 180 млн при среднегодовом населении Земли в XX в., оцениваемом в 3 млрд человек.

¹⁴¹ Гибель в бою в 2005 г.: United States: www.icasualties.org. World: UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset, Human Security Report Project, 2010; см. Human Security Centre, 2005, частично основано на данных Gleditsch et al., 2002 и Lacina & Gleditsch, 2005.

¹⁴² Частота войн среди охотников-собирателей: Divale, 1972; Ember, 1978; Keeley, 1996. См. также Chagnon, 1988; Gat, 2006; Knauff, 1987; Otterbein, 2004. Van der Dennen, 2005.

известны как одна из наиболее свирепых групп охотников-собирателей, живущих на земле. После землетрясения и цунами 2004 г. в Индийском океане обеспокоенные наблюдатели полетели на острова на вертолетах и с облегчением увидели, что их там встретили градом стрел и копий – верный знак, что андаманцев не смыло гигантской волной. Два года спустя двое индийских рыбаков спьяну заснули в лодке, и их прибило к одному из островов. Рыбаков тут же прикончили, а вертолет, который послали забрать тела, обстреляли из луков¹⁴³.

Есть, конечно, и такие охотники-собиратели и охотники-земледельцы, как племя семаи – они *никогда* не были вовлечены в длительные межгрупповые убийства, которые можно назвать войной. «Антропологи мира» любили писать о них, поскольку считали, что именно такие племена типичны для эволюционной истории человека и что только более молодые и богатые сообщества земледельцев и пастухов прибегают к систематическому насилию. Эта гипотеза не касается напрямую вопросов, рассматриваемых в данной главе, ведь мы сравниваем не охотников-собирателей со всеми прочими, а людей, живущих в условиях анархии, с теми, кто живет под властью государства. И тем не менее есть основания оспорить гипотезу о безобидности охотников-собирателей. Из рис. 2–3 видно, что уровень военных потерь в их группах хоть и ниже, чем у земледельцев и племенных народов, но вполне с ними сопоставим. И как я уже упоминал, группы охотников-собирателей, которые мы наблюдаем сегодня, скорее всего, исторически нерепрезентативны. Мы обнаруживаем их в выжженных пустынях и на ледяных пустошах, где, кроме них, никто жить не хочет, и, возможно, они живут там именно потому, что научились не привлекать к себе внимания. Если кто-то действовал им на нервы, они предпочитали просто уйти в другое место. Как сказал Ван дер Деннен, «большинство современных “мирных” собирателей... удовлетворили вековечное желание остаться в покое, выбирая одиночество, обрубая все контакты с другими людьми, убегая и прячась. Или же их заставляли подчиняться, завоевывали, усмиряли силой»¹⁴⁴. Например, народность!кунг из пустыни Калахари, которых в 1960-х гг. превозносили как образец гармонии охотников-собирателей, в прошлом часто воевали с европейскими колонистами, с соседями банту и друг с другом, и на их счет числятся несколько массовых расправ¹⁴⁵.

¹⁴³ Андаманцы: «Cannibalism and prion disease may have been rampant in ancient humans», *Economist*, Dec. 19, 2007.

¹⁴⁴ Победенные беглецы: Gat, 2006; Keeley, 1996; Van der Dennen, 2005.

¹⁴⁵ Жестокое прошлое народа!кунг: Goldstein, 2001, p. 28.

РИС. 2–3. Уровень военных потерь в государствах и догосударственных обществах

Источники: догосударственные: Хева и Гойлала: Gat, 2006; прочие: Keeley, 1996. Центральная Мексика, Германия, Россия, Франция, Япония: Keeley, 1996; см. прим. 62–63. США в XX в.: Leland & Oborescu, 2010; см. прим. 64. Весь мир в XX в.: White, 2011 см. прим. 65. Весь мир в 2005 г.: Human Security Report Project, 2008; см. прим. 57–58

Низкий уровень военных потерь в некоторых малочисленных сообществах может оказаться обманчивым и по другой причине. Хотя такие группы и избегают войн, они совершают убийства, уровень которых можно сравнить с уровнем убийств в современных государствах. На рис. 2–4 я расположил эти данные на шкале, масштаб которой в 15 раз больше, чем

на рис. 2–3. Давайте начнем с нижней серой полоски в группе догосударственных обществ. Семаи – племя охотников-земледельцев, которым посвящена книга «Семаи: мирные люди Малайи» (The Semai: A Nonviolent People of Malaya). Они всячески стараются избегать применения силы, но число убийств у семаев мало потому, что самих семаев немного. Антрополог Брюс Науф, сделав расчеты, обнаружил, что уровень убийств в племени равен 30 случаям на 100 000 человек в год, что ставит семаев в один ряд с самыми опасными американскими городами в самые лихие годы, и в три раза выше уровня по США в целом в самые бурные десятилетия¹⁴⁶. Аналогичным образом «сдулась» мирная репутация народа!кунг, исследуемого в книге «Безобидные люди» (The Harmless People), и инуитов (эскимосов) Центральной Арктики, которым посвящена книга «Никогда в гневе» (Never in Anger)¹⁴⁷. Процент убийств у этих безобидных, не жестоких и не гневливых людей гораздо выше, чем у американцев и европейцев, а когда правительство Ботсваны взяло под контроль территории проживания!кунг, смертность в результате убийств снизилась на треть, как и предсказывает теория Левиафана¹⁴⁸.

Спад уровня убийств под властью государства настолько очевиден, что антропологи редко чувствуют необходимость подтверждать его цифрами. Различные периоды мира и стабильности, *paces*, о которых читаешь в исторических книгах, – Римский, Исламский, Монгольский, Испанский, Оттоманский, Китайский, Британский, Австралийский (в Новой Гвинее), Канадский (на северо-западе Тихоокеанского побережья), Преторианский (в Южной Африке) – характеризуются снижением количества набегов, конфликтов и войн на территориях, взятых под контроль эффективным правительством¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Насилие у семаев: Knauff, 1987.

¹⁴⁷ !Кунг и инуиты: Gat, 2006; Lee, 1982.

¹⁴⁸ Уровень убийств в США: Fox & Zawitz, 2007 и Zahn & McCall, 1999; Ботсванский мир: Gat, 2006.

¹⁴⁹ Канадский мир: Chirot & McCauley, 2006, p. 114.

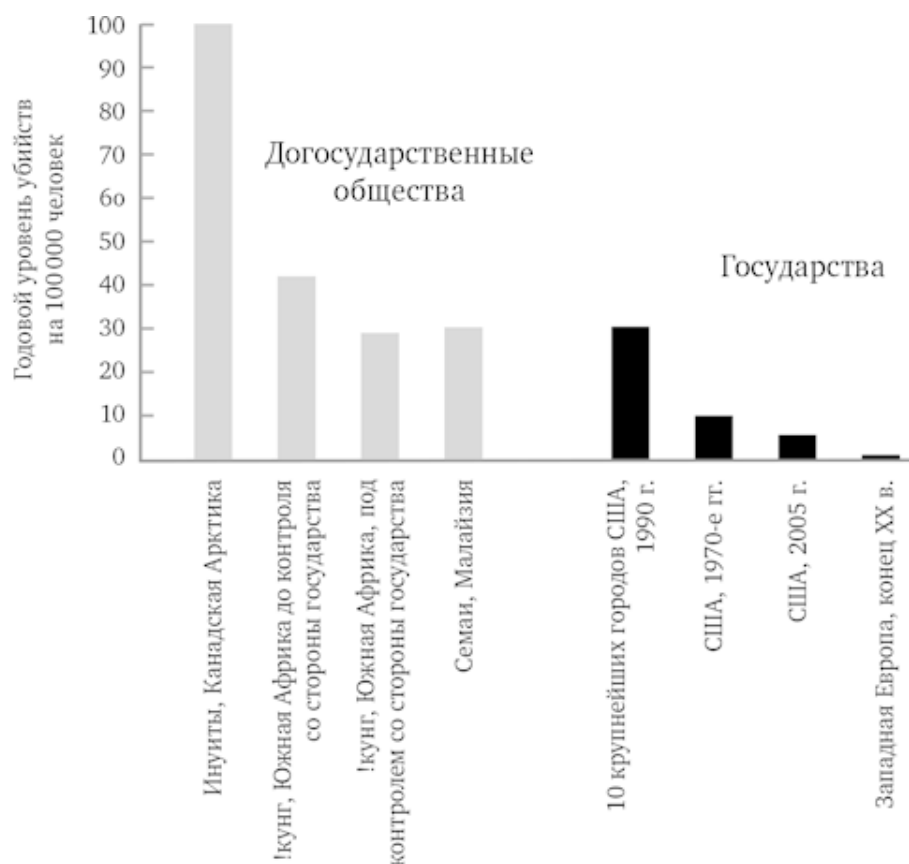

РИС. 2–4. Уровень убийств в наименее жестоких догосударственных обществах в сравнении с государствами

Источники: !кунг и инуиты Центральной Арктики: Gat, 2006; Lee, 1982. Семаи: Knauff, 1987. 10 крупнейших городов США: Zimring, 2007, p. 140. США: FBI Uniform Crime Reports; см. прим. 73. Западная Европа (приблизительно): ВОЗ, см. прим. 66 к главе 3

Хотя имперские завоевания и методы правления сами по себе бывают жестокими, они действительно снижают системное насилие среди завоеванных народов. Процесс усмирения настолько всеобъемлющ, что антропологи часто расценивают его как методологическую помеху для исследований. По умолчанию считается, что народы, приведенные под юрисдикцию правительства, не будут проливать кровь с прежней частотой, потому их просто исключают из исследований насилия в аборигенных обществах. Да и сами туземцы замечают этот эффект. Как сказал человек из племени аойяна, живущий в Новой Гвинее в условиях так называемого Австралийского мира, «жизнь стала лучше, когда пришло правительство», потому что «человек теперь может есть, не оглядываясь через плечо, и выйти утром облегчиться, не опасаясь, что его застрелят»¹⁵⁰.

Антропологи Карен Эриксен и Хизер Хортон дали количественную оценку закономерности, согласно которой наличие правительства может заставить общество отказаться от убийств, совершаемых из мести. Они сделали обзор 192 стандартных исследований и обнаружили, что в группах собирателей, не приведенных к миру колониальным или национальным правительством, люди мстят друг другу лично, а в племенных обществах прибегают к семейной кровной мести, особенно если им свойственна преувеличенная культура мужской чести¹⁵¹. В обществах,

¹⁵⁰ «Жизнь стала лучше, с тех пор как пришло правительство»: цит. в Thayer, 2004, p. 140.

¹⁵¹ Возмездие, кровная месть и судебные приговоры: Ericksen & Horton, 1992.

подчиненных контролю централизованного правительства, и тех, где есть материальная база и схемы наследования, повышающие заинтересованность людей в социальной стабильности, возмездие осуществляется по решению суда или трибунала.

Есть грустная ирония в том, что, когда во второй половине XX в. колонии развивающегося мира освободились от европейского правления, многие из них снова начали интенсивно воевать, причем последствия усугублялись наличием современного оружия, организованных военных формирований и групп молодежи, не желающей подчиняться старейшинам племен¹⁵². Как мы увидим в следующей главе, эти перемены направлены в сторону, противоположную общеисторическому спаду насилия, но и они иллюстрируют роль Левиафана как движущей силы этого спада.

¹⁵² Рост насилия с деколонизацией: Wiessner, 2006.

Цивилизация и ее недостатки

Так что же, Гоббс все понял правильно? Отчасти да. Природе человека свойственны три основных причины для конфликта: нажива (хищнические нападения), безопасность (упреждающие нападения) и честь (нападение с целью отомстить). И цифры подтверждают, что в целом, «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной», испытывая «вечный страх и постоянную опасность насильственной смерти»¹⁵³.

Но из своего кресла в Англии XVII в. Гоббс не мог увидеть картину целиком. Люди в догосударственных обществах тесно взаимодействуют с родственниками и союзниками, так что жизнь их не одинока, да и «жестока, беспросветна и тупа» она не всегда. Даже если они воюют каждые несколько лет, им хватает времени для собирательства, пиров, песен, рассказывания историй, воспитания детей, заботы о больных и для прочих обязанностей и удовольствий жизни. В черновом варианте моей предыдущей книги я мимоходом охарактеризовал яномамо как «свирепый народ», ссылаясь на название известной книги антрополога Наполеона Шаньона. Коллега-антрополог, читавший рукопись, написал на полях: «И дети свирепы? И старые женщины? И едят они тоже свирепо?»

Их жизнь нельзя однозначно назвать «бедной». Конечно, в догосударственных обществах нет «удобных зданий и средств передвижения, там ничего не знают о том, как выглядит наша планета, об исчислении времени, о ремеслах и литературе», потому что все это сложно изобрести, если воины из соседней деревни постоянно будят вас ядовитыми стрелами, крадут ваших женщин и сжигают хижины. Но и первые люди, отказавшиеся от охоты и собирательства ради оседлой жизни и сельского хозяйства, выбрали сомнительную сделку. Проводить дни за плугом, питаясь крахмалистыми зерновыми, и жить бок о бок со скотом и тысячами других людей опасно для здоровья. Изучение Стекелем и его коллегами скелетов показывает, что по сравнению с охотниками-собирателями обитатели первых городов были анемичными, болезненными, с больными зубами и к тому же на шесть с лишним сантиметров ниже¹⁵⁴. Некоторые исследователи Библии считают, что история о потерянном рае – это культурная память о переходе от собирательства к сельскому хозяйству: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой»¹⁵⁵.

Почему же наши предки-собиратели покинули рай? Для многих просто не было выбора: число их увеличилось, и они попали в мальтузианскую ловушку – дикорастущие плоды земли больше не могли накормить людей, им пришлось самим выращивать себе пищу. Государства возникли позже, и собиратели, жившие у их границ, могли либо стать их частью, либо придерживаться прежнего образа жизни. Для тех, у кого был выбор, Эдем мог быть слишком опасным. Несколько больных зубов, абсцесс время от времени и шесть сантиметров роста были небольшой ценой за повышение в пять раз шансов избежать смерти от копья¹⁵⁶.

Повышенная вероятность естественной смерти потребовала и другой оплаты: как писал римский историк Тацит, «раньше мы страдали от преступлений; теперь мы страдаем от законов». Библейские истории, которые мы перечитывали в главе 1, рассказывают, что первые короли держали подчиненных в страхе с помощью тоталитарных идеологий и жестоких наказаний. Только подумайте о могущественном божестве, следящем за каждым шагом человека, об обыденной жизни, регулируемой произвольными законами, о побивании камнями за бого-

¹⁵³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – Прим. науч. ред.

¹⁵⁴ Опасность цивилизации для здоровья: Steckel & Wallis, 2009; Diamond, 1997.

¹⁵⁵ Изгнание из рая и первые цивилизации: Kugel, 2007.

¹⁵⁶ Сделка «охота или земледелие»: Gat, 2006; North et al., 2009; Steckel & Wallis, 2009.

хульство и неверность, о праве царей забирать женщин в свой гарем или разрубать младенцев пополам, о распятии воров и вероучителей. В этих подробностях Библия не грешит против истины. Социологи, изучающие возникновение государств, заметили, что на заре становления все они были стратифицированными теократиями, в которых элиты охраняли свои экономические привилегии, жестоко принуждая подданных к миру¹⁵⁷.

Трое ученых проанализировали большую выборку культур, чтобы количественно оценить корреляцию между политической сложностью ранних обществ и их опорой на абсолютизм и жестокость¹⁵⁸. Археолог Кит Оттербейн показал, что в обществах, которым свойственна большая централизация власти, женщин во время войн чаще убивают (а не умыкают), чаще держат рабов и совершают человеческие жертвоприношения. Социолог Стивен Спитцер показал, что сложные общества чаще склонны криминализировать действия, не приводящие к жертвам, вроде религиозного отступничества, сексуальных отклонений, супружеской неверности или колдовства, и наказывать нарушителей пытками, увечьем, обращением в рабство и казнями. Историк и антрополог Лора Бетциг показала, что сложные общества чаще подпадают под управление деспотов, которые гарантированно побеждают в любом споре, имеют право безнаказанно убивать и собирать огромные гаремы. Она обнаружила, что такой деспотизм возникал у вавилонян, израильтян, римлян, самоанцев, фиджийцев, кхмеров, ацтеков, инков, натчез, а также у ашанти и других народов Африки.

Что касается насилия, первые левиафаны решили одну проблему, но создали другую. Теперь люди реже становились жертвами убийств или войн, но зато стонали под пятой тиранов, жрецов и клептократов. В этом темная сторона «усмирения»: не только установление мира, но и полный контроль насильственной власти. Этой второй проблеме пришлось ждать своего решения еще несколько тысячелетий, а во многих частях мира она не решена до сих пор.

¹⁵⁷ Первые государства: Steckel & Wallis, 2009.

¹⁵⁸ Жестокость и деспотизм в ранних государствах: Betzig, 1986; Otterbein, 2004; Spitzer, 1975.

Глава 3

Цивилизационный процесс

В целом наша цивилизация основана на подавлении инстинктов.
ЗИГМУНД ФРЕЙД

С тех пор как я научился пользоваться приборами, я мучился с соблюдением одного из правил застольного этикета: нельзя набирать пищу на вилку, помогая себе ножом. Я, конечно, могу подцепить достаточно крупные куски – те, что не разваливаются, когда вонзаешь в них зубцы. Но мощности моего мозжечка не хватает, чтобы справиться с мелкими кубиками или скользкими шариками, которые скачут по тарелке, стоит только их коснуться. И я гоняю еду по кругу в отчаянных попытках найти удобный край или уклон и подцепить упрямую горошину, надеясь, что ее скорость не разовьется до второй космической и она не выскочит на скатерть. Порой я старался улучшить момент, когда мой сосед по столу отвлечется, и потихоньку помогал себе ножом в надежде, что меня не поймают на этой оплошности. Все что угодно, лишь бы избежать славы неотесанного невежи, который использует нож не только для того, чтобы резать. «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю», – говорил Архимед. Но если бы он соблюдал правила столового этикета, то не смог бы сдвинуть и горошину с помощью ножа!

Помню, в детстве я пытался понять причину этого бессмысленного запрета. Что такого ужасного случится, спрашивал я, если использовать столовые приборы эффективно и при этом гигиенично? Это же не картофельное пюре руками есть! Но, как и все дети, я проигрывал спор, слыша: «Потому что я так сказала», и десятилетиями ворчал про себя, возмущаясь бессмысленностью принятых правил. Но однажды, когда я собирал материал для этой книги, шоры упали с моих глаз, туман рассеялся и я навсегда перестал возмущаться правилом «без ножа». Этим прозрением я обязан величайшему мыслителю из тех, о которых вы никогда не слышали, – Норберту Элиасу (1897–1990).

Элиас родился в Германии, в Бреслау (сейчас Вроцлав, Польша), и изучал социологию и историю науки¹⁵⁹. Он бежал из Германии в 1933 г., потому что был евреем, попал в британский лагерь для интернированных лиц в 1940-м, потому что был немцем, и потерял обоих родителей в Холокосте. В довершение этих трагедий нацизм устроил ему еще одну: его главный труд, «О процессе цивилизации» (*Über den Prozeß der Zivilisation*), был опубликован в Германии в 1939 г. – в то время, когда сама эта идея казалась плохой шуткой. Элиас скитался по университетам, преподавал в вечерней школе, переучился на психотерапевта и, наконец, нашел место в Лестерском университете в Англии. О нем заговорили лишь в 1969-м, когда книга «О процессе цивилизации» была издана в английском переводе, а признание в научных кругах пришло к Элиасу в последнее десятилетие жизни, когда получил известность один удивительный факт. Это открытие касалось не застольного этикета, а истории убийств.

¹⁵⁹ Norbert Elias: Fletcher, 1997.

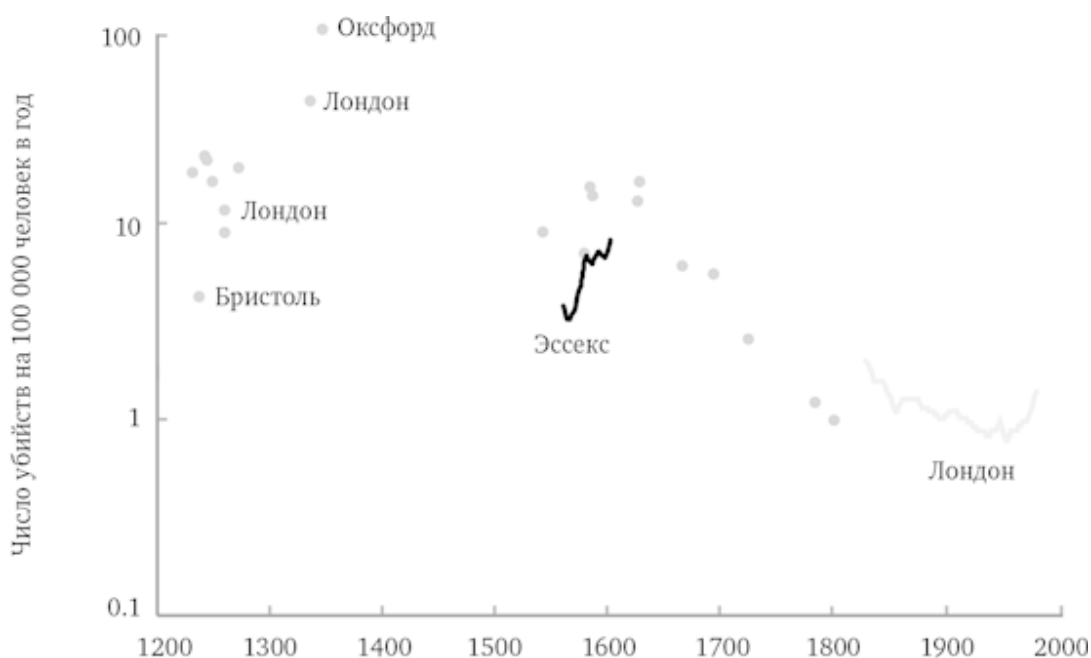

РИС. 3–1. Уровень убийств в Англии, 1200–2000 гг.: по оценке Гарра (1981)

Источник: Gurr, 1981, pp. 303–304, 313

В 1981 г. политолог Тед Роберт Гарр, изучив материалы судебных архивов, вычислил показатели уровня убийств в 30 разных временных точках британской истории, сравнил их с современными данными по Лондону и представил все на графике¹⁶⁰. Я воспроизвожу этот график на рис. 3–1, используя логарифмическую шкалу, в которой для единиц, десятков, сотен и тысяч отводятся вертикальные отрезки равной длины. Показатели подсчитаны так же, как в главе 2, то есть по числу убийств на 100 000 человек в год. Без логарифмической шкалы здесь не обойтись, поскольку уровень убийств снизился весьма резко. На рисунке видно, что с XIII по XX в. число убийств в различных районах Англии уменьшилось в 10, 50, а иногда и в 100 раз, например с 110 на 100 000 человек в Оксфорде XIV в. до менее чем одного случая на то же количество жителей в Лондоне середины XX в.

График поразил всех, кто его видел (и меня тоже – как я упоминал в предисловии, именно из этого зерна выросла книга, которую вы читаете). Это открытие разрушало все стереотипы об идиллическом прошлом и порочной современности. Когда я изучал восприятие насилия с помощью интернет-опросника, выяснилось, что люди думают, что в Англии XX в. насилия было на 14 % больше, чем в Англии XIV в., хотя на самом деле его стало на 95 % меньше¹⁶¹.

Эта глава посвящена сокращению числа убийств в Европе со Средних веков до наших дней, а также примерам и контрпримерам из других мест и времен. Я позаимствовал название главы у Элиаса, потому что он – единственный из крупных социальных мыслителей, кто выдвинул теорию, способную объяснить этот феномен.

¹⁶⁰ График убийств в Англии: Gurr, 1981.

¹⁶¹ Опрос о восприятии насилия: см. прим. 1 к главе 1.

Сокращение числа убийств в Европе

Прежде чем мы попытаемся объяснить это удивительное достижение, давайте убедимся в его реальности. После публикации графика Гарра историки-криминологи копнули историю убийств глубже¹⁶². Основываясь на архивах местных органов управления, судебных записях и материалах коронерских расследований, криминолог Мануэль Эйсер собрал обширную базу данных по убийствам в Англии за несколько столетий¹⁶³. Каждая точка на рис. 3–2 – это показатель по какому-либо городу или судебному округу, размещенный на логарифмической шкале. К началу XIX в. британское правительство вело ежегодную статистику убийств в стране – эти данные отображены на графике серой линией. Историк Дж. С. Кокберн скомпилировал непрерывные данные по Кенту за период с 1560 по 1985 г. – Эйсер нанес их поверх собственных данных в виде линии черного цвета¹⁶⁴.

И снова мы наблюдаем снижение годового показателя убийств, и не маленькое: с 4–100 на 100 000 в Средние века до 0,8 на то же количество людей в 1950-х. При этом высокий уровень насильственных смертей в Средневековье нельзя отнести на счет социальных потрясений, последовавших за «черной смертью» – эпидемией чумы 1346–1353 гг., судя по данным предшествовавших лет.

РИС. 3–2. Уровень убийств в Англии, 1200–2000 гг.

Источник: Eisner, 2003, table 1

Эйсер серьезно раздумывал над тем, насколько мы можем доверять этим данным. Исследователи насилия выбирают в качестве критерия именно убийства, поскольку независимо от того, что в той или иной культуре считается преступлением, от мертвого тела так просто не отмахнешься: люди всегда стремятся узнать, кто или что стало причиной смерти. Поэтому отчеты об убийствах – более надежный показатель уровня насилия, чем записи о гра-

¹⁶² История убийств: Cockburn, 1991; Eisner, 2001, 2003; Johnson & Monkkonen, 1996; Monkkonen, 1997; Spierenburg, 2008.

¹⁶³ Долгосрочная динамика убийств: Eisner, 2003.

¹⁶⁴ Убийства в Кенте: Cockburn, 1991.

бежах, изнасилованиях или драках, и обычно (хоть и не всегда) эти показатели друг с другом коррелируют¹⁶⁵.

И все же имеет смысл поинтересоваться, как люди различных эпох реагировали на убийства. Были ли они склонны, как и мы, отличать умышленное убийство от случайного, наказывали виновного или просто смирялись со случившимся? Убивали ли люди предшествующих эпох так же часто, как грабили, насиловали и дрались? Удавалось ли им спасти жертв нападения, тем самым не давая им превратиться в жертв убийства?

К счастью, на эти вопросы есть ответы. Эйснер цитирует исследования, показывающие, что, когда сегодня людям описывают обстоятельства убийства столетней давности и спрашивают, было ли убийство умышленным, они обычно приходят к тому же заключению, что и современники преступления. Эйснер показал, что уровень убийств в конкретный исторический период, как правило, действительно коррелирует с уровнем других насильственных преступлений. Он заметил, что любой прогресс в криминалистике, любое расширение системы уголовного правосудия приводит к *недооценке* степени сокращения числа убийств, потому что процент пойманных и осужденных убийц возрастает. Что касается медицинской помощи, врачи до XX в. были коновалами, которые убивали столько же пациентов, сколько излечивали. Тем не менее максимальный спад числа убийств наблюдается между 1300 и 1900 гг.¹⁶⁶ В любом случае статистические шумы, приносящие социологам столько головной боли при оценке изменений в 50 % или в 25 %, не такая большая проблема, когда речь идет о разнице в 10 или 50 раз.

Но может быть, англичане, постепенно отказываясь от убийств, отличались этим от других народов Европы? Эйснер изучил доступные данные. Рис. 3–3 показывает, что разница невелика. Скандинавам потребовалась еще пара столетий, чтобы перестать убивать друг друга, а итальянцы всерьез не озаботились этим вопросом до XIX в. Но к началу XX в. годовой уровень убийств в каждой западноевропейской стране превратился в тонкую линию, болтавшуюся около отметки 1 на 100 000 человек.

¹⁶⁵ Корреляция убийств и других видов насилия: Eisner, 2003, pp. 93–94; Zimring, 2007; Marvell, 1999; Daly & Wilson, 1988.

¹⁶⁶ Коновалы: Keeley, 1996, pp. 94–97; Eisner, 2003, pp. 94–95.

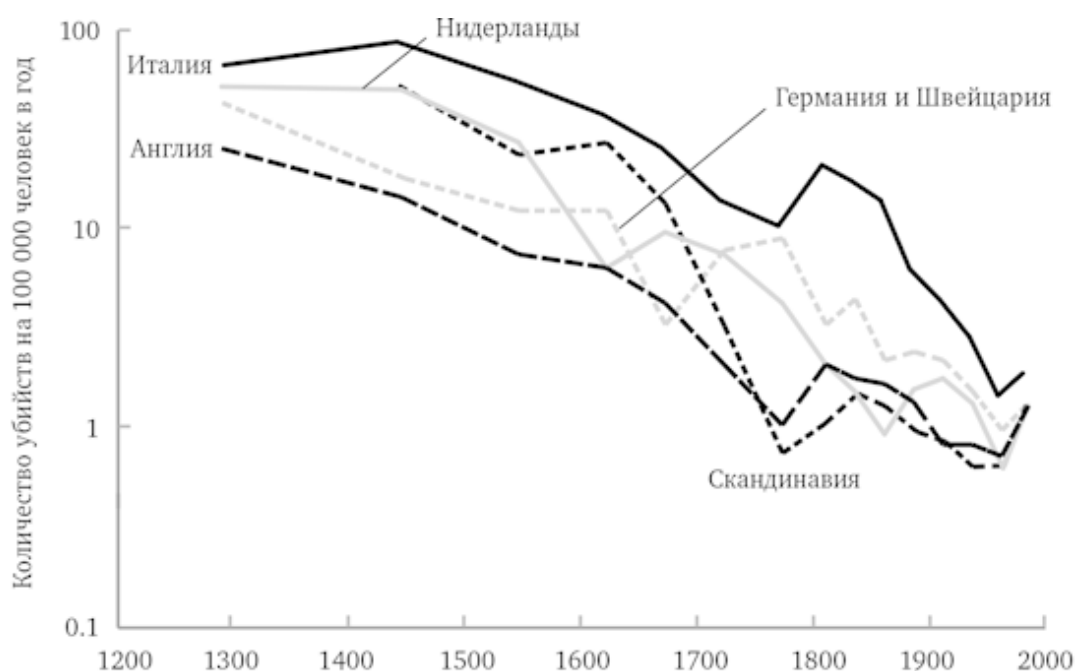

РИС. 3–3. Уровень убийств в пяти западноевропейских регионах, 1300–2000 гг.

Источник: Eisner, 2003, table 1

Чтобы объективно оценить спад насилия в Европе, давайте сравним его с уровнем догосударственных обществ, с которыми мы познакомились во 2-й главе. На рис. 3–4 мне, чтобы вместить данные, пришлось продлить вертикальный луч логарифмической шкалы до тысяч. Даже во времена позднего Средневековья нравы жителей Западной Европы были не так жестоки, как в неуспокоенных догосударственных обществах вроде инуитов, находясь ближе к частично оседлым племенам-собираателям семаев и!кунг. Начиная с XIV в. уровень убийств в Европе стабильно снижался, слегка подскочив лишь в последней трети XX столетия.

Пока Европа в целом становилась менее кровавой, некоторые характеристики убийств оставались неизменными¹⁶⁷. Мужчины несли ответственность почти за 92 % всех убийств (кроме убийств младенцев) и чаще всего убивали в возрасте от 20 до 30 лет. До 1960-х гг. города были в основном безопаснее деревень. Но некоторые паттерны изменились. Раньше убийства с одинаковой частотой случались как в высшем обществе, так и среди представителей низших классов. Когда уровень убийств упал, он гораздо сильнее снизился в высших социальных классах – к этому важному изменению мы еще вернемся¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Постоянные характеристики убийств: Eisner, 2003, 2009. Daly & Wilson, 1988.

¹⁶⁸ Спад насилия среди элит: Eisner, 2003; Cooney, 1997; Clark, 2007a, p. 122.

РИС. 3-4. Уровень убийств в Западной Европе (1300–2000 гг.) и в догосударственных обществах

Источники: Догосударственные (геометрическое среднее по 26 обществам, за исключением племен семаи, !кунг и инуитов): см. рис. 2–3. Европа: Eisner, 2003, table 1; геометрическое среднее по пяти регионам; недостающие данные интерполированы

Стоит еще отметить, что уровень убийств посторонних людей снижался гораздо быстрее, чем число убийств детей, супругов, родителей, братьев и сестер. Этот общий паттерн статистики убийств иногда называют законом Веркко: уровень насилия в конфликтах между мужчинами везде и всегда варьирует сильнее, чем уровень домашнего насилия в отношении женщин или родни¹⁶⁹. Мартин Дэйли и Марго Уилсон считают, что родственники везде и всегда действуют друг другу на нервы с одинаковой силой, поскольку в этом случае конфликты интересов имеют куда более глубокие корни из-за частичного совпадения генов. А вот агрессивность в мужской среде, напротив, подогревается борьбой за доминирование, которая чувствительна к воздействию обстоятельств. Уровень агрессивности, необходимый мужчине, чтобы отстоять свое место в неофициальной иерархии, зависит от того, как он оценивает агрессивность других мужчин: это обстоятельство запускает циклы жестокости или миролюбия, которые могут резко повышать или понижать уровень насилия. Психологию родства я буду исследовать детально в главе 7, а психологию доминирования – в главе 8.

¹⁶⁹ Закон Веркко: Daly & Wilson, 1988; Eisner, 2003; Eisner, 2008.

Причины сокращения числа убийств в Европе

Давайте обсудим последствия многовекового снижения числа насильственных смертей в Европе. Считаете ли вы, что города с их анонимностью, скученностью, иммигрантами, смешением культур и классов – питательная почва для насилия? А что вы думаете о разрушительных социальных изменениях, принесенных капитализмом и индустриальной революцией? Может, вы убеждены, что жизнь в тихом местечке, замешанная на вере, традициях и страхе Божьем, защитит от убийств и разгула насилия? Что ж, подумайте еще раз. По мере того как Европа становилась все более городской, космополитичной, торговой, промышленной, индустриальной и светской, жизнь становилась безопаснее и безопаснее. И это возвращает нас к идеям Норберта Элиаса, к единственной теории, выдержавшей проверку фактами.

Элиас вывел теорию процесса цивилизации не из количественных данных, которых в его время было недостаточно, но исследуя бытовой уклад средневековой Европы. К примеру, он изучил серию иллюстраций к немецкому манускрипту XV в., известному как «Средневековая домовая книга» (*Das Mittelalterliche Hausbuch*), – картинам обычной жизни, увиденным глазами рыцаря¹⁷⁰.

На фрагменте иллюстрации, воспроизведенном на рис. 3–5, крестьянин потрошит лошадь, а в это время свинья обнюхивает его обнажившиеся ягодицы. Рядом, в пещере, сидит пара, закованная в колодки. Чуть выше человека ведут на виселицу, на которой уже болтается один труп, а рядом вороны терзают тело жертвы колесования. Колесо и виселица – не центральный элемент рисунка, это просто часть ландшафта, такая же, как деревья или холмы.

¹⁷⁰ «Средневековая домовая книга»: Elias, 1939/2000, p. 513–16; p. 172–82; Graf zu Waldburg Wolfegg, 1988.

РИС. 3–5. Фрагмент иллюстрации «Сатурн» (*Mittelalterliches Hausbuch*, 1475–1480)

Источник: Elias, 1939/2000, appendix. 2; см. Graf zu Waldburg Wolfegg, 1988

Рис. 3–6 – это фрагмент другой иллюстрации, изображающей нападение рыцарей на деревню. В нижнем левом углу солдат вонзает нож в крестьянина; выше – другой солдат схватил селянина за подол рубахи; рядом, воздев руки, кричит женщина. Внизу справа – сцена убийства и грабежа в часовне, рядом рыцарь дубасит связанного мужчину. Вверху всадники поджигают ферму, а один из них угоняет скот и замахивается на жену крестьянина.

РИС. 3–6. Фрагмент иллюстрации «Марс» (*Mittelalterliches Hausbuch*, 1475–1480)

Источник: Elias, 1939/2000, appendix 2; см. Graf zu Waldburg Wolfegg, 1988

Сегодня мы назвали бы рыцарей феодальной Европы полевыми командирами. Государственный аппарат был слаб, король считался всего лишь первым среди равных, постоянной армии не имел и страну практически не контролировал. Управление было отдано на откуп баронам, рыцарям и другим аристократам, владельцам феодальных вотчин. Они взыскивали оброк с крестьян, живших на их территории, и набирали из них свое войско. Рыцари разоряли соседские владения, следуя гоббсовской логике захватнических набегов, упреждающих атак и мести, и, как демонстрируют иллюстрации к «Средневековой домово́й книге», убивали не только друг друга. Историк Барбара Такман в книге «Загадка XIV века» (*A Distant Mirror: The Calamitous 14th Century*) рассказывает, как они добывали средства к существованию:

Подобные локальные войны велись рыцарями с неистовым жаром и имели целью уничтожить врага или, как минимум, истребить как можно больше его крестьян и уничтожить поля, виноградники и

сельскохозяйственные постройки с тем, чтобы уменьшить его доходы. В результате главной жертвой подобных войн становились крестьяне¹⁷¹.

Как я уже писал в главе 1, чтобы сдерживание было убедительным, рыцари участвовали в кровавых турнирах и прочих демонстрациях мужской доблести, прикрываясь словами «честь», «отвага», «рыцарство», «слава» и «галантность», что заставило потомков позабыть, какими кровожадными мародерами они были.

Междоусобные войны и турниры – привычный фон жизни в Средние века, жизни, жестокой и в других отношениях. Религиозные ценности насаждались при помощи символов кровавого распятия, страха вечных мук и сладострастных описаний страданий святых. Ремесленники совершенствовали свое умение, создавая садистские механизмы для казней и экзекуций. Разбойничьи шайки угрожали жизни и здоровью путешественников, а похищения ради выкупа были выгодным бизнесом. Как заметил Элиас, «простые люди – шляпники, портные и пастухи – тоже, не раздумывая, пускали в ход ножи»¹⁷². Даже священнослужители от них не отставали. Историк Барбара Ханауолт цитирует запись, сделанную в XIV в. в Англии:

Случилось в Ильвертофте в субботу, накануне Дня святого Мартина, в пятый год правления короля Эдуарда, что некто Уильям из Веллингтона, священник из Ильвертофта, послал своего причетника Джона в дом Джона Кобблера взять свечей на один пенни. Но Джон отказался отпускать товар в долг, и Уильям разъярился, выбил дверь и так треснул Джона в лоб, что мозги у того вылетели и он умер тотчас¹⁷³.

Насилие пронизывало и развлечения. Барбара Такман описывает два популярных в те дни вида спорта: «Игроки со связанными за спиной руками пытались убить кота, привязанного к столбу, нанося ему удары головой, подставляя когтям отчаявшегося животного лицо и глаза... Или же мужчины с дубинками гоняли свинью в закрытом загоне и под смех зевак перепасовывали визжащее животное друг другу, пока не забивали его до смерти»¹⁷⁴.

За десятилетия научной карьеры я прочел тысячи работ на самые разные темы, от грамматики неправильных глаголов до физики множественных вселенных. Но самой странной прочитанной мной журнальной статьей была «Потерять лицо, сохранить лицо: носы и честь в городах позднего Средневековья»¹⁷⁵. В ней историк Валентин Грёбнер приводит десятки записей о том, как людям в средневековой Европе отрезали носы. Иногда таким образом власти карали ересь, измену, проституцию или содомию, но гораздо чаще это была личная месть. В 1520 г. в Нюрнберге Ганс Ригель завел интрижку с женой Ганса фон Эйба. Ревнивец фон Эйб отрезал нос ни в чем не повинной жене Ригеля – невероятная несправедливость, усугубленная тем, что Ригелю присудили четыре недели тюрьмы за прелюбодеяние, в то время как фон Эйб остался безнаказанным. Подобные увечья были настолько обычным делом, что, как пишет Грёбнер,

авторы пособий по хирургии времен позднего Средневековья уделяли особое внимание повреждениям носа, обсуждая, может ли отрезанный нос вновь отрасти, – противоречивый вопрос, на который французский королевский лекарь Анри де Мондевиль в своей знаменитой книге «Хирургия» ответил категорическим «нет». Другие медицинские авторитеты XV в. были более оптимистичны: фармакопея Хенриха фон Пфорспундта в

¹⁷¹ Дикая азарт благородного уничтожения: Tuchman, 1978, p. 8.

¹⁷² Бытовое насилие в средневековой Европе: Elias, 1939/2000, p. 168.

¹⁷³ «Мозги у него вылетели»: Hanawalt, 1976, pp. 311–12, цит. в Monkkonen, 2001, p. 154.

¹⁷⁴ Жестокие средневековые развлечения: Tuchman, 1978, p. 135.

¹⁷⁵ Отрезание носов: Groebner, 1995.

1460 г. обещала, кроме всего прочего, рецепт «нового носа» для тех, кто лишился собственного¹⁷⁶.

Этот обычай отразился в странной английской идиоме «to cut off your nose to spite your face» (буквально: «отрезать себе нос, чтобы досадить лицу»). В те времена отрезание носа было типичным актом мести.

Как и другие исследователи Средневековья, Элиас был потрясен описаниями поведения людей того времени – в наших глазах они выглядят необузданными и импульсивными, почти как дети:

Не то чтобы люди вечно слонялись с угрожающим видом, нахмуренными бровями и воинственной миной на лице... Напротив, еще мгновение назад они шутили, но сейчас – слово за слово – подначивают друг друга и внезапно от смеха переходят к яростной ссоре. Многие из того, что кажется нам непонятым и противоречивым: сила их набожности, дикая боязнь ада, их чувство вины, их раскаяние, вспышки радости и веселья, внезапные припадки ненависти, неконтролируемая агрессивность – все это, как и быстрая смена настроения, на самом деле черты одной и той же структуры эмоциональной жизни. Порывам и эмоциям они давали больше воли, они были более свободными, прямыми, открытыми, чем в последующие времена. Это только нам, чьи чувства и их проявления приглушены, умерены и просчитаны, нам, в ком социальные табу глубоко вплетены в саму ткань психики с целью самоограничения и экономии энергии, открытая сила их набожности, агрессивности и жестокости кажется противоречивой¹⁷⁷.

Такман тоже пишет о «детскости, заметной в средневековом поведении, и явной неспособности сдерживать какие бы то ни было импульсы»¹⁷⁸. Дороти Сэйерс в предисловии к своему переводу «Песни о Роланде» добавляет: «Идея, что сильный мужчина должен реагировать на личные драмы и общенациональные потрясения, едва заметно сжав губы и молча швырнув сигарету в камин, появилась совсем недавно»¹⁷⁹.

И хотя детскость людей Средневековья, возможно, преувеличена, нормы эмоциональной экспрессивности действительно меняются со временем. Элиас посвятил значительную часть книги «О процессе цивилизации» описанию этого перехода, опираясь на необычный источник: руководства по этикету. Сегодня мы думаем о книгах, подобных «Ежедневному этикету» Эми Вандербильд (*Amy Vanderbilt's Everyday Etiquette*) или «Руководству к безупречно правильному поведению» мисс Мэннерс (*Miss Manners' Guide to Excruciatingly Correct Behavior*), как о собрании полезных советов, помогающих избежать неловких ситуаций в обществе. Но в прошлом они считались серьезным нравственным руководством, их составляли лучшие умы своего времени. В 1530 г. великий ученый Эразм Роттердамский, один из столпов современной философии, написал труд по этикету, названный «О приличии детских нравов» (*De civilitate morum puerilium*), и на протяжении двух столетий книга оставалась общеевропейским бестселлером. Рассказывая, как не следует вести себя, это руководство дает нам представление о том, как люди себя, по всей видимости, вели.

Честно говоря, люди Средних веков были довольно-таки скотоподобны. Многие советы в книгах по этикету касаются удаления телесных выделений:

¹⁷⁶ «Может ли отрезанный нос снова отрасти»: Groebner, 1995, p. 4.

¹⁷⁷ Несдержанность в Средневековье: Elias, 1939/2000, pp. 168–169.

¹⁷⁸ «Детскость средневекового поведения»: Tuchman, 1978, p. 52.

¹⁷⁹ «Чуть заметно сжав губы»: D. L. Sayers, introduction, *The song of Roland* (New York: Viking, 1957), p. 15, цит. в Kaemper, 2000, p. 33.

Не загрязняйте мочой и другими выделениями лестницы, коридоры, чуланы и гобелены. Не облегчайтесь на глазах у дам, у дверей или окон. Не елозьте на стуле, словно пытаетесь выпустить газы. Не суйте руки в штаны, чтобы почесать интимные места. Не приветствуйте человека, пока он мочится или испражняется. Не выпускайте газы шумно. Собравшись испражняться, не разоблачайтесь и не одевайтесь в присутствии других людей. Если на постоялом дворе вы делите с кем-нибудь кровать, не ложитесь к нему вплотную и не просовывайте свои ноги меж его ног. Если вы найдете нечто отвратительное на простынях, не поворачивайтесь к своему компаньону, не обвиняйте его и не предлагайте ему понюхать: «Хотел бы я знать, сильно ли это воняет».

Далее объясняется, как следует правильно очищать нос:

Не сморкайтесь в скатерть, в ладонь, рукав или шляпу. Не предлагайте использованный платок кому-нибудь еще. Не держите носовой платок во рту. Неприлично разворачивать использованный платок и пялиться в него, как будто из вашего носа могли вывалиться жемчуга и рубины¹⁸⁰.

Затем подробно рассказывается, как правильно плевать:

Не плюйте в тазик, в котором моете руки. Не плюйте так далеко, что вам придется потом смотреть, куда поставить ногу. Отворачивайтесь, когда плюете, чтобы не попасть в кого-нибудь. Если на землю упадут гнойные выделения, их следует втоптать, чтобы не вызвать у других отвращения¹⁸¹. Если вы заметили у кого-нибудь на одежде слюну, говорить об этом невежливо.

А уж сколько советов относительно поведения за столом обнаруживал читатель в этой книге:

Не лезьте в блюдо поперед всех. Не набрасывайтесь на еду как свинья, хрюкая и чавкая. Не поворачивайте общее блюдо так, чтобы самый большой кусок мяса оказался ближе к вам. Не заглатывайте пищу так поспешно, словно вас вот-вот сволокут в тюрьму, не запикивайте в рот столько, чтобы щеки ваши раздулись, как кузнечные мехи, не чавкайте, как свиньи. Не макайте пальцы в соус на общем блюде. Не берите пищу с общего блюда ложкой, с которой вы уже ели. Не кладите обглоданную кость на общее блюдо. Не вытирайте столовые приборы скатертью. Не вытаскивайте пищу изо рта и не кладите ее на тарелку. Не предлагайте другим надкушенный кусок. Не облизывайте пальцы, не вытирайте их о хлеб или об одежду. Не наклоняйтесь, чтобы выпить суп из тарелки. Не выплевывайте кости, раковины, скорлупу или кожуру в ладонь и не бросайте их на пол. Не ковыряйтесь в носу за столом. Не пейте из тарелки, используйте ложку. Не прихлебывайте с ложки. Сидя за столом, не расстегивайте ремень. Не вытирайте тарелку пальцами. Не размешивайте пальцами соус. Не подносите мясо к носу, чтобы понюхать. Не пейте кофе с блюдца.

У современного читателя этот набор советов вызывает предсказуемую реакцию: какими же бесцеремонными, некультурными, вульгарными и недоразвитыми были люди в те времена! Это скорее подсказки родителей трехлетнему малышу, а не советы великого философа обра-

¹⁸⁰ «Жемчуга и рубины» в носовом платке: Elias, 1939/2000, p. 123.

¹⁸¹ «Гнойные выделения»: Elias, 1939/2000, p. 130.

зованным читателям. Но, как подчеркивает Элиас, привычка к утонченности, самоконтролю и предупредительности, которая для нас является второй натурой, не упала с неба. Всему этому надо было еще научиться – вот почему мы называем ее *второй* натурой, и в Европе она развивалась на протяжении всей ее современной истории.

Само количество приведенных советов рисует интересную картину. Три с лишним дюжины правил связаны друг с другом и касаются всего нескольких тем. Сегодня нас вряд ли нужно учить каждому правилу по отдельности, как будто, если чья-то мать вдруг что-нибудь упустит, ее выросший сын так и будет сморкаться в скатерть. Упомянутые правила (и множество неупомянутых) выводятся из нескольких принципов: контролируй свои желания, сдерживай позы, учитывай чувства окружающих, не веди себя как мужлан, дистанцируйся от своей животной природы. И наказание за эти нарушения предполагалось внутреннее – чувство стыда. Элиас заметил, что в книгах по этикету редко упоминаются здоровье или соображения гигиены. Сегодня мы знаем, что отвращение родилось как бессознательная защита от биологического заражения¹⁸², но представление о микробах и инфекциях появилось только в XIX столетии. Единственное логическое обоснование, указанное в книгах по этикету: не веди себя как крестьянин, как животное, не оскорбляй окружающих.

В средневековой Европе куда менее, чем сейчас, скрывалась сексуальная активность. Люди чаще обнажались публично, и пары не слишком-то старались сделать свою близость интимной. Проститутки открыто предлагали свои услуги; во многих английских городах районы красных фонарей назывались «Аллея Пощупай под юбкой». Мужчины обсуждали свои сексуальные похождения в присутствии собственных детей, а внебрачные отпрыски воспитывались вместе с законными. При переходе к современности подобная откровенность стала считаться грубой, а позже и неприемлемой.

Эти новшества оставили следы и в языке. Слова, обозначающие крестьян, обрели второе значение, указывая на низость: «мужичье», «чернь», «деревенщина», «холоп», «плебей» (как противоположность аристократу). Многие слова, связанные с физиологическими актами и субстанциями, стали табуированными: прежде англичане ругались, апеллируя к сверхъестественным сущностям: «О Боже!» или «Господи Иисусе!». В начале новой эры ругательными стали слова, связанные с сексуальной сферой или телесными выделениями, и «англосаксонские слова из четырех букв», как их называют сегодня, уже нельзя было упоминать в приличном обществе¹⁸³. Как заметил историк Джеффри Хьюз, «дни, когда одуванчик можно было называть pissabed¹⁸⁴, цаплю – shitecrow, а пустельгу – windfucker, прошли вместе с временами гордо выставленных напоказ гольфиков»¹⁸⁵. Слова «ублюдок», «задница» и «шлюха» также превратились из общеупотребительных в табуированные.

Когда новый этикет укоренился, он коснулся и инструментов насилия, особенно ножей. В Средние века люди обычно носили с собой нож и пользовались им за обеденным столом, чтобы отрезать кусок мяса от жареной туши, подцепить его и поднести ко рту. Но доступ к оружию в большой компании и мелькание ножа у вашего лица постепенно начали восприниматься неодобительно. Элиас цитирует несколько правил этикета, касающихся использования ножей:

Не ковыряйте ножом в зубах. Не держите нож в руке все время, но беритесь за него лишь при необходимости. Не ешьте с ножа. Не режьте хлеб, ломайте его. Если передаете нож кому-либо, подавайте рукояткой вперед. Не сжимайте нож всей ладонью, как палку, держите пальцами. Не указывайте на человека ножом.

¹⁸² Отвращение как адаптация: Curtis & Biran, 2001; Pinker, 1997; Rozin & Fallon, 1987, chap. 6.

¹⁸³ Изменения в ругательствах: Pinker, 2007b, chap. 7.

¹⁸⁴ Одуванчик использовали как мочегонное средство.

¹⁸⁵ «Одуванчик» и «пустельга»: Hughes, 1991/1998, p. 3.

Именно тогда вилка вошла в повседневный обиход, и людям больше не нужно было есть с ножа. Стол сервировали особыми ножами, чтобы не приходилось обнажать свои, и концы столовых ножей были не острыми, а закругленными. Некоторые блюда никогда не резали ножом: рыбу, круглые объекты и хлеб – вспомните выражение «преломить хлеб».

Кое-какие средневековые запреты на ножи дожили до настоящего времени. Считается, что дарить нож – плохая примета, и потому к нему прилагают монетку, которую одариваемый возвращает, чтобы свести все к продаже. Считается, что так делают, дабы не «разрезать узы дружбы», но, скорее всего, – чтобы даже символически не направлять нож на друга. Похожее предубеждение гласит, что передавать нож за столом – плохая примета: лучше положить его на скатерть и позволить соседу взять нож самостоятельно. Концы столовых ножей всегда делают закругленными, лезвия затачивают не острее, чем необходимо: ножи для стейков подаются только вместе с мясом, а к рыбе приносят тупые ножи. Использовать нож можно только при крайней необходимости, когда без него не обойтись. Плохой тон – есть пирог ножом, подносить им пищу ко рту, смешивать ингредиенты («размешивая ножом, взбалтываешь вражду»), также нельзя ножом сгребать еду на вилку.

Так вот оно что!

~

Итак, теория Элиаса приписывает спад насилия в Европе важным психологическим изменениям (подзаголовок его книги – «Социогенетические и психогенетические исследования»). Он предположил, что на протяжении нескольких столетий, с XI или XII и до XVII–XVIII вв., европейцы все сильнее подавляли свои импульсы, учились предвидеть долгосрочные последствия своих действий, принимать к сведению чувства и мысли других людей. Культура чести (готовность дать отпор) сменилась культурой достоинства – готовностью контролировать собственные эмоции. Эти нормы уходят корнями в подробные инструкции, которые культурные авторитеты давали аристократам и знати, чтобы те могли дистанцироваться от черни и простонародья. Годы шли, и эти инструкции применялись для окультуривания детей со все более раннего возраста, пока не стали для нас второй натурой. Затем нормы этикета просочились и ниже: от высших классов к подражающим им буржуа и дальше, к простонародью, со временем став частью общей культуры.

Элиас заимствовал модель структуры психики у Фрейда: дети обзаводятся сознанием (Супер-Эго»), интериоризируя запреты родителей в раннем детстве, когда они еще слишком малы, чтобы понимать их. С помощью этих запретов «Эго» ребенка держит в узде свои биологические импульсы («Оно»). Элиас не был сторонником более экзотических идей Фрейда, таких как первобытное отцеубийство, инстинкт смерти и Эдипов комплекс, и его взгляд на психологию кажется совершенно современным. В главе 9 мы изучим способность разума, которую психологи называют самоконтролем, умением отложить удовольствие и отрицательным временным предпочтением, а в народе сводящуюся к советам «посчитать до десяти», «придерживать лошадей», «прикусить язык», «копить на черный день» и «держаться член в штанах»¹⁸⁶. Мы также обсудим свойство, которое психологи именуют эмпатией, а также интуитивной психологией, принятием перспективы другого, теорией разума, – словом, то, что обычные люди называют «залезть в чужую голову», «увидеть мир чужими глазами», «стать на место другого», «почувствовать чужую боль». Элиас предвосхитил научное исследование двух этих добрых ангелов.

Критики Элиаса говорят, что в любом обществе есть свои нормы пристойного сексуального поведения и актов выделения, которые, предположительно, развиваются из врожденных

¹⁸⁶ Самоконтроль: Daly & Wilson, 2000; Pinker, 1997, chap. 6; Schelling, 1984.

эмоций, связанных с опрятностью, отвращением и стыдом¹⁸⁷. Но, как мы увидим, культурные отличия как раз и измеряются той степенью, до которой общества нагружают эти эмоции моралью. Не то чтобы средневековая Европа вообще не знала правил этикета, но, судя по всему, по сравнению с другими культурными нормами они не были приоритетными.

Элиас, к его чести, не поддавался научной моде и не стал утверждать, что европейцы на заре Нового времени «изобрели» или «сконструировали» самоконтроль. Он всего лишь предположил, что они отрегулировали умственную способность, которая всегда была частью человеческой природы, но которую люди Средневековья задействовали слабо. Он на этом настаивает, повторяя: «Точки отсчета не существует»¹⁸⁸. Как мы увидим в главе 9, способы, которыми люди усиливают или ослабляют способность контролировать себя, – интереснейшая тема для психологического исследования. Возможно, самоконтроль – это что-то вроде мышцы, и, если упражнять ее при помощи застольного этикета, она становится достаточно сильной, чтобы помочь вам вовремя остановиться и не убить того, кто вас только что оскорбил. А возможно, определенный уровень самоконтроля определяется социальной нормой, так же как определяется, насколько можно приближаться к другому человеку или какой процент поверхности тела должен быть прикрыт на публике. Есть и третья возможность: самоконтроль – это адаптация, и его можно настраивать для получения максимальных выгод в конкретной среде. В конце концов, самоконтроль – это не абсолютная добродетель, он может стать и проблемой. Если вы всегда крепко держите себя в руках, агрессор использует это к своей выгоде, понимая, что сможет безнаказанно поживиться за ваш счет, не опасаясь мести, которую вы, скорее всего, посчитаете бессмысленной, – ведь она уже ничего не исправит. Но если у него есть причины полагать, что вы дадите сдачи не задумываясь и наплевав на последствия, он, скорее всего, с самого начала отнесется к вам с большим уважением. При таких вводных людям выгоднее регулировать самоконтроль с учетом степени агрессивности окружающих.

~

В этой точке теория цивилизационного процесса неполна, поскольку ссылается на процесс, эндогенный по отношению к феномену, который она пытается объяснить. Спад агрессивного поведения, гласит теория, коррелирует со спадом импульсивности, культуры чести, сексуальной вседозволенности, дикости и грубости за обеденным столом, что только запутывает нас в сетях психологических процессов. Вряд ли можно считать объяснением утверждение, что люди стали вести себя менее агрессивно потому, что научились подавлять свои агрессивные импульсы. Идея, что уменьшение импульсивности – причина, а спад насилия – следствие, так же неудовлетворительна, как и обратное допущение.

Но Элиас предположил существование внешнего триггера, запустившего весь процесс целиком, точнее двух триггеров. Первый из них – укрепление настоящего Левиафана после сотен лет анархии и феодальной раздробленности в Европе. Централизованные монархии обрели силу, взяли под контроль воинственных рыцарей и дотянули свои щупальца до самых дальних уголков их владений. По словам военного историка Куинси Райта, в Европе в XV в. было 5000 независимых политических единиц (в основном вотчин и княжеств), во времена Тридцатилетней войны в начале XVII в. – только 500, в эпоху Наполеона в начале XIX в. – 200 и в 1953 г. – менее 30¹⁸⁹.

Объединение политических единиц было частью естественного процесса агломерации: более сильные правители захватывали земли соседей и становились еще могущественнее. По

¹⁸⁷ Универсальные правила приличия: Brown, 1991; Duerg, 1988–97, но см. также Mennell & Goudsblom, 1997.

¹⁸⁸ «Точки отсчета не существует»: Elias, 1939/2000, pp. 135, 181, 403, 421.

¹⁸⁹ Число политических единиц в Европе: Wright, 1942, p. 215; Richardson, 1960, pp. 168–69.

мнению историков, этот процесс подстегнула военная революция: появление ружей, постоянных армий и других дорогостоящих военных технологий, которые можно позволить себе только при наличии большого государственного аппарата и стабильной доходной базы¹⁹⁰. Вооруженные мечами конники и разношерстные банды крестьян не могли сравниться с организованной пехотой и артиллерией, которые выводит на поле боя настоящее государство. Как сказал социолог Чарльз Тилли, «война создает государство. И наоборот»¹⁹¹.

Борьба рыцарей за территорию была помехой растущей власти королей, потому что, какая бы сторона ни побеждала, гибли крестьяне и падали производственные мощности, которые могли бы обеспечивать королям доход и снабжать их армию. И, взявшись за установление мира – «королевского мира», как его называли, короли были намерены сделать все как надо. Для рыцаря сложить оружие и позволить государству защищать его от врагов было рискованным шагом, поскольку враги могли расценить это как слабость. Государство должно было строго выполнять свою часть сделки, чтобы граждане не потеряли веру в его миротворческие возможности и не возобновили свои усобицы и вендетты¹⁹².

Распри между рыцарями и крестьянами были не только помехой, но и упущенной выгодой. Во времена нормандского правления в Англии какой-то гений придумал, как погреть руки на национализации правосудия. Веками юридическая система относилась к убийству как к причинению вреда: вместо мщения семья жертвы требовала платы от семьи убийцы, так называемые «деньги за кровь», или «вергельд» (плата за человека), где «вер» означает «человек», как в слове «вервольф» (человек-волк). Король Генрих I дал убийству новое определение: теперь оно считалось преступлением против государства и ее символа – короны. Дела об убийствах теперь рассматривались не как «Джон Доу против Ричарда Роу», но как «Корона против Джона Доу» (позже, в США, «Народ против Джона Доу» или «Штат Мичиган против Джона Доу»). Гениальность идеи в том, что вергельд (часто все имущество обидчика вместе с дополнительными деньгами, собранными с семьи) отходил теперь не семье жертвы, а лично королю. Правосудие вершили передвижные суды. Они приезжали в города и местечки с той или иной периодичностью и рассматривали накопившиеся дела. Чтобы выявить и представить суду все убийства, каждую смерть расследовал местный представитель короны – коронер¹⁹³.

Как только Левиафан принялся за дело, правила игры изменились. Теперь, чтобы сколотить состояние, не нужно было становиться самым страшным рыцарем в округе – нужно было совершить паломничество ко двору и подольститься к королю и его свите. Суд (по сути, правительственная бюрократия) не нуждался в забияках и горячих головах, но искал достойных доверия управляющих. Знати пришлось менять методы продвижения. Рыцари учились вести себя так, чтобы не обидеть королевских подручных, и развивали эмпатию, чтобы понимать, чего те хотят. Манеры, подходящие для двора, стали называться куртуазными (court – двор). Пособия по этикету – советы, куда девать выделения из носа, – первоначально появились как инструкции по поведению при дворе. Элиас проследил путь, которым куртуазность за несколько столетий просочилась от аристократов, живущих придворной жизнью, к высшей буржуазии, взаимодействующей с аристократами, и уже от них – к прочим представителям среднего класса. Свою теорию, увязывающую централизацию государственной власти с психологическими переменами у населения, Элиас резюмировал так: «Из воинов – в придворные».

¹⁹⁰ Революция в военном деле: Levy, Walker, & Edwards, 2001.

¹⁹¹ Государства порождают войны. И наоборот: Tilly, 1985.

¹⁹² Королевский мир: Daly & Wilson, 1988, p. 242.

¹⁹³ Плата за кровь и коронеры: Daly & Wilson, 1988, pp. 241–245.

~

Вторая внешняя переменная, случившаяся в Средние века, – экономическая революция. Основой феодальной экономики были земля и работавшие на ней крестьяне. Как любят говорить риелторы, земля – единственный товар, которого не становится больше. Если феодал хотел повысить свой уровень жизни или хотя бы сохранить его в условиях мальтузианского роста населения, наилучшим решением для него был захват земель соседа. На языке теории игр конкуренция за землю – игра с нулевой суммой: выигрыш одного участника есть проигрыш другого.

Это свойство средневековой экономики усиливала христианская идеология, враждебная к любым методам торговли или новым технологиям, помогающим заработать больше, используя тот же объем материальных ресурсов. Барбара Такман пишет:

Отношение Церкви к предпринимательству и коммерции... состояло в убеждении, что деньги – зло, что, согласно Блаженному Августину, «стяжательство само по себе – зло»¹⁹⁴, что доход свыше минимально необходимого для поддержания дела – это алчность, делать деньги на деньгах, ссужая их под проценты, – грех ростовщичества, а перепродажа приобретенных оптом товаров по более высокой цене воистину аморальна и порицается каноническим правом; как резюмировал Блаженный Иероним, «купцы небогоугодны»¹⁹⁵.

Как сказал бы мой еврейский дедушка, «goyische kopp!» – гойские головы! Евреи взяли на себя роль ростовщиков и посредников, за что и подвергались гонениям и преследованиям. Экономическую отсталость усиливали и законы того времени, которые предписывали фиксировать цены на «справедливом» уровне, покрывающем лишь затраты на материалы и добавленную стоимость вложенного труда. «Чтобы убедиться, что никто не получит преимущества над остальными, – объясняет Такман, – законы о коммерции запрещали совершенствование инструментов и технологий, продажу ниже фиксированной цены, работу допоздна при искусственном освещении, привлечение новых учеников, использование труда жены или несовершеннолетних детей и рекламу своих товаров в ущерб интересам конкурентов»¹⁹⁶. Отличные правила для игры с нулевой суммой! Единственная остающаяся возможность разбогатеть – грабеж.

Сценарий игры с положительной суммой предполагает выбор, выгодный и той и другой стороне одновременно. Классическая игра с положительной суммой в обычной жизни – это обмен услугами, когда один индивид приносит другому значительную пользу при малых для себя затратах. Пример – приматы, помогающие друг другу избавиться от паразитов на спине, охотники, которые делятся мясом, когда один из них принесет добычу, которую не может употребить за раз, и родители, которые по очереди присматривают за детьми. Как мы увидим в главе 8, ключевой инсайт эволюционной психологии состоит в том, что кооперация и поддерживающие ее социальные эмоции – сострадание, доверие, благодарность, вина и гнев – развились потому, что они помогают людям процветать в играх с положительной суммой¹⁹⁷.

Классический пример игры с положительной суммой в экономике – обмен излишками. Когда у фермера больше зерна, чем он может съесть, а у пастуха больше молока, чем он может

¹⁹⁴ Неточно цитируемое «Толкование на Псалом 125-й» Бл. Августина. – *Прим. науч. ред.*

¹⁹⁵ «Деньги – зло»: Tuchman, 1978, p. 37.

¹⁹⁶ «Законы о коммерции запрещали»: Tuchman, 1978, p. 37.

¹⁹⁷ Эволюция сотрудничества: Cosmides & Tooby, 1992; Ridley, 1997; Trivers, 1971.

выпить, оба приобретут, если обменяют лишнее зерно на лишнее молоко. Как говорится, выигрывает каждый. Конечно, обмен окупается только в условиях разделения труда. Нет никакого смысла менять мешок зерна на мешок зерна. Фундаментальное открытие современной экономики в том, что разделение труда – ключ к росту благосостояния. Узкие специалисты ищут способы повысить рентабельность и имеют возможность обмениваться произведенной продукцией. Эффективному обмену служит транспортное сообщение, позволяющее производителям меняться излишками, даже если их разделяет расстояние. Другие полезные изобретения – это деньги, ссудный процент и посредники: с их помощью самые разные производители могут обмениваться самыми разными излишками в любой момент времени.

Игры с положительной суммой меняют и побудительные мотивы для насилия. Если ты обмениваешься с кем бы то ни было услугами или излишками, то живой контрагент приносит больше пользы, чем мертвый. Ты стремишься лучше понять его потребности, чтобы обеспечить необходимыми вещами в обмен на вещи, нужные тебе. Хотя многие интеллектуалы вслед за святыми Августином и Иеронимом подозревают коммерсантов в эгоизме и жадности, на самом деле свободный рынок поощряет эмпатию¹⁹⁸. Хороший предприниматель должен заботиться о том, чтобы угодить потребителю, иначе того сманит конкурент; а чем больше клиентов привлечет бизнесмен, тем богаче станет. Эту идею, которую стали называть благотворной торговлей (*doux commerce*), сформулировал в 1704 г. экономист Самуэль Рикар:

Торговля связывает людей взаимной пользой... Благодаря торговле человек приобретает рассудительность, честность и хорошие манеры, учится быть осмотрительным и сдержанным в словах и делах. Чувствуя необходимость быть мудрым и честным, чтобы преуспеть, он избегает пороков, или, по крайней мере, его поведение демонстрирует добропорядочность и серьезность, чтобы не возбудить никакого неблагоприятного суждения со стороны нынешних и будущих знакомцев¹⁹⁹.

И это подводит нас ко второму внешнему изменению. Элиас заметил, что в эпоху позднего Средневековья европейская цивилизация стала выбираться из болота технологической и экономической стагнации. Деньги все шире замещали натуральный обмен, чему способствовало укрупнение государств и унификация национальных денежных систем. Заброшенное с упадком Римской империи строительство дорог возобновилось, облегчая транспортировку товаров во внутренние регионы страны, а не только вдоль морских побережий и судоходных рек. С изобретением подков, защищавших копыта от камней брусчатки, и хомутов, которые не душили тянущую тяжелый груз лошадь, конный транспорт стал более рентабельным. Колесные экипажи, компасы, часы, прядильные и ткацкие станки, водяные и ветряные мельницы тоже усовершенствовались к концу Средневековья. Знания и умения, необходимые для применения этих технологий на практике, все шире распространялись среди ремесленников. Новые изобретения способствовали разделению труда и увеличению количества излишков, смазывая механизм обмена. Жизнь предлагала людям все больше игр с положительной суммой и снижала привлекательность грабежа с суммой нулевой. Чтобы воспользоваться обстоятельствами в своих интересах, людям приходилось планировать будущее, контролировать импульсы, принимать чужую точку зрения и оттачивать социальные и мыслительные навыки, необходимые для процветания в системе социальных взаимоотношений.

Два пусковых механизма процесса цивилизации – Левиафан и благотворная торговля – тесно связаны. Торговля, как игра с положительной суммой, процветает наилучшим образом под защитой Левиафана. Государство не только отличный инструмент для производства обще-

¹⁹⁸ Свободный рынок и эмпатия: Mueller, 1999, 2010b.

¹⁹⁹ Благотворная торговля: цит. в Fukuyama, 1999, p. 254.

ственных благ, обеспечивающих инфраструктуру для экономической кооперации, таких как деньги и дороги. Оно еще может надавить на чашу весов, на которых игроки взвешивают сравнительные выгоды торговли и грабежа. Предположим, рыцарь может или отобрать десять мешков зерна у соседа, или, затратив такое же количество времени и сил, заработать денег, чтобы купить у него пять мешков зерна. При таких условиях грабеж выглядит довольно привлекательно. Но, если рыцарь знает, что за грабеж его оштрафуют на шесть мешков зерна и ему останется всего четыре, он, скорее всего, выберет честный путь. Причем не только давление Левиафана придает привлекательности торговле, но и торговля облегчает Левиафану его работу. Если купить зерна негде, тогда грабежу нет альтернативы и государству приходится грозить нарушителям драконовскими мерами: чтобы удержать от отъема десяти мешков зерна, нужно вводить штраф размером в десять мешков, а такие штрафы взыскивать гораздо труднее. Конечно, в реальности государство может пригрозить не штрафом, а физической расправой, но принцип остается тем же: удержать людей от преступления гораздо легче, если законная альтернатива представляется им более привлекательной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.